

**Я СЕВЕРОМ
ВЫРОС...**

Я СЕВЕРОМ ВЫРОС

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 2

ОНЕГА
2016

**ББК 63.3(2Рос-4Арх)
Я 11**

Я Севером вырос ...

Именно так мы решили назвать второй выпуск краеведческого альманаха. В нём собраны очерки и стихи на различные темы, но, тем не менее, они объединены тем, что речь в них идёт о событиях и людях Онежского уезда и района. Авторами данного альманаха, являются не только краеведы Онежского района, но и Плесецкого, ведь часть его нынешней территории, когда-то входила в состав Онежского уезда. Все публикации распределены по соответствующим рубрикам, чтобы читателю сразу стало ясно, о чём пишет тот или иной автор.

Среди имён авторов, читатель встретит практически забытые на сегодняшний день имена онежских краеведов 1970-80 годов. Какие-то из этих материалов публиковались в советские времена в газете «Советская Онега», а какие-то так и остались неопубликованными, и хранятся в виде рукописей в архиве Онежского историко-мемориального музея.

Мы, составители это выпуска, надеемся, что каждый читатель, найдёт для себя что-то новое, неизвестное. И может быть, предложит свою публикацию для следующего выпуска альманаха.

Книга издана при финансовой поддержке районной программы «Развитие сферы культуры Онежского района».

Редакционная коллегия:

В.А. Негодяева; Л.Р. Бикулова; В.В. Елфимов

Я 11 Я Севером вырос: Краеведческий альманах: 2 Вып: [очерки и стихи об Онежском районе]. – Онега.2016. – 236 с., ил.

ББК 63.3 (2Рос-4Арх) + 84(2Рос-4Арх)6

Вместо предисловия

Василий ЕЛФИМОВ

Краеведение в г. Онега и Онежском районе

Зарождение краеведения в Онеге можно отнести к 1908 году, когда в городе Архангельске открылось общество изучения истории Русского Севера. В Онеге членами общества были: аптекарь Я.Н. Лапин, отставной статский советник А.М. Никольский, уездный исправник А.А. Ульяновский, сотрудник лесничества Г.С. Михалков, учитель М.В. Дымский и др.

В 1923 г. краеведы Онеги создали своё общество. К 1928 г. в нём насчитывалось уже 250 членов. Усилиями общества в 1925 в городе создан краеведческий музей. В 1937 г. общество было упразднено, но краеведы - одиночки продолжали начатое дело.

В 1950 г. по инициативе А.П. Максимова общество краеведов было восстановлено.

На заседании краеведческого актива г. Онеги, 11 декабря 1950 г. присутствовало 9 человек. В повестке дня стоял вопрос об организации общества краеведения и краеведческих кружков.

Одобрив инициативу по оживлению краеведения в Онежском районе, объединив вместе силы любителей краеведения, краеведческое общество в Онеге было утверждено.

Членами правления общества избрали 3-х человек: Максимов А.П., Карпунин Г.Ф., Сынчиков Д.И.

Общество было разбито на две группы:

По изучению истории района: Максимов А.П. (руководитель группы), Сынчиков Д.И., Ельцов В., Воронина А.И.

По изучению природоведения: Карпунин Г.Ф. (руководитель группы), Самохин А.Д., Балашева О.А., Елфимова К.П.

Было решено издать рукописный краеведческий журнал, и выпустить его к 31-й годовщине освобождения Севера от англо-американских интервентов и белогвардейцев (к 20 февраля 1951 г.). На заседании правления общества от 27.01.1951 г., было утверждено название журнала - «Наша Онега».

В 1950-1960 годы в Онежском краеведческом обществе активно работали краеведы: Сергей Иванович Кириллов, Дмитрий Варламович Баженов, Дмитрий Павлович Тарасов, Павел Иванович Носков - который много сделал в области топонимики. Им с языка угро-финских племен переведено большое количество названий рек, озёр и деревень.

В 1970-1980 годы по инициативе краеведов создаются музеи при школах и предприятиях. Интересные материалы по истории Онежского края были собраны З.И. Магуновой (средняя школа №4), П.С.

Ануфриевым на лесозаводе №34, С.П. Лапиным в посёлке Ковкула, К.А. Узиковой в школе рабочей молодежи, В.В. Киселёвым в средних школах №2 и №3. Много сделал для пропаганды памятников истории и культуры А.И. Ульянов.

С 1976 по 1982 годы, под руководством директора краеведческого музея Антонины Александровны Поповой активно работал общественный Совет краеведов г. Онеги, председателем совета был Сынчиков Дмитрий Иванович. В составе Совета работали краеведы: П.С. Ануфриев, Д.В. Баженов, И.А. Глазов, А.П. Максимов, А.П. Кузьмин, П.И. Носков, А.И. Ульянов. В районе работали краеведы: в селе Кянда – Павел Васильевич Лаврентьев, в селе Тамица – Степан Иванович Дьячков, в посёлке Кодино – Василий Иванович Денисов, в посёлке Ковкула – Сергей Павлович Лапин, в селе Малошуйка – Александр Никандрович Кузнецов и др. Усилиями Онежского краеведческого музея и краеведов, был восстановлен дом-музей им. А.С. Кучина, большая заслуга в его восстановлении принадлежит Д.И. Сынчикову.

В конце XX века краеведами было выпущено много брошюр, буклетов и плакатов, среди них работы В.В. Киселёва, В.А. Медведева, В.Я. Борового, Г.Б. Дерягина и Л.А. Харлина. Под редакцией краеведа и писателя В.В. Киселёва вышло около 30 книг. Появились новые имена краеведов, журналистов, писателей и поэтов, которые посвящают свои произведения истории города и Онежского края. Особенно возрос выпуск краеведческой литературы в начале XXI века, так в 2001 году начал своё литературное творчество по краеведению А.И. Ульянов, который за это время выпустил более 20 книг, а с 2008 года начал выпуск ежегодного сборника «Памятные даты г. Онеги и Онежского района».

В 2012 г. выпустили второе, дополненное издание книги «Старая Онега» Г.Б. Дерягин и Л.А. Харлин. В 2013 г. вышла в свет книга Л.Г. Божко и Т.Е. Устиновой «Дорога домой», о своих земляках, участниках Великой Отечественной войны, уроженцах с. Ворзогоры. В 2014 г. вышло второе, дополненное издание книги В.И. Родионовой «Прионежье. Люди и судьбы», книга «Сказ о славном острове Кий...», А.И. Ульянова, Я.К. Пеннера и другие издания.

22 января 2014 года при Онежской центральной библиотеке им.А.С. Пушкина, под руководством библиографа Л.Р. Бикуловой был создан краеведческий клуб «Онежский краевед». Онежские краеведы продолжают дело по изучению истории Онежского края, начатое их предшественниками.

В октябре 2014 г. проведена районная историко-краеведческая конференция посвящённая 100-летию начала Первой мировой войны. В конференции со своими докладами выступили 16 человек. Среди выступавших были учащиеся городских и районных школ. Творческие работы участников конференции, были представлены в различных видах: рефераты, презентации, стендовые доклады и др.

В мае 2015 года, вышел первый выпуск краеведческого альманаха. Это издание, вышедшее под названием «Шёл земляк тропой славы», было приурочено к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В нём собраны материалы о наших земляках онежанах, участниках войны. Это не художественное произведение, а сборник очерков написанных не писателями, а простыми гражданами, не равнодушными к своему прошлому. Судьба каждого из авторов, в какой-то мере была связана с тем человеком, о котором они написали в своём очерке.

Летом 2015 г. онежскими краеведами было совершено несколько туристических походов с посещением старейших деревень Онежского района: Ворзогоры, Хачела, Лямца. Осенью, в качестве зрителей, приняли участие в первых историко-краеведческих Макаровских чтениях, прошедших в пос. Плесецк. Онежские краеведы надеются, что на вторые Макаровские чтения, которые намечены на 2017 г., придут уже в качестве участников.

В феврале 2016 г. онежские краеведы совершили поездку в пос. Улитино, с целью посещения музея Ярнемской средней школы. Экспонаты и экспозиции музея произвели на краеведов большое впечатление. В этот же день, на обратном пути, они посетили д. Кутованга.

Онежские краеведы с учителями Ярнемской школы

В июле группа краеведов совершила двухдневный туристический поход по побережью Белого моря, от с. Лямца до с. Пурнема.

Впереди онежских краеведов ждут новые походы и исследования...

Используемая литература:

Материалы из архива А.П. Максимова. ОИММ. Оп.3.Д.497.ЛЛ.10-11;17-17об.

Ульянов А.И. Краеведение, очерк. 2014.

Земляки

Ида Ивановна ВОЛКОВА

«Капитаны» - ничто человеческое им не чуждо

На живописных берегах речки Тамицы широко раскинулась красивая, одноименная с речкой деревня. Это – центральная усадьба рыболовецкого колхоза им. В. И. Ленина.

Мой рассказ о председателях колхоза, о тех, кто внёс наибольший вклад в его развитие. Они не стояли на капитанских мостиках траулеров, но они были председателями рыболовецкого колхоза, и без их умелого руководства, ни один траулер не вышел бы в море. Поэтому можно их назвать капитанами. Как бы хорошо не знали они колхозное производство, не смогли бы так отлично организовать работу, если бы не было взаимопонимания с колхозниками, доброго, человеческого отношения к людям.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ ДЬЯЧКОВ

Коренной тамичанин. Родился и вырос в Тамице, где жило не одно предыдущее поколение, поэтому знал всё досконально о труде и быте деревни. Помнит, как создавался колхоз. Тогда ему было 6 лет. Участник

Великой Отечественной войны. Почти всю жизнь жил и работал в Тамице. Председателем колхоза был с 1970 по 1973 год. До этого с 1954 по 1970 – заместитель председателя. После скоропостижной смерти в 1950 году его

отца, бывшего председателем колхоза, Ивана Ананьевича, председатели часто менялись, иногда не успевая вникнуть в дело и узнать людей, так как были среди них и не местные. Всё колхозное производство, посевная, заготовка кормов, уборка урожая, и, самое главное, рыбная ловля, колхоз-то рыболовецкий, лежало на заместителе. Вот и получается, что руководил Степан Иванович колхозом почти два десятка лет.

Степан Иванович виртуозно играл на гармошке, поэтому самодеятельность в клубе не обходилась без него, и танцы для молодёжи тоже. Особенно запомнились танцы в клубе летом 1956 года. Я была тогда студенткой Архангельского пединститута, перешла на 3 курс. До этого мы ездили в колхозы Архангельской области на сенокос и уборку урожая, организовано, студенческой группой, куда отправят. А в это лето студентам разрешили для месячной отработки, выбрать деревню по месту жительства и привести в институт справку. Мы с сестрой, учащейся Архангельского техникума связи и моей однокурсницей онежанкой поехали в Тамицу. Там жили наши с сестрой дедушка, бабушка и тётя. Работали на сенокосе, вставали очень рано. А вечером на танцы в клуб. Танцы длились до полуночи, в июле уже начинало темнеть ненадолго, рассвет, а мы всё ещё танцуем. Утром вставать не хочется, не выспались, клянёмся, что вечером на танцы не пойдём. А вечером через открывающиеся закрывающиеся двери клуба (дом наш недалеко, только через мост перейти) слышны звуки гармошки и мы снова бежим танцевать.

А Степан Иванович, намахавшись за день косой или граблями, наяживает на гармошке. Я успела сказать ему слова благодарности за нашу молодость ещё при его жизни. И вот как они звучали:

Танцы в клубе кончались за полночь,
Рано утром сено косить.
Ох уж эта невысыпаемость!
И зачем было в клуб ходить.

Спозаранку нас будит дедушка,
Приговаривая притом:
«Коли выгулка, так не высыпка».
Всё, на танцы мы не пойдём.

Но..., играет Степан Иванович,
Так призывно гармонь звучит,
Что, забыв про недосыпание,
Не идем мы в клуб, а бежим.

И танцуем, танцуем, танцуем,
Никакой усталости нет,
Прямо ног под собой мы не чуем,
Вновь встречаем в клубе рассвет.

И за эти вот танцы за полночь,
За июльский «клубный» рассвет
Вам спасибо, Степан Иванович,
И здоровья и долгих лет!

ЛЮБОВЬ ГРИГОРЬЕВНА КАЛИНИНА

Руководила колхозом с 1974 по 1990 год. В эти годы в колхозе развернулось большое строительство. Началось оно с пилорамы. Отпала нужда за каждой доской или брусом ездить в город. А дальше, что ни год, то новостройка. Кирпичный коровник с комплексной механизацией, кирпичный же гараж. Новый сельский Дом культуры, по индивидуальному проекту. Под одной крышей школа и детский сад. Построена линия электропередач, отпала необходимость иметь дизельные электростанции.

Три двухквартирных дома.

В Кянде, в кирпичном исполнении клуб, два двухквартирных дома, медпункт. Из города стали перевозить дома, которые шли под снос. Новый мост через речку Тамицу из своих пиломатериалов бригадой колхозных плотников построили. Приобрели корабли для морского

лова рыбы. Один из них назывался «Верхневилуйск», другой «Крупино».

На базе центральной усадьбы колхоза, в 1985 году, состоялось выездное совещание председателей всех рыболовецких колхозов области, на котором Любовь Григорьевна делилась с ними опытом работы. Здесь же она была выбрана делегатом на Всесоюзный съезд колхозников, который

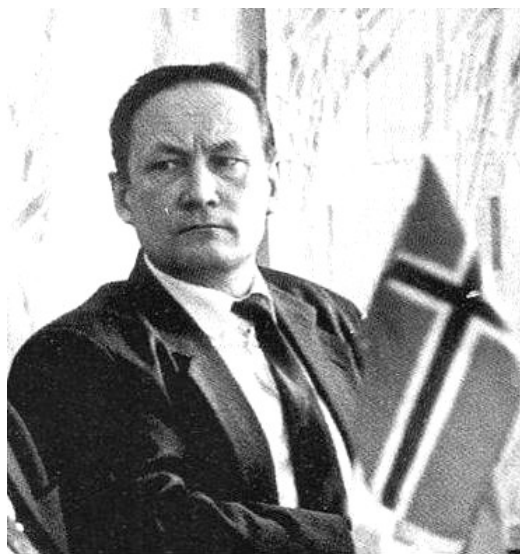
несколько позднее состоялся в Москве. Кстати, у Любови Григорьевны была морская форма.

Колонный зал Дома Союзов. Москва. Октябрь 1985.
(Калинина Л.Г. пятая справа)

Для колхозников делалось многое. Приведу пример бережного отношения председателя к детям села. В Тамице была начальная школа, а для дальнейшей учёбы дети направлялись в Кяндскую школу, жили в интернате. Когда в Кянде закрыли восьмилетнюю школу, оставили только начальные классы, детей определили в среднюю школу №4 города Онеги с проживанием в пришкольном интернате. Через некоторое время одна девочка, ученица 6 класса стала среди недели убегать домой в Тамицу. Я работала тогда воспитателем интерната. Стали выяснять причину убегания. В школе хорошие отношения с одноклассниками, с учёбой всё ладится, в интернате со всеми дружна. Наконец поняли: девочка скучает по животным, она без них просто жить не может. Посоветовались с Любовью Григорьевной, она пообещала девочке давать на выходные колхозную лошадь, если на неделе не будет прогулов в школе. И лошадь давали, и всё наладилось. А девочка, став взрослой, пришла работать на колхозную ферму, и не было случая, чтобы животные не были ею накормлены, коровы не подоены. Она была очень добросовестной, любила и жалела животных.

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ ФЁДОРОВ

Председатель колхоза с 1993 по 2009 год. Об этом человеке нужно сказать особые слова. Лихие 90-е годы. Политика государства: фермер накормит страну. Один за другим в стране разваливаются колхозы и совхозы. Уготована такая участь и Тамицкому колхозу. Особенно трудными были 1996-1997 годы. Долги по налогам и процентам выросли в астрономическую сумму. Вышестоящие власти делали всё, чтобы развалить хозяйство, обанкротить его. Счета в банке арестованы. Промысел на океанический вылов рыбы приостановлен. Суда стоят на приколе. В период всеобщей «прихватизации» были поползновения завладеть колхозными траулерами. Квоты на прибрежный лов задерживались, или годами не выделялись совсем. Не раз и не два в разных инстанциях Виктор Михайлович доказывал необходимость сохранения колхоза. Он находит выход. Стали заготавливать колхозный лес и отвозить на Онежский ЛДК. Появились новые рабочие места, в кассу колхоза стали поступать деньги. В Подпорожье, которое уже входило в колхоз им. В. И. Ленина, два года силами колхозников строили забор для ловли сёмги. Строительство, осмотр заборов, засолка сёмги – это тоже новые рабочие места и пополнение в кассу колхоза. А потом, наконец, пошли в море и рыболовные траулеры, появились новые, вновь начался прибрежный лов. Так ценой невероятных усилий Виктору Михайловичу удалось сохранить рыболовецкий колхоз им. В.И. Ленина. Он также был делегатом Всесоюзного съезда рыболовецких колхозов в Москве.

А его, я бы сказала, трепетное отношение к людям. Молодая колхозница Катя Зотова, в замужестве Шадрина, вместе с подругами на колхозном огороде выращивала рекордные урожаи капусты. Когда Виктор Михайлович стал председателем, она была уже престарелой, а, когда умер её единственный сын, была уже глубокая старость. Жила одна. Виктор Михайлович находил время навещать её, интересовался её нуждами, проверял, хорошие ли дрова привезли, да и просто поговорить с человеком. Надо было видеть, как радовалась Екатерина Александровна общению с ним. Виктор Михайлович вручил ей подарок на 90-летие. Думаю, такая забота председателя колхоза продлила её жизнь почти до ста лет. Она умерла в прошлом году, не дожив 4,5 месяцев до столетия.

Не смотрит пустыми глазницами Тамицкая ферма. Слава Онежского масла, которое делают, в том числе из Тамицкого молока, перешагнула

границы Онежского района. Гости города приезжают с сумками-холодильниками и увозят масло. Ловят рыбу траулеры. За рыбой колхоза сразу выстраивается очередь. Не исчезли с лица земли и деревни, входящие в состав колхоза. Надеемся, что колхоз и дальше будет развиваться, будут приобретаться новые рыболовные суда. И справедливо было бы назвать одно из них в честь Виктора Михайловича Фёдорова.

Тамара Петровна ЛАПИНА (ПОПОВА)

Филяновы-Поповы из деревни Есенская (Поле)

Я хочу рассказать о моих дедушке и бабушке, Александре Яковлевиче и Александре Степановне Филяновых и их детях. В 2011 году было бы 100 лет, как они стояли под венцом в церкви деревни Поле. Числа я не знаю, но было это после Иванова дня, 7 июля. Ей было 17 лет, ему 26.

Александр Яковлевич и Александра Степановна Филяновы

Бабушка вспоминала, что она жила в городе Вятке у старшего брата Николая, который работал машинистом, водил поезда. Она водилась с его детьми. Ей надоело там жить, и она решила ехать домой в деревню Большой Бор. Жена брата запрятала всю её одежду, но бабушка всё равно уехала. А вскоре брат с женой приехали к ней на свадьбу, всю одежду привезли.

В деревне Усолье был престольный праздник – Иванов день. Вся молодежь из Большого Бора ушла туда, пришла в Усолье и молодежь из Поля. В престольные праздники были гулянья на лугу. Вот дедушка несколько раз пригласил бабушку танцевать.

После Иванова дня послал сватов. Бабушка в это время была в деревне Павловский Бор у родственников. За ней приехала бабушкина мать на лошади, запряжённой в телегу. Бабушка отказалась идти замуж, ей месяц назад, в конце мая, исполнилось только 17 лет. Мать уехала домой. Потом снова едет: «Сашка, Павел сказал, пойдёт она или не пойдёт, а чтобы здесь была!» Павел – это Павел Степанович Клекашев, самый старший брат бабушки, она – самая младшая. Разница в возрасте у них была 20 лет. И вот брат приказал родителям отдать её замуж. Приехав со свадьбы, жена брата сказала ему: «Выдал приказным словом, будет жить плохо, всю жизнь будет на тебя обижаться». У него на глазах выступили слезы. Но бабушка на него не обижалась, они всю жизнь дружили семьями.

Раньше такой был обычай. Старшим сыновьям родители выделяли жилье, дочерям – приданое (всё, что необходимо в доме). А младший сын оставался в родительском доме, жил вместе с родителями, и всё впоследствии принадлежало ему: и жилье, и то, что в доме. Дедушка у нас был младшим сыном, бабушке пришлось жить со свекровью. Дедушка и бабушка прожили вместе 63 года. Вырастили шестерых детей: одна дочь (моя мама) и пять сыновей. Всех сыновей вместе проводили на войну, троих встретили. Два сына погибли. Когда в 1963 году после операции в военно-медицинской академии (в Ленинграде) умер третий сын, бабушку парализовало, ходила с палочкой. И дедушка у нас был очень добрый и заботливый. У них 14 внуков, правнуков и не сосчитать, все разъехались по разным городам.

Филянов Иван, 1913 г.р. Первый ребёнок в семье Филяновых Александра Яковлевича и Александры Степановны. Закончил 4 класса церковно-приходской школы в своей деревне. Перед войной работал в лесопункте в бригаде стахановца Филянова Андрея Епимаховича (родственник). Началась война – был призван Онежским военкоматом и отправлен на фронт. Был ранен, лечился в госпитале в Архангельске. После лечения был снова направлен воевать с немцами в Карелию, Лоухи-Кестеньга. Сестра Ивана (Филянова Нюра) всё вспоминала, что вдоль реки Кузнечиха шла большая колонна военнослужащих, одетых в белые полушубки. Она стояла и всматривалась в лица солдат, хотела увидеть лицо брата Ивана. Потом всю жизнь жалела,

что надо было кричать его фамилию и имя. (Может быть, его в этой колонне и не было). Больше она брата не видела, убили. Филянов Иван Александрович погиб в 1942 г., пролежал в болоте до 1998 г. Поисковики подняли больше 200 тел погибших из болота. С почестями всех захоронили в братской могиле в пос. Сосновый, около г. Лоухи. Так получилось, что на военном кладбище два захоронения Филянова Ивана, слева захоронение 1998 г., а справа захоронение во время войны. Жена его Наталья Степановна ездила после войны к нему на могилу, а как оказалось, его там не было, он лежал в болоте. Война есть война, много недоразумений.

Ученики Чекуевской школы. Филянов Михаил (сидит крайний справа), Попов Пётр (сидит четвертый слева)

Филянов Михаил, 1916 г.р., второй сын, пропал без вести в сентябре 1942 года. Моя бабушка, Александра Степановна, всё тосковала по погибшему сыну Михаилу. Вспоминала, когда он учился в школе, однажды вечером сказал, чтобы утром не будила в школу (в школу бегали за 17 км. в Чекуево). «У попа сын учится в вышитой и белой рубашке, а у него портяная (льняная) серая». Бабушка ночью вышила «вороньим шагом» (такой был узор вышивки) ему портяную рубаху. Разбудила утром сына, сказала, что примерно такая же как у попа у тебя теперь рубашка. Он посмотрел, одел и в школу убежал.

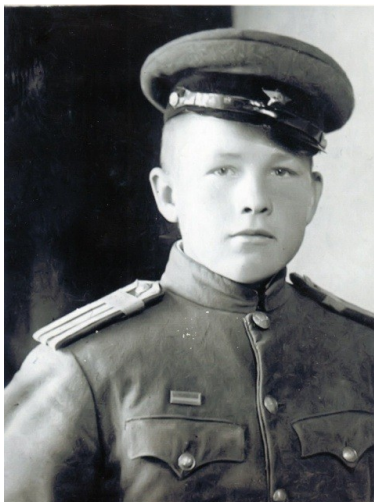

Моя мама, **Филянова (Попова) Анна Александровна** 1919 г.р. д. Поле (Есенская), была третьим ребёнком в семье Филяновых Александра Яковлевича и Александры Степановны. Окончила 4 класса в Польской школе, затем 5-7 классы в Чекуевской школе. После окончания седьмого класса поступила в ФЗО г. Архангельск. После окончания ФЗО была направлена работать на л/з им. Молотова в Архангельске (теперь Сульфат) Во время войны провожала на фронт братьев Михаила и Константина. Константин вернулся с войны, а Михаила видела последний раз у эшелона. Он дал ей на память полтинник, она этот

полтинник бережно всю жизнь берегла, теперь полтинник берегу я, как память о дяде. Маме же пришлось выехать к родителям в деревню из-за голода. В то время очень многие выехали в деревню. Землю звали «кормилицей».

Филянов Константин, 1922 г.р., третий сын – всю войну прошёл до Берлина с легендарными «катюшами». После войны служил до 1948 г. Жил в Поле, работал учителем в школе, в 1949 году снова призвали служить в армии. Отправили на Северный флот в Иоканьгу, потом на Балтийский флот в Лиепаяю. Был похож на мать. Умер в 1963 году в Ленинграде.

Филянов Василий 1925 г.р., четвёртый сын – призван в январе 1943 года, дошел до Берлина. Сначала воевал на Белорусском фронте, был связистом. Под Витебском был большой бой, и оборвалась связь. Первого бойца отправили наладить связь, его убили, второго – убили, третьим отправили Василия. Связь он восстановил, но был ранен. Попал в госпиталь, а домой родителям пришла похоронка. Числится в книге Памяти погибшим и захороненным в братской могиле под Витебском.

На самом деле, после выписки из госпиталя,

его отправили в Саратовское танковое училище. Он был танкистом, воевал в армии генерала Рыбалко (документы хранятся в музее). После окончания войны служил в Советских оккупационных войсках в Германии. Домой вернулся в 1951 или 1952 году. Моя мать всё вспоминала, что он ушёл на войну худеньким парнишкой 17 лет, а вернулся домой через 10 лет – здоровым, красивым, коренастым мужчиной.

Интересно то, что в своё время родителям пришло из Берлина письмо сначала от одного сына, потом – от второго. Дедушка сообщил им об этом – и два брата в Берлине встретились! Василий Александрович награждён орденами Отечественной войны I и II степени, и медалями. Позже он работал в Онеге на гидролизном заводе. Потом жил в Архангельске, работал сварщиком в воинской части. Умер в 1985 году, похоронен в Архангельске.

Филянов Леонид, 1927 г.р., – призван в армию тоже 17-летним, в 1944 году. В боевых действиях не участвовал. Был сапёром, очищал местность после боёв от снарядов. После войны работал вместе с Сергеем Павловичем Лапиным, в Ковкульской школе учителем. Умер в 1981 г., похоронен в д. Поле.

Теперь о моём отце и его брате.

Пётр Иванович Попов 1917 г.р., воевал в финскую кампанию. Когда началась Великая Отечественная война, воевал под Волховом, в 1942 году был ранен в ногу. С марта по ноябрь 1942 года лечился. После госпиталя, домой вернулся на костылях. Умер в 1964 году в Архангельске.

Брат Петра – мой дядя **Николай Иванович Попов** 1897 г.р. – был партийным работником. Был заведующим горкомхозом Онежского горсовета. Ушёл добровольцем в партизанский отряд «Сталинец» в Карелию. После войны работал на руководящих постах, был председателем колхоза в Мудьюге. В пенсионном возрасте уехал к дочери в Омск. Умер там, в 1972 году.

Светлая память моим дорогим родственникам! Жаль, что при жизни они не видели таких почестей от властей, какие видят живущие сегодня участники войны.

Виктор МАКСАКОВ.

Макутынович Александр Леонович

Родился 26 февраля 1947 г. в г. Швянченис Литовской ССР. После окончания школы поступил учиться в Ленинградское медицинское училище, которое окончил с отличием. Летом 1966 г. был призван в армию. Сначала служил в Павловске, что под Ленинградом, а в декабре

молодого фельдшера перевели служить в Нименьгу в 66-й военный лазарет. Здесь Александр Леонович был не только фельдшером, но и палатным медбратом, старшим медбратом, операционным фельдшером, обслуживал рентгеновское оборудование.

В 1987 году в сорокалетнем возрасте Александр Леонович Макутынович попадает в Афганистан. Там он получил тяжёлую боевую травму. Вёз раненых на бронетранспортёре. Вдруг взорвалась мина. БТР шарахнулся в сторону, и все кто на нём сидели, попадали на землю. От удара Александр сломал рёбра, их обломки вышли в лёгкое. Чудом остался жив, перенёс две сложных операции.

Его должны были комиссовать, но дали дослужить в Нименьгском военном лазарете.

За время службы, старший прапорщик медицинской службы А.Л. Макутынович имел правительственные награды: Грамоту Верховного Совета РФ, Ветеран Вооруженных сил РФ, медаль «Воину – интернационалисту от Афганского народа», медаль «15 лет вывода Советских войск из ДРА», медаль «За безупречную службу» и др. медали. Александр Леонович любил северную природу. Ходил за грибами, рыбачил и охотился. Север стал для него второй родиной.

Скоропостижно скончался 26 сентября 2015 г.

Оказалось, что А.Л. Макутынович писал стихи. Одно из них, посвященное службе в Афганистане, предлагается вниманию читателей, в том варианте, как написал его автор.

Любой, задумавшись, поймёт
Когда в душе нарыв назреет.
Что боль души, нет, не пройдёт,
Проклятье лет Афгана тлеет.

И может вдруг запылывать,
И некому пожар унять.
Не до того сейчас властям,
Афган в России, а не там.

Да, я вернулся, да живой!
Холмы могил взошли травой,
Вы, не пришедшие ребята,
Простите фельдшера-солдата.

В душе романтика-поэта,
Звучали партии заветы.
Так, как и многие из вас,
А что сейчас, а что сейчас?

И я не я, лишь внешне тот,
Во сне вдруг БТР взревёт.
Хватают руки автомат,
И будто тоже виноват.

Что в цинках вас везли домой,
А я зачем-то вот живой,
Живой пришёл к себе домой.
Родные братья по Афгану,

Внучат рощу и прячу рану.
Ничто физическая боль,
Когда в глаза и душу соль,
Нам уцелевшим подсыпают.
Ещё и прошлым попрекают.
Живой я только лишь снаружи,
А лучше это или хуже,
Не знаю даже, что сказать,
Не мне решать, не мне решать...
Давно застыл и омертвел,
И как бы, братья, я хотел
Лечь навсегда там, рядом с вами,
Нет, не сказать всего словами.
Кого ж винить, кто виноват?
Из-за чего не спит солдат?
Несправедливой той войны
Короткие и злые сны.
Да документы ветерана,
Чтоб дольше не забывалась рана
Моей калеченой души.
Зачем сказал хирург – «Дыши!»
Когда в Ташкенте швы снимал
Видать хирург не понимал.
Как тяжело будет просто жить.
Нет, ничего не позабыть...
Но вот другое поколение
В Чечне приказы выполняет.
Под лозунги за правду – матку
Опять несут ребят в палатку.
Опять вертушки воздух рвут
И «грады» яростно ревут.
Мы вас хоть в цинках вывозили,
Теперешних, в полях забыли...

Да, пуля нас не выбирает,
И искры высекает сталь
А мне опять чего-то жаль...

История, дай Бог, рассудит,
И боль утрат народ забудет
И соберут с полей солдат,
Найдут того, кто виноват.

Прощай «Якорёк», или До свидания?

Осенью 1944 г., в старом одноэтажном здании в центре города Онеги был открыт санаторный детский сад. В те годы в городе было много эвакуированных. Они работали на лесозаготовках, на лесозаводах. Жилищные условия у них были плохие, многие были больные туберкулёзом. Чтобы оградить детей, оздоровить их, был открыт круглосуточный детский сад. Дети в нём жили неделю, лишь на выходные их забирали родители. Сначала была одна разновозрастная группа, заведующей назначили М.П. Большакову. Она хоть и не имела педагогического образования, но любила детей, и старалась, как могла заботиться о них. «Самое главное – так тогда говорила заведующая горно Ешкилева Анна Николаевна – чтобы дети были сыты».

Заведующая детсадом Большакова М.П.(в центре внизу)

Первыми воспитательницами были Томилова Н.М. и Новикова М.К. Игрушек, было мало, приходилось самим шить и наряжать кукол, делать игрушки своими руками. Бумагу просили в редакции газеты, собирали картинки, иллюстрации из старых книг и журналов, делали самодельные

книжки. Дети, кто мог, приносили карандаши, книжки, тетради. Воспитательницы проводили с детьми занятия, пели песни о Ленине, о Сталине, о войне, рисовали, танцевали. Иногда собирали посылки с детскими рисунками и отправляли на фронт. Тогда у многих на войну ушли родные, и дети об этом знали. В группе были эвакуированные дети немцев Поволжья, с нашими ребятами они играли дружно. Между собой разговаривали по-немецки. Воспитательницу Марию Константиновну называли «Муттер Мария».

Около бывшей церкви была выделена земля для огорода. На ней работницы сажали картошку для детсадовских ребят, работали там, в свободное от основной работы время. Сами заготавливали дрова. Постельное бельё прачки стирали руками на стиральных досках. Очень заботились о детях, следили за питанием, пролечивали, оздоравливали.

В 1946 году детсад, который в народе называли «диетный», перевели в двухэтажное здание на пр. Октябрьский. Открыли вторую группу. В это время пришли работать в детский сад воспитатели Барашнина Александра Ивановна и Феклина Ульяна Степановна. Детсадовские группы были на втором этаже, а на первом начальная школа. На 2-й этаж, детишки поднимались и спускались по крутым ступенькам, отправляясь на прогулку. А нянечки и повара носили на коромыслах воду в ведрах (бочку с водой привозили к детсаду), а ещё носили охапки дров для печей. Работать было трудно. Но кому в те годы было легко? Детишек надо было спасать, воспитывать, растить. За их здоровьем постоянно следили

медработники детсада. А из больницы приходили врачи Новокшёнова Е.И. и Кузьмина Е.А. С детьми всегда проводили праздники, но родителей по известным причинам, не приглашали. Воспитатели и медсёстры посещали квартиры детей, проверяли их жилищные условия. Приходилось бывать им и в заводских общежитиях, и на Понье. Учили родителей, как надо следить за детьми, чтобы они не болели. А дети в группах были даже из деревень. В детском саду было очень хорошее, по тем временам, питание. Следили, чтобы пища была полезная, калорийная, с витаминами: мясо, рыба, молоко, сметана. Даже венгерские компоты в банках были. Где бы детям так дома питаться? Вот и не болели. Поварами, нянечками работали в те годы Лаврентьева Н., Кренёва А., Фокина П.

Фото 1946. Воспитатели Новикова М.К. и Барашнина А.И.

В группу ходило по 29 человек, а потом стало по 20 (нашли в справочнике норму количества детей в специальных детских садах, и добились уменьшения количества детей в группе). Заведующей тогда уже работала Кузнецова Клавдия Николаевна. Около детского сада был участок. Летом всегда высаживали на клумбу цветы. Зимой воспитатели лепили большие снежные фигуры. Особенно хорошо получались у Шошиной П.Г. и Феклиной У.С. Дети приносили с собой из дома лыжи, санки, лопатки, развлекались на прогулки, как могли.

Впоследствии детсаду было выделено другое здание по улице Коминтерна, где раньше была начальная школа. Переезжали своими силами. Представьте шествие: дети и воспитатели идут со своими игрушками, горшками, коробками, цветами... Переезд! Какая радость! Здание было старое деревянное с большими окнами и с большими групповыми комнатами. Но, печи приходилось топить два раза в сутки. Постоянно боролись с крысами. Но всё выдержали. Обживали, украшали помещение как могли. Заведующими тогда работали, сменяя друг друга, Войнова Тамара Фёдоровна, Касаткина Клавдия Константиновна, Рубанова Лариса Аркадьевна, Постникова Лидия Ивановна.

В 1976 году детским садом стала руководить Н.Г. Бачина. Порядок навела на свой лад! Следила за состоянием вверенного ей учреждения добросовестно! Как замечали работники, дневала и ночевала в саду, душой болела за работу. «Дети в детском саду должны чувствовать себя, как дома» – говорила Нинель Григорьевна. Неукоснительно выполнялся режим дня. Кроме хорошего питания, дети оздоравливались: гуляли в любое время года, в любую погоду. Н.Г. Бачина требовала от воспитателей материнской заботой о детях, ведь они на целую неделю оставались без мам. После прогулок, воспитатели и няни всегда проверяли у детей обувь, рукавицы, одежду, сушили их на верёвках у печек. В это время работали Чертова А.М., Телова И.Б., Ершова В.В. Постельное бельё стали сдавать в прачечную. Заведующая и медсестра Васильева Г.А., следили, чтобы оно было чистым и сухим. Нянечками в то время работали Шиликова А.И., Курган Т.С., Калинина А.В., Мулюкова В.П. Они тщательно следили за

чистотой в детском саду. Благодаря такой заботе работников, дети в детском саду очень редко болели простудными заболеваниями. Зарплата воспитателя в те годы была 45 рублей в месяц, а у нянечек ещё меньше, но к работе относились ответственно. В соцсоревновании между детскими садами города, детсад №5 занимал вторые – третьи места. Семнадцать лет Н.Г. Бачина руководила этим детским садом, до выхода на пенсию в 1989 году.

Вскоре, в городе встал вопрос о строительстве нового специального здания для санаторного детского сада. Документацию по строительству взялась делать с помощью работников коммунальных предприятий Крысанова Валентина Александровна. Планировку внутри детского сада и участка дала Бачина Н.Г. Строительство приняла Никулина Л.Ф., при ней и достраивался садик. Назвали его «Якорёк». И встал он, как маленький кораблик на берегу Онеги. Обживали, украшали, как могли. Радовались, что теперь не надо топить печки, носить воду, что есть отдельные кабинеты, хорошо оборудована кухня. Менялись заведующие: Дубиничева Галина Ивановна, Шамшина Галина Фёдоровна, Апицына Елена Ивановна, Белых Анна Вячеславовна. Приходили новые работники. Но основной костяк сотрудников работал долго. Например, у Тюковой Александры Анатольевны и Лигеевой Валентины Александровны в трудовой книжке лишь одна запись: принята, и уволена в связи с выходом на заслуженный отдых. Коллектив был небольшой, но дружный. Помогали друг другу, выручали, если надо было. Всегда на первом месте была забота о здоровье и развитии детей.

В «Якорек» стали направлять ослабленных детей из других детских садов. Пролечившись, они могли по желанию родителей возвращаться в прежний детский сад. Но, чаще дети оставались здесь до выхода в школу. От больницы детсад обслуживали: врач-фтизиатр Кузнецов С.М., медсестры Васильева Г.А., Попова Л.А. В разные режимные моменты включали «оздоровительные минутки» давали детям фиточай. Летом несколько раз выезжали на море. Целый день дети могли дышать целебным морским воздухом. Питание было организовано прямо на берегу. С ними были и повара, и няни.

Со временем методы работы усложнялись, требование к воспитателям росли. Детей водили на экскурсии, на занятия в библиотеку, в музей. Было приобретено много ярких пособий и раздаточного материала (раньше всё воспитатели делали своими руками). Особенно обрадовал детей подарок – спортивное модульное оборудование: мячи разного размера, дорожка, вестибулярный тренажёр, детали для строительства домика, массажный коврик и другое, всё мягкое, из клеёнки, на поролоне, не ушибёшься. Таких модулей в ту пору в других садах не было. Скрасить быт детей – задача воспитателей, ведь они живут целую неделю, и каждый день должен быть интересным, чтобы дети не скучали по родителям.

В саду проводились разные развлечения: и в помещении, и на улице, чаще весёлые, с яркими костюмами, приглашением гостей, со сказочными персонажами. К участию в развлечениях привлекали и родителей. Воспитатели детсада принимали участие в мероприятиях, проводимых в городе: давали «открытые» занятия, участвовали в конкурсах, посещали методические семинары, участвовали в субботниках. Коллектив был дружный. Не считаясь с личным временем, с желанием участвовали в жизни детсада. С благодарностью вспоминают работники детсада сторожа – дворника Никулина Н.А. Он, как хороший хозяин, постоянно следил за порядком на участке, ремонтировал постройки.

– Он у нас мастер на все руки, – говорила заведующая Е.И. Апицына. Хорошей хозяйкой показала себя Л.Г. Иконникова, она постоянно проводила косметический ремонт.

С приходом Белых А.В. обновился интерьер внутри здания, закупили новые стульчики. Желание работать было у всех. Всегда молодые помнили о поколении старших работников. Два раза в год в день Победы и в день дошкольного работника, они собирали ветеранов на вечер за чашкой чая, вели беседы, вспоминали былое.

Фото 2014 г.

Сидят: Курбатова В.Г., Кряжева С.Н., Мосейчук Е.В., Белых А.В.
Стоят: Ядовина Н.А., Дудникова О.В., Чебунина А.В., Поспелова В.М.,
Крюкова О.В., Урбанайте С.В., Тюкова А.А., Бачина Н.Г., Цурко В.А.,
Шиликова А.

Большая часть жизни была прожита здесь. С большим сожалением прощались сотрудники со своим вторым домом. Здание признали

аварийным и поставили на капитальный ремонт. Теперь им остаётся только сказать: - Прощай, «Якорек» ... или ... До свидания?

К сожалению, обо всех работниках детсада, мне не удалось рассказать, но дети и их родители, помнят и благодарны им.

Этот очерк мне помогли подготовить Апицына Е.И., Бачина Н.Г., Головина Е.М., Шадрин В.А., Дудникова О.В., Тюкова А.А.

Александр УЛЬЯНОВ

Трудовой путь коммуниста

С образованием колхозов в 1930-х годах, для поднятия сельского хозяйства, в Онежский район было направлено определённое количество коммунистов, комсомольцев и беспартийных, так называемых 25-ти тысячников. Большинство из них было «брошено» на руководящую колхозную работу. В дальнейшем региональные партийные органы стремились использовать прибывших рабочих как мобильный резерв для замещения в широком диапазоне управленческих должностей местного звена.

В 1950-е годы руководство ЦК КПСС приняло решение направить наиболее грамотных коммунистов из городов нашей страны в колхозы Чекуевского и Прилукского сельских Советов, среди них были: Малышев Рафаил Никандрович из Архангельска, Кондратов Сергей Семенович из Ленинграда, Панов Николай Иванович из Северодвинска и другие. В этом очерке, я бы хотел рассказать о Н.И. Панове, который в 1950-е годы был председателем колхоза «Прилукский».

Панов Николай Иванович родился 10 декабря 1927 года в селе Никольское, Никольского района, Вологодской области.

Родители: отец – Панов Иван Алексеевич, мать – Панова (Шемякина) Анна Семёновна. В семье Пановых было трое детей: Николай, Клавдия, Алексей.

В селе Никольское Николай окончил семилетку, с сентября 1942 года работал помощником лесничего в Никольском лесничестве Кемского лесхоза. В октябре 1944 года, призван на военную службу и отправлен в учебный отряд Северного флота на остров Соловки. После учёбы был отправлен на Северный флот в город Полярный, где служил рулевым 3-го класса, а затем командиром рулевого отделения. В августе 1950 года, отправлен в спецкомандировку в Китай.

Из рядов Советской армии демобилизовался в 1951 году и работал кочегаром в Агаровом заводе города Архангельска, здесь окончил вечернюю школу (ШРМ №2) и получил среднее образование.

В октябре 1951 года Николай Иванович направлен инструктором производственного обучения матросов в городе Архангельске. С 5 января 1952 года работает инструктором военно-морской подготовки Архангельского областного комитета ДОСААФ. В июле 1953 года его назначают председателем комитета ДОСААФ города Северодвинска.

В 1955 году по всей стране Коммунистическая партия приняла решение направить наиболее грамотных и активных коммунистов в колхозы, это уже были так называемые 30-ти тысячники. В их числе, в колхоз «Прилукский» Онежского района, был направлен коммунист Николай Иванович Панов. Возглавив колхоз, в этой должности он проработал с августа 1955 по сентябрь 1958 года.

Панов Николай Иванович в селе Прилуки, 1956 год.

Когда Николай Иванович приехал в колхоз «Прилукский», хозяйство было плохое, с каждым годом снижалась урожайность и надои молока, обесценивался трудодень, и колхозники потянулись из колхоза на производство в лесопункты Онежского леспромхоза. Однако, бывший моряк, опираясь на поддержку членов правления, направил всю свою

деятельность к одной цели – поднять производство сельскохозяйственной продукции, повысить доходность колхозного трудодня. Уже с осени 1955 года были расширены посевы озимой ржи. Весной 1956 года посевы подкормили удобрениями, и осенью, намолотили зерна на 41 центнер больше, чем в 1955 году, а картофеля собрали на 600 тонн больше.

В этот период, старая водяная мельница вышла из строя. Летом 1956 года колхоз приобрел два мотора ГАЗ-АА. Один использовался как двигатель на молотилке, второй на построенной мельнице, и на ней смолотили всё фуражное и продовольственное зерно не только своего колхоза и колхозников, но, и соседнего колхоза «12 лет Октября». На основе улучшения ухода и содержания скота повысилась продуктивность общественного стада. Валовой надой молока в 1956 году получили на 32970 литров больше, чем в 1955 году, и на фуражную корову надоено больше на 304 литра. Несмотря на недостаток в колхозе рабочих рук, в 1956 году было заготовлено и вывезено 400 кубометров леса, часть древесины распилена на пиломатериалы, а помог в этом коллектив Сывтугского лесопункта Онежского леспромхоза. Из нового заготовленного леса колхозники срубили новый свинарник, установили столбы и провели радиолинию, и в домах колхозников появились регулярные центральные и областные радиопередачи. В 1957 году в колхозе было намечено построить новый коровник, улучшить луга и пастбища, и за счёт этого резко увеличить заготовку сена с естественных сенокосов и повысить животноводство.

В октябре 1958 года Николай Иванович Панов был направлен в Вологодскую партийную школу, здесь он получил должность младшего агронома-организатора. После учёбы Н.И. Панов был направлен председателем в колхоз имени Мулина, центральная усадьба которого располагалась в селе Ворзогоры. Онежского района

Женат. Жена Панова (Зауткина) Лидия Петровна (1925-2004). В годы совместной жизни, Лидия Петровна и Николай Иванович воспитали двух детей, Сергея и Валентину, также в семье Пановых четыре внуки, один внук, два правнука и правнучка.

В колхозе им. Мулина Н.И. Панов работал с 6 октября 1960 г. по май 1963 г. В это период Николай Иванович по болезни, вынужден был временно оставить работу. Согласно колхозного протокола, в период его заболевания с февраля 1963 года обязанности председателя исполнял Гунин Антон Григорьевич, затем – Симаков Александр Михайлович.

С июня 1963 года Н.И. Панов работал начальником отдела технического снабжения Онежского леспромхоза, а с января 1965 года его избрали заместителем председателя Онежского райисполкома.

В марте 1967 года, бюро Онежского горкома партии направляет Николая Ивановича директором в совхоз «Онежский», где он проработал почти три года. По состоянию здоровья, 21 февраля 1970 г., он был

освобождён от должности директора, в период болезни обязанности директора исполняла Анна Павловна Клекашева.

В должности директора совхоза «Онежский» Николай Иванович серьёзно относился ко всему новому, передовому и стремился внедрить его в сельскохозяйственное производство. Прилагал все силы и знания к поднятию экономики совхоза. В результате этого совхоз «Онежский» являлся по показателям работы одним из лучших хозяйств Онежского района. В 1967 году совхоз успешно провёл заготовку кормов и уборку урожая. В этот период Н.И. Панов учился на трёхмесячных курсах повышения квалификации руководящих кадров при Вологодском молочном институте.

В характеристике Николая Ивановича Панова отмечаются достаточные организаторские способности, опыт руководящей работы, знания, настойчивость. Много внимания уделял решению перспективных вопросов, внедрению нового в сельскохозяйственное производство. Систематически повышал свой идейно-политический уровень, т.к. обстановка в то время, принуждала к повышению теоретических знаний.

Н.И. Панов принимал активное участие в общественной жизни города и района, являлся членом Онежского ГК КПСС, участником многих пленумов Онежского горкома партии, членом парткома колхоза «Прилукский», им. Мулина, совхоза «Онежский», депутатом Онежского райсовета (1967). В последние полтора-два года своей жизни, Николай Иванович работал директором кирпичного завода в пос. Анда Онежского района.

За участие в Великой Отечественной войне, был награждён медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За оборону Советского Заполярья». За трудовые успехи – юбилейными медалями, почётными грамотами и благодарностями.

Умер Н.И. Панов 8 сентября 1972 года, похоронен в городе Онега.

Источники:

Документы Архивного отдела Администрации Муниципального Образования «Онежский муниципальный район».

Некролог о смерти Н.И. Панова. Советская Онега, 12.09.1972.

История края

*Корнева Анастасия
выпускница Ярнемской средней школы
Плесецкого района*

История Владыченского прихода и особенности приходской жизни в XVIII-XIX вв.

ВВЕДЕНИЕ

В трудно различимой дали веков скрывается история первых северных приходов. Вероятно, поначалу они могли формироваться вокруг монастырских храмов, которые возникли здесь в первые века христианизации. К ним и тянулись крестьяне ближайших деревень.

С конца же XV века – и это имело исключительно важное значение – повсеместно развернулось строительство деревенских церквей самими крестьянами, «на мирском иждивении». Сведения об этом сохранились в разных источниках, в том числе в «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии» 1896 года.

В советские годы все сельские приходы прекратили своё существование, в том и числе и Владыченский. В настоящее время начинается возрождение православной общины, но большой поддержки и материальной помощи от населения и предпринимателей она не имеет, за исключением редких случаев. Жители деревень часто ждут, что кто-то возьмёт на себя обязанность построить часовню, храм, поставить памятный крест, организовать ремонт разрушенных святынь.

Изучение истории приходской жизни может помочь в формировании основ православной культуры у людей, умения противостоять религиозным сектам и организациям, способствовать возрождению русской духовности и веры.

Мы решили выяснить, какую роль играли в церковной жизни Владыченского прихода простые прихожане. Перед нами были поставлены задачи, найти документальные и архивные сведения об этом приходе, изучить и проанализировать имеющиеся данные о его истории, выявить особенности приходской жизни на Севере, а так же опросить старожилов нашей местности.

В ходе исследования были изучены работы краеведа нашего района Макарова Н.А., материалы историко-краеведческого музея Ярнемской средней школы. Часть информации об истории прихода мы получили из краеведческих музеев г. Онеги и г. Каргополя. Местные жители-старожилы рассказали об истории церквей в советское время.

ИСТОРИЯ ВЛАДЫЧЕНСКОГО ПРИХОДА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ XVII-XIX ВЕКА

Время образования Владыченского прихода определить трудно. Его считают одним из древнейших приходов по р. Онеге, основанных новгородцами. До перехода Новгорода под власть Московских Государей он принадлежал новгородским владыкам и назывался то «Владыченским усольем», то «Ордомским погостом Владыченской волости в Турчасовском стане». Владыченский приход известен с XV в., располагался по обоим берегам реки Онеги. Приходской храм в деревне Глазовской находился в 140 верстах от г. Онеги. На севере приход граничил с Городецким приходом Онежского уезда, на юге – с Биричевским.[3]

В «Сотной с каргопольских книг письма Никиты Григорьевича Яхонтова со товарищи» 1561-1562 гг. мы узнаем, что *«в Турчасовском стане волостка Ортомьской погост на Владычне на реке на Онеге. А на погост церков Никола чудотворец. На погосте ж на церковной земле дворы непашенные: дьяк церковный Ивашка Василев, пономар Трош Данилов, Бориско Лихачев, Митка Стригин да 2 кели, а живут в них старцы. В тое же волосте деревни тяглые по обе стороны Онеги реки. ... Дер. Новоселовская, паишт ее наездом Васко Александров да Федотко Потапов, Соловецкого монастыря крестьяне, да николскии поп Михаило Александров, да пономар Трош Данилов...»*.[5]

С середины XVII в. Владыченский приход полностью принадлежал Соловецкому монастырю, устроившему здесь Зосимо-Савватиевскую часовню. В 1764 г. он выделился в самостоятельный приход Каргопольского уезда.[3]

Первые храмы Владыченского прихода по времени строительства относятся к XVI веку. Строить храмы без благословения церковнослужителей было нельзя. Знающими и грамотными людьми сочинялось «мирское» прошение архиерею. Крестьяне обычно писали, что без храма душевно гибнут: *«родильницы без молитвы бывают многое время, младенцы без крещения, больные и престарелые без покаяния и без причащения Святых Тайн помирают»*. Деловито указывалось, какое место выделено под храм и кладбище, перечислялись обязательства прихожан по содержанию храма и причта, назывались деревни, пожелавшие войти в этот приход.

Затем сельский сход избирал специальных мирских посыльщиков, которые и отправлялись в дальний путь – в кафедральный город Новгород или Вологду. Там они испрашивали у правящего архиерея благословенную («храмозданную») грамоту. Только наличие такой грамоты означало законное, канонически правильное начало дела. Какой-либо «явочной» системы храмостроительства не позволялось и никогда не предпринималось.[6]

С благословенной грамотой посыльщики возвращались домой, и начинались новые хлопоты: мир искал и нанимал «*церковных мастеров*» для строительства храма, заготовливал строительные материалы, договаривался с «*иконниками*», заботился о приобретении необходимой церковной утвари, сосудов, книг, подсвечников, облачений и т. д. Так, в деле и хлопотах рождались общие интересы и особая сфера деревенской жизни, именуемая впоследствии приходской. В крае, где почти не было крупных городов, а к XVI веку и боярско-дворянских гнезд, приходская сеть Севера была таким образом, порождением народной воли, благословляемой церковной властью.[6]

Вскоре во Владыченской волости появился свой приходской храм. В XV-XVII веках он был, как правило, деревянный, построенный по векам существовавшим канонам. Где бы он ни возвышался, на холме или на взгорье, у излучины реки или среди села, у тихого озера или на опушке леса, – отныне он всегда играл ведущую роль в облике всей волости и окружающего естественно-природного ландшафта. Видимый издалека, он зрительно объединял всё окружающее пространство в целостный ансамбль, становился для многих поколений символом малой Родины.

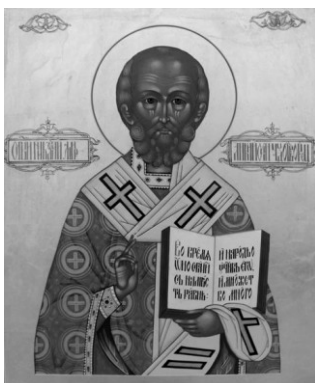
Итак, храм возведён. Однако служить в нём было ещё нельзя. Требовалось его освящение, которое превращалось в большой праздник, собиравший всю округу, старого и малого. Освящало храм по указу архиерея духовенство из уездного города, чаще всего соборный протопоп, священники, протодиакон, пели певчие. Например, 14 февраля 1861 г. церковь во имя Великомученицы Варвары по благословению Нафанаила, епископа Архангельского и Холмогорского, была освящена благочинным 4-го благочиния Онежского округа Архангельской епархии священником Даниилом Матвеевым Родимовым.[3]

Впоследствии деревянные храмы ветшали, нередко горели. Бывало так, что по какой-либо причине церковь переносили на новое место. И каждый раз прихожане испрашивали благословения епископа на ремонт, перенос или восстановление приходского храма, получали соответствующие грамоты.

Интересна история церкви в честь святой великомученицы Варвары. Из сказания о явлении чудотворной иконы Св. Вкмч. Варвары в 1539 г. известно, что вскоре после того устроили и освятили в честь неё церковь. Вот это сказание: Один крестьянин, с именем Вукол, при рубке одной берёзы заметил, что из неё течёт кровь. По приглашению его собрались к этому дереву местные жители и, не заметив на нём ничего особенного, решили срубить его; но когда дерево упало, все заметили на нём образ с ликами св. вкмч. Варвары в середине, Чудотворца Николая и Св. Вкмч. Параскевы – по сторонам. Новообретенная икона была тотчас же перенесена в дом Вукола, причем

пятидесятилетняя слепорожденная дочь его чудесно прозрела. Но на следующее утро икона оказалась на том же месте, где она была обретаена. Не решившись более унести отсюда икону, крестьяне со всею поспешностью устроили на месте явления часовню и внесли в неё новообретенную чудотворную икону, подававшую многим больным разного рода исцеления. По требованию тогдашнего новгородского архиепископа Макария, икона эта была привезена в Новгород, но спустя несколько времени опять чудесно оказалась на прежнем месте. Пораженные таким дивным событием, тогдашние жители построили деревянную церковь в честь св. вмч. Варвары, а благочестивый государь и великий князь Иоанн Васильевич IV и архиепископ Макарий прислал на украшение церкви довольно золота, серебра, драгоценных камней и утвари. Церковь эта стояла более 100 лет и затем была разобрана по ветхости. Вторая Варваринская церковь, устроенная вместо разобранной, сгорела, причем икона св. вмч. Варвары оказалась за четверть версты от пожарища совершенно невредимою. Та же участь постигла в 1854 году и третью Варваринскую церковь. Вместо сгоревшей, в 1857 году построена новая, близ д. Щипинской, существовавшая до 80-х гг. XX в. и считающаяся приписною к главному приходскому храму в честь введения во храм Пресвятой Богородицы. Здание у неё деревянное, на каменном фундаменте, снаружи обшита тёсом и окрашена. Возле неё стоит деревянная же, обшитая тёсом и окрашенная колокольня.[1]

Из истории прежде бывших приходских храмов ничего почти неизвестно, так как во время пожаров, каким они неоднократно подвергались, сгорели все документы. В XVI веке во Владыченском приходе были построены ещё две церкви: в честь введения во храм Пресвятой Богородицы и во имя Св. и Чудотворца Николая.

По грамоте митрополита Новгородского Макария от 19 февраля 1661 г. на имя «Ордомского погоста Никольского попа Федора Симонова в Карпогольском уезде в Турчасовском стане, во Владыченской волости» вместо ветхого был построен новый Никольский храм. А по грамоте митрополита Новгородского Питирима от 20 марта 1669 г. по челобитной церковных старост Егорки Маркова и Петруши Дмитриева Попова на имя «Владыченской волости Введенского попа Сидора Иванова» вместо разобранного из-за ветхости Введенского храма был построен новый. По грамоте епископа Корельского и Ладожского Аарона от 27 апреля 1719 г. по ходатайству прихожан во главе с церковным старостой Иваном Аникиевым сыном Анисимовым был построен взамен обветшалых церквей один новый храм – Введенский с приделом во имя Святого и Чудотворца Николая с колокольней. В 1812 г. колокольня была перекрыта новым тёсом, а также перестроены «у колокольницы при крыльце площадка

и подъездной помост с перилами в нескольких местах...». В 1827 г. эта церковь сгорела. Ещё в 1826 г. на кладбище в 100 саженях от приходской была построена каменная однопрестольная церковь во имя Святителя Иннокентия епископа Иркутского Чудотворца с деревянной колокольной над папертью (с одним колоколом), где проходили службы на период отсутствия приходского храма.[3]

Тогда же для нового храма во имя Иннокентия Иркутского писали иконы известные северные иконописцы Григорий Фёдоров Максимов с сыном Павлом Григорьевым Максимовым.[2]

Храмовый праздник – 26 ноября. Иконостас по договору со священником Н.Л. Тушевым, церковным старостой Дмитрием Нечаевым и выборными Владыченского прихода в феврале 1927 года изготовил крестьянин Шенкурской округи Никита Борисов сын Попов за 280 рублей.[3]

Внутреннее устройство приходских храмов было типично. Входили в храм по ступеням паперти – высокого крыльца перед западными входными воротами.

Пройдя паперть, прихожанин оказывался в *трапезной (притворе)* – прямоугольном помещении, нередко по размерам даже превосходившем все остальные. Здесь ставился стол с *кануном* (каноном) – четырёхугольной металлической доской с множеством ячеек для свечей и небольшим Распятием. Перед ним творились поминания и служились панихиды. В трапезной же находился *церковный ящик* – место для продажи свечей, просфор, крестиков, происходила запись в метрическую книгу крещений, венчаний и отпеваний. Здесь же стояли люди, получившие от священника духовное наказание – *епитимию*.

Повсеместно на Севере (вплоть до XVIII века) в деревенских храмах существовал обычай использовать помещение трапезной для общественных дел – мирского схода, раскладки податей, хранения волостных архивов, угощений в дни престольных праздников (т. е. трапезы – отсюда и название помещения), поминок и т.п. Вот почему в трапезной можно было увидеть широкие лавки вдоль стен, да и само помещение, особенно в старых храмах, напоминало просторные хоромы.

Нередко в храме были *приделы*, т. е. как бы дополнительные, малые храмы, расположенные с основным под одной кровлей. Они повторяли все канонически необходимые, элементы храма: собственно церковь, иконостас с царскими вратами, алтарь и т. д. Придел также имел своё наименование, однако весь храм получал название, как правило, от главного престола.[6]

Сохранилось подробное описание церкви во имя Великомученицы Варвары.

Варваринская церковь имела ромбовидную восьмигранную форму в плане, соответственно и восьмискатную кровлю, напоминающую распластаный шатёр, с одной главкой на дощатом барабане. У церкви небольшой притвор. У неё широкие окна, сруб поставлен на фундамент из дикого камня. Подклет сооружения, стоящего на сыром месте, достаточно высокий. В одной из книг имеется информация о том, что под алтарем находился колодец, наполнявшийся родниковой водой. Но на самом деле колодец находился неподалеку от церкви. Высота церкви – 10 сажень, длина – 4 сажени 2 аршина, ширина – 5 сажень. В церкви было 7 окон. Внутри по сторонам церкви находились два деревянных покрашенных клироса. Иконостас состоял из двух поставов. Один от другого отделялся золочёным карнизом. В середине иконостаса – резные золочёные царские врата.

В нижнем ярусе, справа от царских врат, расположены были шесть икон – Воскресения Христова, Св. Великомученицы Варвары, на иконе – риза серебряная, Св. и Чудотворца Николая, Св. Живоначальной Троицы; слева 4 иконы – Тихвинской Божией Матери, Введения во храм Пресвятой Богородицы и др. В верхнем ярусе было восемь икон, справа – Св. Архангела Гавриила и Св. Апостола Павла, Св. Апостолов и Евангелистов Матфея и Марка, Св. Андрея Первозванного, Св. Апостолов Симона Зилота и Иакова Алфеева и слева – Св. Архангела Михаила и Апостола Петра, Св. Апостолов и Евангелистов Иоанна и Луки, Св. Апостолов Фомы и Филиппа.[1]

Яркой особенностью северно-русского сельского прихода в течение ряда веков было существование в его рамках так называемых «*часовенных приходов*». Центром такого прихода становилась часовня – малая безалтарная церковь, предназначенная для совершения некоторых общественных молитв. Строились часовни так же, как и приходские храмы, «*крестьянским иждивением*» и содержались крестьянами.

В XV-XVII веках строительство часовен по сути являлось дальнейшим движением христианства вширь и вглубь. Поскольку священника при часовнях иметь не полагалось, то позволительные для мирянина службы – чтение «*часов*» – проводили в них сами крестьяне. Они были полными хозяевами в «*часовенном приходе*».[6]

В Владыченском приходе была одна часовня – во имя Зосима и Савватия Соловецких в деревне Антоновской, в полутора верстах от приходской церкви. В 1905 г. надзор за часовней осуществлял церковный староста И. Шарков. Церковные службы проводились в часовне два раза в год: 17 апреля и 27 сентября.[1]

При некоторых часовнях накапливалась казна, могущая стать при необходимости ссудной кассой, строился хлебный амбар, образовывались земельные владения.

Приходская жизнь на территории крестьянского мира (волости, стана, погоста) создавала свою особую топографию, заполненную

священными знаками, сооружениями, ритуальными пространствами и т. п. Как правило, в пределах приходских границ постепенно оформлялись две зоны.

Малая зона образовывалась центральным культовым комплексом (два храма – зимний и летний, колокольня) и кладбищем. В XIX веке повсеместно храмы, колокольня и кладбище обносились оградой, имевшей несколько входных врат, и отделялись от крестьянских изб почтительным расстоянием. Малая зона не обязательно находилась в центре села. Храмы и погост могли быть на его окраине и даже на некотором удалении от населённого пункта.

Примыкая к малой зоне, но, не сливаясь с ней, располагались *прихрамовые сооружения*, в первую очередь дома церковного причта. Со второй половины XIX века обязательным сооружением станет здание церковноприходской школы. Получалась, что в приходской топографии священное соседствовало с мирским, «чистое» – с «нечистым». Соседствовало, но не сливалось. Мирское как бы нуждалось в освящении.

Большая зона приходского пространства образовывалась сооружениями и знаками, рассеянными по всей территории прихода.

Часовни – наиболее часто встречающееся сооружение большой зоны. Они ставились в самых различных местах: на околице деревни и в её центре (а то и в ряду с жилыми домами), в лесу и у дороги, у озера и рядом с пашней, на поскотине или просто возвышенном месте. Их кресты, заметно поднимаясь над крышами изб или окружающей природой, через вёрсты перекликались с крестами приходского храма.

Ставились на территории прихода и памятные кресты – там, где когда-то стояла церковь или часовня, у перекрестка дорог, на месте неожиданной смерти или исцеления. Кое-где воздвигались обетные кресты.

В больших приходах в отдалённых деревнях могли ставиться приписные церкви, в которых богослужения проводились раз-два в году.

Нетрудно заметить, что сооружения большой зоны были вкраплены в важнейшие объекты крестьянского мира – деревни, дороги, пашни, ручей, лес. Освящая их, священные объекты повсюду и всегда напоминали человеку о Боге. Имели они и прикладное значение: выделяя в окружающем природном пространстве всё наиболее ценное – чистый родник с минеральной водой, рощу с ценными породами деревьев, колодец с питьевой водой и т. п. – кресты и часовни, памятные кресты и камни призывали всех бережно относиться ко всему редкому и уникальному, что подарено Богом.

Обе зоны – большая и малая – в каждом приходе составляли единое целое. Такое устройство пространства позволяло всех включать в разнообразные формы приходской жизни. И в этом была важная сторона народной православной культуры.[6]

Во Владыченском приходе на конец XIX века имелось три храма: главный Введенский, холодный, с приделом Никольским, теплым, устроенным в 1840 г., кладбищенский Иннокентиевский – в 1826 г. и приписной Варваринский в 1857. Первый и второй зданиями каменные с такими же колокольнями над папертями, по внешнему виду крестообразные, пока не обнесённые оградой, на устройство которой уже изысканы средства. Средства к содержанию храмов составляются из арендной платы с 2,5 десятин земли, из кружечного-кошелькового сбора, свечной прибыли и случайных пожертвований. Причт прихода владел 33 десятинами земель, которые сдавал в аренду, а для членов причта имелось два двухэтажных дома со всеми необходимыми службами. Часовня Зосимы и Савватия Соловецких была в д. Антоновской (Усолъе). Также имелась часовня в д. Матвеевке, но к какому приходу она относилась: к Городецкому или Владыченскому, не установлено. Часовня эта носила имя Святого Диомидора (Диодора Юрьегорского), который родился в этой деревне.[3]

В течение нескольких столетий - до XVIII века - северно-русский приход обладал широкой автономией. Этому способствовал географический фактор: от Печоры и Северной Двины, Колы и Онеги, Пинеги и Сысолы до ближайшего епископа лежали тысячи вёрст лесов, болот, бездорожья. Нити, соединявшие приходы с церковными центрами, были почти неощутимыми. Другой причиной такой автономии был фактор социальный. На большей части Европейского Севера России проживали черносошные крестьяне, не являвшиеся крепостной собственностью феодалов. Они выработали систему местного мирского самоуправления, и многие её традиции перенесли на организацию приходской жизни.[6]

Большими распорядительными и надзирающими правами в приходе обладал *мирской сход*, т. е. общее собрание глав семейств. Он избирал или нанимал причт, определял церковного старосту, непосредственно распоряжался церковным имуществом, в том числе – землей (например, определял условия сдачи церковной земли в аренду), контролировал церковную казну). Мир надзирал и за священно-церковнослужителями. Причт Владыченского прихода середине XIX века состоял из священника с жалованием в 140 рублей в год, дьячка – 40 руб., пономаря – 32 руб. и просвирни – 24 руб. С 1874 г. причт состоял из священника и псаломщика.[3]

В то же время существовал предел мирской власти в церковных делах: уже тогда, в XV-XVI веках, отчётливо осознавалось, что нельзя без позволения архиерея перестраивать храм, недопустимо служить в неосвящённой церкви, непозволительно мирянину вмешиваться в уставной порядок богослужения, грешно пользоваться услугами клирика, находящегося «под запрещением» и др.

Большими полномочиями обладал *церковный староста*. Он «казну в приходе и расходе ведал», представлял свою церковь перед государством и органами земского самоуправления. Через старосту крестьянский мир распоряжался храмовым имуществом и недвижимой собственностью, сознавая при этом, что всё оно в конечном счете не мирское, а Божие. Это, впрочем, не мешало практическому крестьянскому разумению приращивать приходскую недвижимость и находить ей широкое и обоюдовыгодное применение. Церковные старосты давали нуждающимся деньги из церковной казны в качестве займов, превращая последнюю в своеобразную волостную ссудную кассу.

Церковные старосты избирались на специальном мирском сходе. При характеристике избранного кандидата подчеркивалось, что он «человек добрый, душою прямой, не вор и не бражник, животом прожиточный» (т.е. имеет крепкое хозяйство) и др. Избрание сопровождалось сочинением и подписанием отдельного мирского приговора, скрепленного подписями грамотных крестьян.[6]

К концу XVIII века круг обязанностей церковных старост стал скромнее. Они должны были – «*церкви Божий ведать и надсматривать Божия милосердия и казны денежный, всякое церковное строение со всяким радением неоплошно*». Престиж церковного старосты стал определяться не его финансово-хозяйственным влиянием, а главным образом, близостью к храму как к духовно-религиозному центру. Исторические документы сохранили для нас имена церковных старост Владыченского прихода.

ЦЕРКОВНЫЕ СТАРОСТЫ ВЛАДЫЧЕНСКОГО ПРИХОДА

1669	Егорка Марков и Петрушка Дмитриев Попов
1719	Иван Аникиев сын Анисимов
1826	Дмитрий Нечаев и Андрей Бученников
1847	Яков Романовский
1859	Пётр Яковлевич Романовский
1905-1908	Иван Александрович Шарков

Примером самоуправления во Владыченском приходе могут быть следующие факты. Во время пожара 1827 г. был поврежден 25-пудовый колокол. В сентябре 1847 г. прихожане Владыченского прихода во главе с церковным старостой Яковом Романовским «*изъявили добровольное желание перелить имеющийся при их церкви расколотый... колокол... на свой собственный счет*». Колокол был перелит мастером Марком Гороховым, мещанином из г. Белозерска. Уже в ноябре того же года за подписью священника Николая Тушева, дьячка Ивана Матвеева, пономаря Петра Дьячкова и прихожан прихода в письме в Архангельскую духовную

консисторию сообщалось, что колокол *«сделан прочно и звонит хорошо и светло, весом оный колокол по переливке 31 пуд»*. [3]

Летом 1857 г. здание церкви во имя Великомученицы Варвары была вновь построено на каменном фундаменте близ деревни Щипинской, в двух верстах от приходской церкви. В январе 1859 г. *«новоустроенный храм приведен в окончательное устройство, – писали в прошении к епископу Архангельскому и Холмогорскому Нафанаилу прихожане прихода во главе с церковным старостой Петром Яковлевичем Романовским, – а именно, вызолочен и выкрашен в нем иконостас, написаны иконы, заведены в достаточном количестве – утварь и ризница, и храм сей по своему благолепию готов к освящению»*. На постройку и обустройство церкви было затрачено 2500 руб. *«Особенное старание к сему благотворению оказал»* церковный староста П.Я. Романовский, сам лично пожертвовавший храму две хоругви. [3]

В последние десятилетия XIX века в большинстве приходов создавались *церковные попечительства* – своего рода церковный актив, состоящий из ревностных и зажиточных прихожан. Они ведали состоянием приходского храма, оснащением приходской школы, изыскивали средства для повышения оклада учителям и помощи, неимущим и т.п. Многие влиятельные и состоятельные прихожане считали своей обязанностью войти в состав попечительства.

Смыслом приходского существования, его назначением были общественные *богослужения*, проводимые как в храме, так и вне его. Отношение к богослужению всегда было, особенно среди простого народа, окрашено искренней верой, надеждой и трепетом.

Повсеместной приходской традицией было всенародное празднование *престольных дней*, т.е. дней памяти святого, во имя которого был освящён престол местного храма. В Ярнеме и в деревнях за Игом престольными днями считались дни памяти св. великомученицы Варвары – зимний 17 декабря и летний в девятое воскресенье после Пасхи. На Погосте и в близлежащих деревнях престольные праздники – Введение во храм Пресвятой Богородицы 4 декабря и дни памяти Св. Николая Чудотворца 19 декабря и 22 мая. Свой престольный праздник был и в Усолье.

Богослужение в престольный день завершалось торжественным молебном. В храме было особенно многолюдно, т.к. крестьяне семьями приезжали из всех деревень прихода. Многие из них оставались в тот день ночевать в селе или ближних деревнях. Днем неподалеку от храма устраивались торги, а во второй половине дня – гулянье, «званные обеды», чай, разговоры. На другой день гости разъезжались по домам и принимали тех, у кого гостили накануне. Одним словом, праздник как бы делился на две части: молитвенно-литургическую, происходящую в храме, и празднично-народную. Впрочем, это разделение было довольно условным, поскольку существовал обычай приглашать священника в тот день

служить молебам в домах, особенно у зажиточных крестьян. Иконы святого, чья память так отмечалась, особо украшались, в лампы вливалось новое масло. Религиозная основа общения в престольный праздник поддерживалась и за порогом храма.

Принято считать, что престольные праздники чуть ли не в обязательном порядке завершались поголовной попойкой, драками и поножовщиной. Идеализировать наших предков не будем – бывало всякое. Однако имеющиеся в нашем распоряжении сведения не дают оснований для утверждений о беспробудно-похмельном фоне этой традиции. Можно предполагать, что подобная молва осталась от предреволюционных и военных лет (1905-1907, 1914-1920 гг.), когда социальные потрясения и крах устоев могли привести к отчаянно-разгульному характеру деревенских праздников, к тому же во многом терявших религиозную основу.

Многие века существовала традиция канунов – общественных трапез-пиров, посвященных конкретным, особо чтимым святым или праздникам. Готовились они в складчину всем миром. Вместе варили пиво и стряпали кушанья для пиршества.

На Европейском Севере России были распространены кануны Николаю Чудотворцу, великомученику Георгию, Илье Пророку, Иоанну Предтече, Флору и Лавру. Религиозный ритуал задавал тон всему обычаю: из приходского храма приносили иконы, священник окроплял дома и скот, поле и пожни, т.е. совершался крестный ход. Причт приглашался к столу. Сюда же звали бедных и нищих. Канун превращался в братскую трапезу, где на время стирались грани между мирянином и пастырем, богатым и бедным.

С XVIII века церковные власти стали осуждать совместные пиры духовенства и прихожан. В результате традиция стала отделяться от приходского храма, но лишь внешне, поскольку исходные мотивы общественной трапезы оставались прежними. Даже канунные котлы, в которых варились пиво, продолжали сохраняться при храме и принадлежать приходу.

Во многих сельских приходах существовала традиция ежегодных крестных ходов, также рождённая различными чрезвычайными обстоятельствами местной истории. Они сопровождались общественными молебнами.

Повсеместно бытовали хождения «со славою» в праздники Рождества Христова и в Пасху. В эти дни духовенство обходило весь приход, совершало молебны во всех деревнях. Народ ожидал этого «славления» и готовил к его началу соответствующее торжество.

Приходское сообщество было неоднородно. Отличались своим поведением и отношением к религии и храму прихожане различных *возрастных групп*. Каждый третий прихожанин прошлых веков относился к младшей возрастной группе – до 15 лет. Своеобразным рубежом в ней

был 7-летний возраст. Если до него дети приучались к храму, особому поведению в нём, иногда приводились к причастию, то с 7 лет родители обязывались регулярно приводить детей на исповедь. С этого возраста ребёнок должен был учиться оценивать свои поступки, понимать, что является дурным, неблаговидным, греховным.

Половину прихожан, как правило, составляли взрослые люди, самостоятельные и семейные. Именно на их плечи ложились заботы по содержанию храма. Из этой возрастной группы формировался и приходской актив.

Малой, но значительной по своему влиянию была группа стариков. Они чаще, чем в прежние годы жизни, бывали в храме, тщательно и задолго готовились к смерти. Они могли дать немало советов по соблюдению тех или иных правил благочестия, поведения или соблюдения ритуальных обычаев.

Своё место в приходских отношениях занимали холостяки и старые девы. Среди них всегда находились такие, кто подавал пример особых моральных качеств и норм поведения: смирения, трудолюбия, набожности, соблюдения постов и регулярного посещения церкви. Вековуши, как порой называли старых дев, привлекались к одеванию и обмыванию покойников, чтению Псалтыря. Поскольку среди них часто встречались грамотные, они обучали письму и чтению девочек.

Выделялись среди прихожан и группы, вызванные не возрастными и демографическими различиями, а совсем другими причинами. Так, например, влиятельную группу могли составить *прихожане-вкладчики*, т.е. те, кто добровольно жертвовал храму различные материальные и художественные ценности.

В 1861 г. царскосельский купец 1-й гильдии Н.И. Русанов пожертвовал Варваринской церкви Напрестольное Евангелие. В том же году крестьянин Владыченского прихода Александр Павлович Бучеников пожертвовал в храм Великомученицы Варвары *четыре сереброзлащёных священнослужебных сосуда (потир, дискос, звезда)*. [3]

Кроме крупных и дорогих вкладов, в каждом приходе было немало случаев более скромных пожертвований. Весьма распространённым был обычай к наиболее чтимым иконам подвешивать деньги (медные, серебряные, золотые), бусы, украшения. Отдельные прихожане дарили воск, бесплатно и добровольно работали на приходской храм, делали денежные вклады. Какими бы ни были мотивы вкладов (обет, желание излечения, плата за прощение грехов, благочестивые побуждения), вкладчики становились известны всем, их по-особому чтили, а их вклады, умножая церковное достояние и украшая общий храм, укрепляли осознание приходской общности.

В последние десятилетия XIX века всё более заметное влияние на духовно-религиозную обстановку в сельских приходах стали оказывать крестьяне-отходники, уходившие надолго из родных мест и

возвращавшиеся в деревню с новыми, незнакомыми повадками, мыслями и разговорами. Священники в своих отчётах оценивали воздействие города на сельских жителей как исключительно отрицательное, ведущее к ослаблению пастырской и отцовской дисциплины, потере прежней простоты и искренности.

С XV века стал оформляться многочисленный слой приходских священников. В течение нескольких десятилетий интенсивного сельского храмостроительства потребовались сотни пастырей для приходского служения. Поразительно, как просто и естественно Церковь и народ решили эту задачу. Крестьянский край стал изыскивать достойных кандидатов в своей среде: в северной деревне утвердилась выборность приходского клира. Строго говоря, этот обычай не был чертой только северной деревни, но именно здесь он наиболее гармонировал с общим строем крестьянской общины, получил повсеместное распространение и прочно закрепился на несколько столетий.

Документы донесли до нас красочные описания выборов деревенских священников в XV-XVII веках. Кандидат в священники обращался с просьбой к «миру» об избрании его на вакантную должность. И если он был выбран – «излюблен» – то составлялась особая о том грамота. В ней указывалась дата, перечень имён избирателей с церковными старостами во главе, назывался «излюбленный» кандидат, перечислялись его достоинства и будущие священнические обязанности, определялись условия вознаграждения. Выбор заканчивался «рукоприкладством» (подписями) церковных старост и избирателей. Вместе с грамотой о выборе сочинялась челобитная архиерею о поставлении (т.е. рукоположении) избранного. Имея эти грамоты, кандидат в священники вместе с представителями мира отправлялся к архиерею: в Вологду, Новгород, а позднее – в Холмогоры и Устюг. В кафедральном городе его подвергали испытанию: проверяли знание основ веры, умение читать и писать, петь. Затем крестовый архиерейский иеромонах подвергал кандидата исповеди. И если после испытаний и исповеди он признавался достойным священства, то архиерей при богослужении в кафедральном соборе совершал акт рукоположения. Вновь рукоположенный получал официальный документ – «ставленную грамоту», с которой возвращался в свой приход уже законно рукоположенным священником.

Таким образом, при избрании клира как бы сосуществовали две власти: мирская и церковная. Первая подбирала кандидата и определяла условия его содержания. Вторая, оценив его качества, выражала несогласие (крайне редко) или согласие, и осуществляла духовно-канонический акт посвящения.

Между избранным священником и крестьянским миром оформлялись договорные обязательства с обычными их признаками: сроком, свидетелями, взаимными обязательствами, неустойкой при их

нарушении. Записывалось обязательство священника быть во всём послушным миру, а также право последнего «отказать» священнику в месте в случае нарушения им данных обязательств. Большая часть порядной записи отводилась под перечисления материального обеспечения священника (содержание жилья, предоставление земельного участка).[6]

Михайло Александров – первый известный священник прихода «церкви Николы Чудотворца волостки Ордомской погост на Владычне» на 1561-1562 гг. Священниками Владыченского прихода были: Ф. Симонов (1661), С. Иванов (1669), Пётр Андреев Белявский (1793-1797), Андрей Пограев (1797-1808), Н.Л. Тушев (1809-после 1847), В. Козмин (1851), Евграф Иоаннов Кремлёв (1858-1869), Александр Андреев Таратин (1869-18?), П.Ф. Попов (1876-1903), Н.Ф. Корелин (1904-после 1916).

1 октября 1893 г. была открыта церковно-приходская школа (учитель Сидоровская). В 1905 г. в ней обучалось 30 мальчиков и 24 девочки. Учительницей уже работала Ольга Попова, окончившая Архангельское епархиальное женское училище, на жалованье 240 руб. в год из казны и 30 руб. от сельского общества. Ремонт и содержание школ было обязанностью прихожан.[3]

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ

XVIII столетие добавило к обязанностям священников ведение значительной учётно-статистической документации гражданского и демографического характера. Так, с 1702 года петровское законодательство возложило на приходское духовенство оформление ведомостей о родившихся и умерших. Через 20 лет было установлено вести при церквях метрические книги. В них записывалось имя новорожденного, год, месяц и число его рождения, а также сведения о родителях и приемниках. Затем в них же стали регистрироваться браки. Метрики велись в переплетённых, прошнурованных и пронумерованных книгах. Власти требовали, чтобы любая запись совершалась немедленно после требоисправления (венчания, крещения) самим священником или причетником. По истечении года подводился итог:

Табель, учиненный из метрической книги, сколько в прошлом 1843 году родившихся, бракосочетавшихся и умерших, о чём значит ниже сего:

По Турчасовской церкви	родившихся			бракосочетавшихся		умерших			Из того числа умерших мужского 13, женского 14, сколько же и в какие лета умерли, о том записано ниже					
	мужск	женск	обоего	браком	лиц	мужск	женск	обоего	лета	мужск	женск	лета	мужск	женск
24	31	55	15	30	13	14	27	1	9	5	42			
									8	1		55	1	
									16		1	64		1
									30	1	1	70	1	
									40		1	71		1
												73		1

В число вышеписанных умерших, скоропостижно умерших, убитых, утопших, удушенных не было.

Родимчиком: мужского 6, в том числе 1 незаконнорожденный, женского 3, в том числе 1 незаконнорожденная.

Горячкой: мужского 5, в том числе 1 незаконнорожденный, женского 3,

Чохоткою: мужского 1, женского 3.

Лихорадкою: женского 2.

Водяною: болезнью женского 1

В расслаблении: женского 1

Старостью: мужского 1, женского 1.

В чём и подписуемся:

Турчасовский священник Герасим Васильев Федоров,

Дьякон Василий Васильев Петров

Дьякон Егор Кириллов Терентьев

Пономарь Пётр Иванов Дьячков

Подлинник метрической книги, скрепленный подписями всех священно-церковнослужителей, передавался в духовное правление, а копия оставалась на хранение в приходе – в ризнице *«со всевозможной бережливостью от гнилости и пожара»*. [6]

Метрические книги XVIII-XIX веков стали выдающимся памятником отечественной статистики, порой незаменимым при изучении вопросов народонаселения. Музей нашей школы располагает метрическими книгами XIX века Турчасовской церкви соседнего прихода.

С введением учета исповедовавшихся и причастившихся номенклатура приходской документации продолжала разрастаться. Первоначально власти обязывали священников вести соответствующие списки. Затем они переросли в книги, имевшие определенно графы: поименные списки семей с указанием возраста, отметки о явке на исповедь и к причастию, причины неявки и пр.

Таким образом, каждый приходской священник ежегодно учитывал всё население мужского и женского пола в своём приходе, выделяя при этом каждое сословие отдельно. Современные исследователи считают эти ведомости незаменимым источником для определения численности женского населения (которое при государственных переписях не учитывалось), семей военнотружущих (их жён и детей) и некоторых неподатных сословий. [6]

История Владыченского прихода интересна и богата на события. Построив хронологически собранные сведения, мы видим, что, несмотря на многие препятствия, церкви постоянно ремонтировались, перестраивались, обновлялись.

Хронологическая таблица истории Владыченского прихода

1539 г.	Явление чудотворной иконы святой великомученицы Варвары, строительство местными жителями деревянной церкви в честь Св. Влкм. Варвары
16 век	Турчасово стало центром одного из двух станов Каргопольского уезда, в него входило 48 волостей
Начало 17 века	Соловецкому монастырю принадлежали 17 деревень в Городецкой и Владыченской волости
1617 г.	Монастырь предложил казне отписать на царя эти деревни с пашнями и сенокосами
1635 г.	Предоставлены были во владение монастыря четыре пустоши во Владыченской волости с санными покосами, по реке Онеге и деревня Исаковская со всеми угодьями.
Около 1639 г.	Деревянная церковь Св. Влкм. Варвары была разобрана по ветхости, вместо неё была устроена новая, которая затем сгорела
Около пол. 17 в.	Устройство Соловецким монастырем Зосимо-Савватиевской часовни
1661-1669 г.	Во Владыченском приходе два отдельных храма: Введенский и Никольский, очень ветхие, поэтому устраивается новый Введенский храм
1719 г.	Церковный староста Иван Аникиев сын Анисимов обращается за благословением на устройство новой тёплой церкви с трапезной – Введенского храма с приделом Николая Чудотворца
1826 г.	На кладбище устроена каменная однопрестольная церковь в честь святого Иннокентия Иркутского с колокольной над папертью
1827 г.	Введенский храм с приделом Николая Чудотворца сгорел
1840 г.	Устроен новый каменный главный Введенский (холодный) храм с приделом Николая Чудотворца (теплым) с колокольной над папертью
1857 г.	Построена приписная Варваринская церковь
1895 г.	Владыченский приход состоит из 18 мелких деревень, расположенных на обоих берегах реки Онеги; главный приходский храм стоит в д. Глазовской. Жителей 538 человек мужского пола и 656 человек женского.

На 1905 год во Владыченский приход входила 21 деревня по обеим сторонам реки Онеги.

В 1904 году была отремонтирована Варваринская церковь, а в 1905 году здания Введенской и кладбищенской церквей. Вокруг Введенского храма была построена и покрашена ограда

В XVII-XIX веках церковная жизнь была невозможна без участия местных жителей – прихожан. Они добровольно, без принуждения, как истинно верующие, несли обязанности по сохранению церкви и храмов, имели значительные права по управлению приходской жизни, а значит, способствовали укреплению православной веры.

Судьба храмов Владыченского прихода трагична. В настоящее время не сохранилось ни церквей, ни часовен. Какой была жизнь прихода в период с 1917 по 30-е годы установить не удалось. Священник Введенского храма был арестован, судьба его неизвестна. Церковное имущество частично было разнесено по домам верующими, часть разграблена, следов на данный момент не нашлось. Каменные церкви разобрали на кирпичи, пришлось стены храма рушить трактором. Кирпичи сельсовет продавал нуждающимся. Колокола были перед этим сняты (перед войной или в начале войны), увезены на переплавку на пароходе в город Онегу.

В часовне в д. Усолье хранили соль во время солеварения, использовали как подсобное помещение. Она также сгорела в конце 80-х гг.

Церковь святой великомученицы Варвары простояла до 90-х гг. XX века. Колхоз долгое время использовал её как склад для зерна, затем ремонтная мастерская нижнего склада хранила там запчасти. Расписные деревянные фрески заменяли рабочим в будках для отдыха столы. После туда завезли удобрения для сенокосных лугов, которые оказались не использованы, и были высыпаны в колодец с родниковой водой около церкви. Затем она сгорела от поджога сухой травы весной.

20 августа 2006 года на месте Введенского храма установлен Поклонный крест в честь Святого Николая Чудотворца и освящён протоиереем прихода Антониево-Сийского монастыря п. Савинский Виталием Рубановичем.

Деньги на крест – 1000 рублей, пожертвовала Завьялова Татьяна Павловна, она же организовала подвозку креста и камней. Делал крест Попов Сергей Вячеславович из д. Ярнема. В 2007 году, 6 октября Поклонный крест поставили на месте церкви святой Великомученицы Варвары и освятил его протоиерей прихода Антониево-Сийского монастыря п. Савинский Виталий Рубанович.

И на этот крест пожертвовала 1000 рублей Завьялова Т.П., а так же договорилась с установкой. Татьяна Павловна организовала сбор средств на оградки у Поклонных крестов. У креста в честь Св. Варвары Великомученицы оградка уже установлена.

При проведении исследования большую помощь оказали местные старожилы Завьялова Татьяна Павловна, Анисимова Валентина Васильевна, Анисимова Нина Степановна, Смирнова Зинаида Андреевна, Муковозчик Вера Сергеевна.

Источники:

1. Краткое историческое описание церквей и приходов Архангельской епархии. Вып. 3. Архангельск, 1896.
2. Кольцова Т.М. Северные иконописцы: опыт библиографического словаря. Архангельск, 1998.
3. Макаров Н.А. Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья. Архангельск, 2007.
4. Метрическая книга Турчасовской церкви 1841-1846 гг. / музей Ярнемской средней школы
5. Сотные на волость Каргопольского уезда 1561-1562 г. / публ. Ю.С.Васильева / Материалы по истории Европейского Севера СССР: Сев. археогр. сб. Вологда, 1972
6. www.nason.ru [электронный ресурс]

Александр УЛЬЯНОВ

Поньга – родина лесозэкспорта России

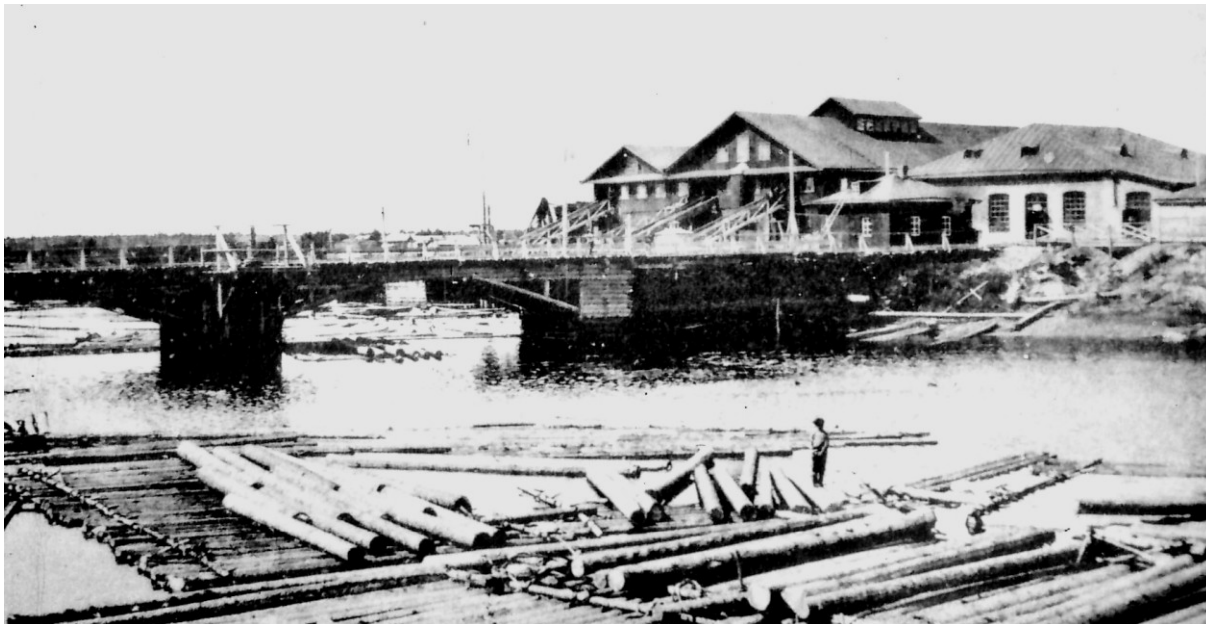
Две-три тысячи лет назад территория Поньги была дном моря. Местность впервые упоминается во времена московского князя Василия Тёмного, в книге Якова Сабурова и Ивана Кутузова «Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова. 1556 г.».

На усть Онеги у Пречистые волостька Устьонежская, а в неи деревни тяглые. ... Да тое ж деревни угодия за Онегою на усть Понги реки...

Колыбелью промышленного лесопиления на Севере справедливо может быть названа Онега, так как первые крупные пильные мельницы (лесопильные заводы), работающие на вывоз пиломатериалов за границу были построены на реке Поньга (левый берег реки Онеги).

Многие исторические сведения подтверждают, именно Онега является Родиной экспортного лесопиления в России. Первым лесопромышленником был граф Пётр Иванович Шувалов. Лесной торг в Онежском порту водворился с 1752 года, после того, как граф Шувалов получил от царицы Елизаветы Петровны привилегию на рубку, переработку и торговлю лесом с заграницей. По сведениям книги П.М. Трофимова «Очерки экономического развития Европейского Севера России», историка Севера С.Ф. Огородникова и документов ГААО, сообщается, что в 1755 г. на реке Поньга, выше устья, была построена

первая плотина и три амбара при них лесорамы, в каждом лесопильная мельница. Из выше, изложенного, можно предположить, что на левом берегу возле реки Поньга существовало какое поселение, в котором жили люди, которые принимали участие в обслуживании первой лесопильной мельницы.

Лесозавод «Поньга»

В 1756 г. в 1,5 верстах от первой (местное население называет «Верхний») была построена вторая плотина и 4 амбара тоже с двумя лесорамами в каждом. Это были заводы с водяными приводами, так называемые пильные мельницы. Мельницы были предназначены для распиловки леса, подготовки лесопроductии на экспорт. Третья плотина на реке Поньге была построена на расстоянии 15 вёрст от верхней мельницы для задержания вешней воды.

В развитии лесной промышленности Онеги монополию графа Шувалова считают с 1752 по 1755 года. Затем граф Шувалов продал лесозаводы и дарованное ему право на 30 лет, английскому купцу Джингли Гому за 120 тысяч руб. и этими предприятиями, Гом владеет с 1756 по 1783 год.

С развитием предприятий Шувалова и Гома – получил развитие и Онежский морской порт. В Онегу ежегодно стали приходить за лесом иностранные корабли. К этому времени Гом имел три лесопилки (в Анде – построена в 1766 г.), две корабельные верфи (на Поньге, и в Подпорожье), канатную фабрику и прядильный двор на Поньге, пристань для погрузки судов на Кий-острове. Из-за мелководья морские суда не могли подходить к лесопилкам, поэтому Гом на Кий-острове оборудовал становище для судов и распиленный лес на баржах доставлялся туда, где производилась его перегрузка на морские суда. Гому разрешалось ежегодно вывозить за

море до 600 тыс. деревьев. С 1762 по 1774 год в Онеге побывало 346 судов. За 1755-1764 годы, из Онеги было отправлено 309 тыс. досок, а с 1763 по 1779 год Гом вывез за границу 3,5 тыс. мачтовых и 243 тыс. строевых брёвен, 2486 тыс. штук досок и много поделочного леса. Летом 1763 г. на воду были спущены два судна «Де Вильям» и «Поньга». До 1768 года были построены 24 морских судна для перевозки за границу лесоматериалов.

После Джингли Гома, онежские пильные мельницы перешли в ведение государственной казны с 1783 по 1833 год, и в этот период с 1791 года лесозаводами Онежского лесного торгового управления управлял директор – шведский купец Ниман. На 22 лесорамах выпиливал 25-30 тыс. досок, на Поньговских лесозаводах лес пилили только в летний сезон, а на Анде, круглый год. С 1833 по 1863 год лесозаводами заведовали иностранные купцы. Первоначально управлял заводом Вильгельм Брандт с сыновьями, затем: Александр Кларк, Губбарт, Эдуард Морган, Томас Джеллибрант. Иностранные купцы и предприниматели стремились как можно больше получить прибыли от лесозаводов, не заботясь о благосостоянии рабочих и реконструкции самих заводов.

В 1864 году на реке Поньге впервые был построен первый паровой лесозавод, затем второй (1871), третий (1883 г.) и четвёртый (1894 г.). В 1877 г. компанией Онежского лесного торгового управления был построен новый лесозавод на реке Поньге, однако он просуществовал недолго, сгорел. На этом месте в 1886 году вновь построен новый лесозавод, уже шестирамный, который в будущем, в Советское время, стал называться лесозавод №34 треста «Северолес». «По паспорту» лесозавода 1950 г. в лесопильном цехе было расположено 7 лесорам, обрезных станков - 5, основных сортовых - 12 штук, сортовых для резки горбов и тары - 11 штук. Сортплощадка завода в 1946 г. была длиной 71 п.м., в 1949 г. построено ещё 20 метров. Отвозка пиломатериалов от сортплощадки производится на автолесовозах, отвозка отходов щепы, ступльчиков и др. на автомашинах.

С 1895 по 1918 год лесозаводом на Поньге управляли: Телятьев, Башмаков Константин Константинович, Август Лудэ.

Рабочий день на лесозаводе «Поньга» был 12-13 часов, низкая зарплата, грязные и сырые казармы, беспощадная эксплуатация, отсутствие элементарной техники безопасности приводило к частым увечьям рабочих. Такая тяжёлая жизнь рабочих толкнула на забастовку, которая состоялась 8 июня 1906 г. и продлилась до 15 июня 1906 г. В результате была повышена заработная плата, на 2 часа сокращён рабочий день, уволены особо ненавистные приказчики и подрядчики, отвоено празднование 1 мая без вычетов. Но, большинство требований рабочих было руководством завода отклонено. В 1910 г. на заводе «Поньга» вновь вспыхнула забастовка рабочих в связи с увольнением части рабочих, т.к. были установлены новые быстроходные лесорамы, сделана пристройка и

расширен лесопильный цех до 8 рам. Стачки на заводе «Поньга» повторялись в 1914 и 1916 годах.

На «Поньге», раньше чем в Архангельске была провозглашена Советская власть. Общее собрание рабочих лесозавода «Поньга» вынесла решение 22 ноября 1917 г., о том, что вся власть должна перейти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

31 июля 1918 г. Онегу захватили интервенты. В первых числах августа в Подпорожье был сформирован партизанский отряд под руководством П.А. Попова, в числе которого был и рабочий с лесозавода «Поньга» Герасимов Константин Иванович. Позже он был захвачен интервентами, и расстрелян на борту парохода «Кола» в Белом море. После гражданской войны, 7 ноября 1922 года, лесозавод «Поньга» был переименован в лесозавод №34, и назван именем Кости Герасимова. А позднее, была переименована и одна из улиц в городе.

После освобождения г. Онеги от интервентов, в октябре 1920 г. Поньский лесозавод начал распиловку леса на всех 8 рамах. 15 апреля 1920 г. на Поньге была организована комсомольская ячейка, первым секретарём был А.П. Калинин. В декабре 1920 года создана парторганизация. В августе 1923 года была создана комиссия для создания пионерского отряда. В двадцатые годы на лесозаводе не хватало специалистов, и в октябре 1924 г. было решено создать на Поньге училище по подготовке специалистов для лесопиления (ФЗУ), а с 1926 года преобразовано в государственное учебное заведение, которое было переведено с 1934 г. на лесозавод № 32. Поньга является основной кузницей по подготовке кадров для лесопильных заводов. Первыми директорами ФЗУ были: М.В. Дымской, А.Д. Омегов, А.П. Калинин. Впервые на Поньге был открыт и рабфак (1930 г.), первым организатором и директором был Титов Дмитрий Савватьевич. В 1929 году на лесозаводе была установлена паровая машина «Феникс», привезённая из Зимнего дворца в Ленинграде.

Большие изменения произошли на заводе «Поньга» с образованием управления «Онегалес». В марте 1929 г. лесозаводы г. Онеги были переданы в трест «Северолес», который провёл их реконструкцию. С началом Советского периода завод возглавляли: Порожников Андрей, Ярин, М.И. Бегин. Под руководством М.И. Бегина на реке Поньга была построена плотина, которая преградила путь воде в бассейн. Построены: дамба в бассейне (1926), верхняя плотина (1928), нижняя плотина (1929), обводный канал (1928) – речка «Канава», длина 674 метра. Эта «Канава» служит для пропуска воды из реки Поньга, минуя заводской бассейн, чтобы вода не мешала запуску леса в завод. Открывали «Канаву» торжественно, с музыкой. В настоящее время «Канаву» сильно размыло, и ширина достигает 30-40 метров.

Речка «Канава»

У входа на территорию лесозавода №34, в 1929 г. (по другим сведениям в 1927), была построена пожарная часть, В последнее время часть возглавляли: Фидельский Владимир Павлович, Сахаров Александр, Муравинский Вениамин, а в наши дни Кузнецов Александр. И хотя с октября 2007 года нет лесозавода №34, персонал пожарной части несёт свою службу круглосуточно, охраняя от пожаров все здания в посёлках Поньга и Легашевская.

Согласно постановления бюро ВКП (б) от 14 января 1930 г. на базе колхоза «Северный Полюс» (1928) и коопсельхоза в марте 1930 г. был образован молочно-овощной совхоз, в которые вошли постройки (фермы) для коров и свиней на территории лесозавода №34. В последующие годы вплоть до начала XXI века (2004) на лесозаводе находились фермы для коров и свиней.

С 1934 года на Поньге была создана первая профессиональная агитбригада, дано начало народному театру, руководитель Вишняков Александр Ильич. В это время здесь активно работал заводской клуб, который построен в 1938 году и сгорел в начале 1950-х. В посёлке Поньга очень давно была открыта заводская библиотека, предположительно одна из первых в городе и районе, к сожалению, документов не сохранилось, они сгорели вместе с клубом. Известно, что в числе первых библиотекарей работали: Хамов Анатолий Андреевич, Хананеина Антонина Васильевна, Гурьева Тамара Алексеевна, Калинина Лиля Степановна, Рыбинцева Антонина, Антонова (Юмагулова) Валентина Яковлевна, Капленко Татьяна Николаевна, Мозгалева (Дорохина) Лия Ильинична, Шукшина (Акимова) Татьяна Юрьевна, Калинина Лира Ильинична, Мозгалева Раиса Ильинична, Савина Милетина Фёдоровна, Садовникова Людмила

Васильевна, Акимова Татьяна Юрьевна, а в последнее время Манакова (Иконникова) Галина Ивановна, Кузнецова Валентина Александровна.

В годы первых пятилеток на лесозаводе было развернуто ударничество и стахановское движение. Потом начались годы Великой Отечественной войны. Из-за отсутствия сырья и квалифицированных кадров резко сократился выпуск пиломатериалов. К лесопильным рамам встали женщины, девушки, подростки, заменяя отцов, братьев и мужей. Отсюда ушёл добровольцем на фронт В.И. Манкевич, который с родителями в 1938 г. поселился на Поньге. За героические подвиги, в 1944 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Поньга тесно связана с дважды Героем Советского Союза, контр-адмиралом А.О.Шабалиным, здесь проживали его мать и сестра. На заводе работал его отец – Шабалин Осип Захарович, брат Пётр Осипович. Так же на заводе работал, будущий комиссар подводной лодки В.Н. Вересовой и многие другие известные онежане. 24 января 1943 г. во всех цехах завода прошли собрания по случаю сбора средств на постройку эскадрильи самолётов, в результате было собрано 35176 руб.

За время Великой Отечественной войны с Поньги было призвано на фронт 728 человек, из которых около 200 человек погибли. 8 мая 2015 г. возле заводского клуба был установлен памятник, на котором увековечены имена всех участников этой войны.

Памятник участникам Великой Отечественной войны

С 1929 года завод «Поньга» возглавляли: Ермолин, Шилков Иван Андреевич (1932-1935), Драчков Александр (1935-1938), Бекетов Иван Александрович (1939-1940), Манаков Николай Назарович (1940-1941), Трофимов Андрей Михайлович (1941-1950), Русаков Владимир Николаевич (1950-1952), Кошелев Алексей Никандрович (1952-1956), Тарасов Константин Васильевич (1956-1957), Багрецов Иван Дмитриевич (1957-1958), Полянский Олег Александрович (1958-1969), Лапицкий Аркадий Александрович (1969-1972), Артемьев Анатолий Трофимович (1972-1976).

С каждым годом лесозавод №34 наращивал объёмы по распиловке леса. В 1965 г. ЛДК, (куда входил и лесозавод №34), выработал 452 тыс. куб. пиломатериалов, в том числе на экспорт 296 тыс. куб. В первый год 9-й пятилетки на лесозаводе был произведён капитально-восстановительный ремонт. Был построен гидрлоток для подачи сырья с реки Онеги в бассейн в летнее время. В лесопильном цехе смонтированы накопители брёвен. Введена пакетная отгрузка пиломатериалов, как для экспорта, так и для внутреннего рынка. В посёлке Поньга появился водопровод, который обеспечивал питьевой водой центральный посёлок, Новую деревню и посёлок Первомайский.

До 1925 года на территории поселка Поньга существовала начальная школа. С 1 сентября 1925 года была семилетка (построена в 1924), а с 1 сентября 1956 года средняя школа (с 05.09.1966 средняя школа №3). 12 января 1985 года была открыта новое здание средней школы. С 2012 года школа вновь преобразована в восьмилетнюю школу, из-за отсутствия школьников. Школу возглавляли: Фокин Дмитрий Алексеевич (1932-1960), Магунова Зинаида Ивановна (1960-1961), Шемелина Ольга Павловна (1961-1963), Капустина Антонина Алексеевна (1963-1971). Тюхтин Геннадий Фёдорович (1971-1986), Константинов Валентин Андреевич (1986-2012), Котова Екатерина Валерьевна с 12 июля 2012 года, и по настоящее время. С 2004 г. при школе находится и детский садик, раньше было два детсада и ясли.

Поселковая школа

С давних времён в посёлке Поньга существовала заводская аптека, которую возглавляла Медведкова Вера Андреевна. С 1920 года, работал медпункт, а потом на Поньге существовала амбулатория, в которой находилась аптека и работали фельдшера: Дуданец Екатерина Михайловна, Наумов Пётр Иванович, Котова Антонина Николаевна, Артемьева Анна Ивановна, Антонова Ульяна Григорьевна, Зюзина Лидия Ивановна, Куйкина Зоя Анатольевна, Рехова Августа Изосимовна и многие другие. В июне 1968 года на Поньге была открыта заводская больница, где главными врачами работали: Парасенчук Михаил Максимович, Порядина Лидия Ивановна, Котова Светлана Васильевна. После ликвидации больницы, длительное время работала врачом-терапевтом Кашина Елена Викторовна (до января 2016 г.), фельдшерами – Семьина Елена Владимировна, Иконникова Валентина, и другие.

В ноябре 1957 года на Поньге был построен новый клуб. Первым директором клуба был Ожегов Николай Сергеевич. Затем Сотков Юрий Михайлович, Острук Евдокия Григорьевна. В это время стали создаваться хоры, молодёжный и хор ветеранов, руководителем была Кострова Лилия Валентиновна. Потом работала Левандовская Лидия Степановна, Калинина Лира Павловна, Егорова Елена Александровна, Валявкина Людмила Александровна (с 1987 г. по декабрь 2012 г.), с декабря 2012 г. по июль 2016 г. работала Долгушина Надежда Николаевна, а с июля 2016 г. заведующей клубом работает Никитина Анна Александровна.

Поселковая больница

В октябре 1972 г. на Поньге состоялось первое занятие театральной студии «Кристалл-72», и в заводском клубе (25.02.1973) прошла первая пьеса «Девочки-мальчики» А. Малюгина, руководитель А. Трифанов. В 2008 г. был организован ансамбль «Поющие сердца», руководитель Галина

Ильинична Сахарова. В 2010 г. организован детский танцевальный коллектив «Реченька» и «Горошинки», руководитель Коваленко Татьяна Юрьевна. В 2012 г. была организована вокальная группа «Краснотал», руководитель Ходакова Мария Борисовна, эта группа участвовала в районном конкурсе «Битва хоров по Онежски» и заняла второе мест. В 2013 г. организован подростковый танцевальный коллектив эстрадного танца «Колибри», руководитель Игнатьева Людмила Владимировна. В этом же году, организован взрослый танцевальный коллектив восточного танца «Сочные ягоды», руководитель Долгушина Надежда Николаевна. В 2014 г. организован взрослый танцевальный коллектив народного танца «Коляда», руководитель Сахарова Галина Ильинична. В этом же году организован взрослый танцевальный коллектив эстрадного танца «Элегия», руководитель Игнатьева Людмила Владимировна. В 2014 г. организована вокальная мужская группа, руководитель Подчуфаров Игорь Борисович.

Поселковый клуб

С августа 1969 года начато строительство автодороги Поньга - Ворзогоры.

1980-е годы лесозавод добивается наибольших объёмов по выработке пиломатериалов на экспорт. Руководителями работали Северинец Моисей Васильевич, Скворцов Валерий Павлович, Попов Сергей Владимирович, Большаков Николай Васильевич, Курбатов Николай Васильевич и последнее время работал Шабалин Александр Васильевич.

В 1980 годы усовершенствуется технология, кроме экспорта, выпускается технологическая щепка, которая вывозится на гидролизный завод. Активно строятся производственные здания и дома для рабочих. В посёлке работает столовая, школа, детсады, новая почта, магазины,

пекарня, баня, и другие объекты инфраструктуры. 17 июня 1980 г. улица Клубная переименована в улицу имени Д.Ф. Алексеева.

За годы 8-й, 9-й и 10-й пятилеток, за ударный труд многие рабочие были награждены орденами и медалями. Орденом Ленина награждена Кабрина Татьяна Васильевна, орденом Трудового Красного Знамени: А.К. Мосеева, И.Д. Попов, Л.П. Илов, М.И. Негодяева и другие.

С приходом рыночных отношений в стране, и приватизации предприятий, резко стали падать основные показатели в производстве. В мае 2004 года из Архангельска был поставлен директором Степанов Геннадий Юрьевич, который привёл завод к банкротству, а при директоре А.В. Шабалине, 25 октября 2007 года, около 4 часов ночи лесозавод был подожжён и сгорел полностью. Ликвидация лесозавода №34, привела к высокой безработице и оттоку населения из пос. Поньги. В настоящее время возле завода осталась одна пожарная часть, которая несёт ежедневную службу для охраны посёлка от пожаров. В 2002 году население Поньги вместе с Легашевской, составляло 1780 человек.

Длительное время по большой воде суда морского порта приходили на пристань возле Новой деревни, однако вскоре пристань пришла в негодность. Была построена хорошая автомобильная дорога Легашевская запань-Поньга и организовано автобусное сообщение с 22 октября 1986 года, которое существует до настоящего времени.

В октябре 1987 г. в посёлке Поньга была открыта новая хлебопекарня, которой заведовали: Бурлакова Татьяна Владимировна, Калинина Елена (с 2007 г.). При пекарне работал киоск по продаже хлеба, затем эта точка была закрыта. В августе 2015 года пекарня была открыта в здании, где находится магазин Л.Ю. Касаткина, пекарня обслуживает все магазины на территории посёлков Поньга и Легашевская.

22 октября 2002 г. на Поньге сгорел большой двухэтажный универсальный магазин на улице Д.Ф. Алексеева. В это время начали открываться торговые точки предпринимателей. Так в 2001 году был открыт магазин у Касаткина Леонида Юрьевича, в 2003 г. в пос. Легашевская, в 2004 г. в Новой деревне. 2014-2015 году открыт новый магазин Александра Фокина, магазин Романа Верт Миллера. 15 июля 2012 г. был открыт магазин Валентины Николаевны Левашовой.

Жители посёлка Поньги гордятся своими земляками: дважды Героём Советского Союза, контр-адмиралом А.О. Шабалиным; известным поэтом, писателем, почётным гражданином г. Онеги, Е.П. Токаревым; композитором, профессором и доктором искусствоведения Шаховским (Негодяевым) Альбертом Павловичем (проживал в Удмуртии); руководителем полётов аэропорта «Талаги» Куйкиным Виктором Евгеньевичем; поэтом-фантастом, автором более 10 книг, С.И. Пантелеевым; немецким и российским журналистом, автором многих книг Я.К. Пеннером; известным краеведом, автором более 20 книг – А.И. Ульяновым и многими другими.

Онега – колыбель лесного экспорта

Лесная промышленность на территории Архангельской области начала развиваться в конце 19 – начале 20 веков. Огромные запасы леса, высокое качество древесины, удобство сплава её к портовым центрам, высокая прибыль, а также повышенный спрос на древесину в странах Западной Европы – всё это обусловило становление лесопромышленного комплекса на Крайнем Севере.

Северный район был удобен тем, что не приходилось изыскивать новые возможности расширения сбыта возрастающего количества своей продукции, так как традиционный западноевропейский рынок в связи с бурным ростом расширялся быстрее, чем производство пиломатериала.

Люди давно приспособили прионежские леса служить человеку. Хилые суглинистые поля, усеянные камнями, лесной промысел и охота никогда не давали крестьянам большого дохода. Своего хлеба едва хватало до января, а потом крестьянин вынужден был искать побочный заработок. Одной из важных статей пополнения семейного бюджета и стали для них лесные заработки. Начало экспорта беломорского мачтового леса было положено ещё при Иване Грозном в 16 веке, а вывоз пиломатериалов – деятельностью братьев Бажениных.

Специальное экспортное лесопиление Севера на реке Онеге возникло только в середине 19 века. Это было крупным событием в истории Севера.

До середины 19 века Онега занимала 1 место в беломорском лесозэкспорте. В развитии лесной промышленности Онеги можно обозначить следующие периоды: монополия графа Шувалова (1752-1755); предприятия Гома (1756-1783); 50 лет лесной торг ведет казна (1783-1833); аренда лесопромышленных предприятий иностранными купцами (1833-1863); с 1863 года все лесные предприятия Онеги переходят в собственность иностранных предпринимателей.

МОНОПОЛИЯ ГРАФА ШУВАЛОВА (1752-1755 гг.)

В 50-х годах 18 века царское правительство предоставило монопольное право П.И. Шувалову на ведение лесного торга на Онеге. В 1752-1755 годах были построены на реках Анда и Поньга первые в России лесозаводы, работавшие на экспорт, так называемые «лесопильные мельницы». А к 1755 году были построены две водяные пильные мельницы «о 14 рамах». Летом 1755 года на реке Поньга, выше устья, была построена первая плотина и три амбара при ней, по две лесорамы в каждом (лесопильная мельница). В 1756 г. в 1,5 верстах от первой построена вторая плотина и 4 амбара тоже с двумя лесорамами в каждом.

Это были заводы с водяными приводами, так называемые пильные мельницы. Мельницы предназначены для распиловки леса на экспорт. По сведениям Архангельского областного архива первая пильная мельница на Анде была построена в 1766 г. Шувалову было разрешено рубить казённые леса и отправлять древесину за границу. На Шуваловских лесопилках работали мастера, «получившие школу лесопиления» на предприятиях братьев Бажениных в Архангельске. Однако вскоре Шуваловские предприятия оказались во владении англичан. Русское правительство принимало меры, предупреждающие проникновение иностранных предпринимателей. На эксплуатацию двинских лесов была установлена монополия Адмиралтейства. Но Онежские леса были вне сферы Адмиралтейства. Как только возник «Онежский лесной торг», англичане захватили его в свои руки. Дело завершилось тем, что Гом получил право на леса на срок 30 лет за 120 тысяч рублей.

ПРЕДПРИЯТИЯ ГОМА (1756-1783 гг.)

Эту сделку утвердил Сенат, при выдаче Гому из местного банка русской казны ссуду в 300 тысяч рублей. «На распространение лесной торговли на Онеге», с возвратом суды через десять лет. Гому разрешалось ежегодно вывозить за море беспошлинно до 600 тысяч деревьев, строить пильные мельницы и суда. Он обязывался платить казне по 25 копеек за срубленное дерево и возвращать казне ссуду по 50 тысяч рублей с уплатой процентов.

Гом распространил заготовку леса на 200-250 вёрст по реке Онеге. К 1764 году он имел 3 лесопилки, прядильный двор, канатную фабрику. В Подпорожье и в устье реки Онеги были созданы две корабельные верфи, где за 7 лет было построено 24 морских судна. Все они ушли в море с лесными товарами. Из-за мелководья морские суда не могли подходить к лесопилкам. На Кий-острове Гом оборудовал становище для судов. Распиленный лес на баржах доставляли к Кий-острову, где производилась его перегрузка морские суда.

В онежский порт ежегодно стали приходить иностранные суда. Онега становится одним из крупных лесных портов на севере России. Её по справедливости можно назвать колыбелью северной лесопильной промышленности и лесного экспорта.

Лесные операции Гом начал и на Мезени, но там дело ограничилось тем, что вырубленные 100 тысяч брёвен были сгноены в устье реки Мезени.

Расширение лесных операций Гома сопровождалось ростом его долга царской казне. К 1764 году он задолжал 700 тысяч рублей, а затем долг вырос до 1,5 млн. рублей. Поэтому, в 1769 году утвердилась правительственная комиссия для обследования предприятия Гома. На Север направилась ревизия, которая установила, что «лесов на Севере

много, что никакой опасности для казённого судостроения предприятия Гома не создают».

В действительности же обеспечение судостроения лесом становилась острой проблемой. Контракт с Гомом был оставлен в силе до 1790 года, а сроки погашения долгов отнесены.

Строительство судов Гомом ограничивалось, а на его деятельность возлагалось наблюдение. Гом продолжал истреблять и вывозить лес за море. Доходы казны были ничтожны.

В 1769 году «За неплатеж по обязательству» казна отдала «Онежский торг» под управление Архангельскому чиновнику Гоуману, действовавшему от имени казны. В 1774 году по требованию адмиралтейства часть предприятий Гома была закрыта, а «Онежский торг» был передан под особое попечение Вологодской, а затем Архангельской казенной палате. В 1783 году по высочайшему Указу Екатерины II от 18 марта 1783 года «за неплатеж весьма значительного казённого долга, состоящего на купце Гоме, совсем передан казне».

Предприятия Гома были самыми чудовищными по истреблению лесов на Севере. Они считались одним из «нашумевших» иностранных предприятий на Севере. П.И. Челищев во время путешествия по Северу лично видел наследие Гома. Он писал: «... В одном городе тому назад лет 35, англичанином Гомом заведено было строение купеческих судов, и каждый год он выстраивал для продажи иностранцам до 16 судов, для оснастки которых, а также и на продажу была канатная фабрика и прядильный двор. Я там видел заготовленный лес для строения. Корабельный лес, который лежит вдоль на версту, да поперек сажень на сто и гниёт, он не покрытый и не складен. Содрогнуться должно, увидев сколько сей заредный бродяга Гом в 15 лет начудодеял. Он превратил Онежский бассейн в отпетый для России не на 25 лет, а целое столетие, пока не залечатся раны и не заладятся опустошения». По определению К. Молчанова, предприятия Гома были офеней авантюриста с широкими замыслами.

К моменту ликвидации предприятий Гома на Онеге имелось: 3 лесопилки и 2 полуразвалившиеся, бездействующие верфи, и, более тысячи рабочих на них. Предприятия Гома нанесли большой ущерб экономике Онежского края. Судостроение в Онеге было разорено, промыслы и сельское хозяйство подорваны. При содействии царских чиновников, Гом нещадно эксплуатировал лесорубов и работающих на заводах. Тысячи разорённых онежан стали уходить на поиски заработков в другие районы России.

КАЗЁННОЕ ВЛАДЕНИЕ «ОНЕЖСКИМ ЛЕСНЫМ ТОРГОМ»

В 1783 г. Начался период казённого владения «Онежским лесным торгом». Казна построила верфи, лесопилки и получала хорошие доходы.

Но вскоре дела «Торга» ухудшились, обороты сократились, вместо доходов появились убытки.

Лесопильный завод К^о Онежского Лесного Торга¹

Во главе «Торга» стоял некто Ниман – швед, по званию купец, по должности – директор, а по промыслу – разоритель. Делами конторы ведали иностранцы, служившие при Го́ме. Они обманывали власть и обогащались сами.

С 1833 г. «Торг» был в ведении лесного департамента и департамента государственных имуществ России. Однако передача «Торга» из одного ведомства в другое делу не помогла. Иностранные купцы диктовали свою волю в сбыте леса, создавая затруднения для «Торга». Кроме того с ним начали конкурировать появившиеся частные паровые заводы в Архангельске. Водяные лесопилки оказались технически отсталыми. Главным конкурентом казённых лесопилок выступал купец В. Брандт – монополист экспорта пилёного леса от Архангельска. С 1824 г. он добивается взятия в свои руки лесного дела Онеги, но лишь 1833 г. получает аренду на 12 лет.

Сдача в аренду мыслилось как временная мера, но иностранные предприятия использовали её для захвата дела на Онеге. Брандту разрешалось за 12 лет заготовить 600 тыс. сосновых брёвен, при уплате по 26 коп. за бревно. За 10 лет он заготовил 571 тыс. брёвен, вырубая и корабельные деревья.

В 1838 г. возбуждается дело о злоупотреблении Брандта. В Пудожском уезде были обнаружены не вывезенные 1200 крупномерных деревьев. Ревизор казны доносил: «При самом входе в лес, в коем проводилась порубка для заводов, являются несомненные и очевидные

¹ фотография из архива ОИММ

доказательства самовольного и крайне небрежного способа заготовки». Ревизор подчёркивал, что делается это не случайно, не по ошибке, а «умышленно». В 1845 году срок аренды «Онежского лесного торга» истёк.

В следующем году «Онежский лесной торг» был сдан в аренду на 9 лет английским купцам Кларку, Губарту и Моргану при плате 2000 руб. в год. Арендаторам разрешалось за 9 лет вырубить 550 тыс. деревьев.

В связи с окончанием их аренды, купец Миронов просил казну отдать Онежские заводы в аренду русским купцам. Но казна ещё на 9 лет продлила аренду с английской компанией, которая купила у казны все онежские заводы в свою собственность.

Таким образом, лесопромышленное дело на Онеге за полтора столетия побывало в руках царских вельмож, казны и иностранных капиталистов.

ЖИЗНЬ РАБОЧИХ

Тяжёл был труд рабочих на лесопильных заводах в прежние времена. Рабочим Онеги жилось одинаково плохо при любых хозяйствованиях. Колониальная, капиталистическая эксплуатация или гнёт доморощенных предпринимателей мало чем различались между собой. Развитие производительных сил шло крайне медленно. Свыше ста лет пильные мельницы с водяными двигателями являлись основой технического вооружения лесопильного производства в Онеге. Первый лесопильный завод с приводом от паровой машины появился в городе почти на 50 лет позднее, чем в Архангельске. К 1913 г. в Онеге было 5 заводов общим числом в 24 пилорамы. Они все принадлежали иностранцам. Стремясь получить как можно больше прибыли от природных богатств Севера, от лесозэкспорта и эксплуатации русских рабочих, иностранные предприниматели совсем не обращали внимания на условия жизни населения и на благоустройство города. Техническое перевооружение лесопильных заводов позволило значительно увеличить выработку продукции. Увеличение объёма производства потребовало в свою очередь дополнительного привлечения рабочей силы. Рабочие кадры лесозаводов формировались за счёт крестьян Онежского уезда Архангельской губернии. Крестьяне приходили на сезонные заработки и оставались на постоянной работе. Так, расширение лесопильного производства, способствовало увеличению городского населения.

В то время, жилья для рабочих не было. Рабочие жили в городе, а на работу ходили пешком по берегу реки. Город разрастался, однако внешним своим видом походил больше на деревню, чем на город. В центре – новые кварталы застраивались частными домами. На заводских окраинах для прибывающих рабочих и для их семей строились бараки.

Очень сложным, трудоёмким в то время был процесс подачи леса в завод, особенно в зимнее время. Бассейн не отапливался, замерзал с

первых же морозов. Брёвна со складов подвозили на волокушах, лошадьми и вручную сваливали в бассейн на лёд. Бревнотасок, тогда вообще не было. Сверху из лесопильного цеха спускалась цепь с подцепками, с помощью которых производилась ошлаповка брёвен. Затем они поднимались в лесопильный цех на специальную площадку, которую рабочие называли «казёнкой». Здесь брёвна группировались в зависимости от диаметра, и направлялись к лесопильным рамам. Механизации не было никакой. Брёвна наваливались вручную, их подавали в рамы, подталкивая баграми. Брус тогда не пилили, а бревно сразу распиливали на не обрезные доски, которые потом шли на сортовые, где рабочие укладывали их на вагонетки, опять же только силой рук. Вагонетки толкались на откаты, оттуда на биржу.

Рейкоотделителей не было. Рейки рабочий брал руками и перекидывал на вагонетки. Это требовало от рабочего не только физической силы, но и ловкости, большой сноровки.

Вагонетки с рейками отгаскивали лошадьми, где погонщиками в основном были подростки. Рейки отвозили на «огнище». Так называли большой костёр за рабочим посёлком, где сжигали опилки и рейки, не подозревая, что сжигали огромное богатство. Много лет спустя научились использовать отходы лесопиления, а тогда день и ночь полыхало пламя.

На заводе специальных транспортёров отдельно для коры, опилок и ступльчиков не было. Всё шло по одному транспортёру и в «фурах» отвозилось на свалку. Нельзя даже сравнивать нынешний лесопильный цех с тем, что было раньше. Отечественные лесопильные рамы и станки значительно облегчили труд рамщиков и других рабочих цеха.

ПЕРВАЯ ЗАБАСТОВКА И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

Город Онега и уезд, затерявшиеся в северных лесах, были избраны царским правительством для политической ссылки. Захолустье, бездорожье – вот главные впечатления жандармов и их жертв. В Онегу ссыльные приходили этапом из Архангельска. Состав политических ссыльных постоянно менялся. Одни, отбыв срок ссылки, уезжали на Родину, других, за активную политическую деятельность, губернатор переселял в более отдалённые углы губернии, третьи, не дождавшись освобождения, бежали из ссылки.

1 мая 1896 г. в Онеге впервые состоялась демонстрация, в которой участвовали политические ссыльные и рабочие. В 12 часов дня демонстранты двинулись за город. На горе Петушиха их ждали солдаты среди рабочих возникло замешательство, но они прошли мимо солдат. Эта демонстрация сплотила рабочих и воодушевила их на упорную борьбу за свободу.

8 июня 1906 г. забастовали рабочие лесопильного завода компании «Онежского лесного торга». Причиной забастовки являлось полное

бесправие, жестокая эксплуатация. Забастовка продлилась до 15 июня. В результате была несколько повышена заработная плата, на два часа сокращён рабочий день, уволены особо ненавистные приказчики и подрядчики. Но большинство требований рабочих были всё-таки отклонены. Это была первая забастовка в городе Онеге, за которой последовали другие. Она положила начало организованному движению в Онежском уезде и окончилась хотя неполной, но победой рабочих.

БИРЖА ТРУДА

27 февраля 1917 г. рухнул царский режим. Весть об этом событии быстро пронеслась по необъятным просторам России. Вздохом облегчения и радости была встречена она в Онежском уезде.

Во всех волостях были немедленно организованы земские управы. В первых числах марта 1917 г. возник Совет рабочих и солдатских депутатов в Онеге. Руководящая роль в нём принадлежала меньшевикам и эсерам. При профсоюзе лесопильщиков стала существовать Биржа труда. Это очень важная для тех лет организация. Набор рабочих осуществлялся только через Биржу труда.

Из пяти довоенных заводов Онеги к 1920 г. могли по-настоящему работать только два лесозавода: «Дальний» (32-й) и «Поньга». В октябре 1920 г. начал распиловку сырья лесозавод Поньга на все восемь рам. В декабре 1920 г. рабочие своими силами восстановили лесозавод №32 и в феврале 1922 г. пущены в работу две лесопильные рамы. 5 октября 1921 г. к причалу лесозавода №32 пришвартовался первый отечественный пароход, а в 1922 г. Онегу посели первые иностранные пароходы, прибывшие за пиломатериалами.

Уровень производства оставался низким. Два лесозавода давали всего 55,5 тысячи кубометров пиломатериалов или 34% к довоенному уровню. 17.07.1921 г. Онежские лесопильные заводы вошли в трест «Северолес», а с 1 ноября 1923 г. лесозаводы г. Онеги были переданы от «Северолес» в компанию «Руснорвеголес».

«РУСНОРВЕГОЛЕС»

Концессия «Руснорвеголес» провела ряд усовершенствований, что сразу же дало отдачу. Передача лесопильных заводов в эту концессию положительно сказалась на становлении лесопиления и лесобработки города, основной отрасли экономики Онеги.

Частнокапиталистический способ сдерживал развитие лесопиления. Да и не интересах «Руснорвеголес», прекрасно понимавшего что всё это дело временное, было проводить коренную реконструкцию заводов. В итоге преобладал ручной труд. Лесопильные рамы приводились в движение от паровой машины.

В 1925 г. была проведена реконструкция завода №32. Вместо 5-ти лесопильных рам поставили семь. Но были они разнотипные (шведские, норвежские). Разными были и станки.

В 1927 г. концессия «Руснорвеголес» ликвидируется. После её ликвидации начался быстрый рост производства. Лесопильные заводы были переведены на 3-х сменную работу и непрерывную рабочую неделю.

«СЕВЕРОЛЕС»

К 1927-1928 гг. Трест «Северолес» значительно окреп, как материально, так и технически, и мог все лесопильные предприятия взять прочно под свою опеку. В это время производство пиломатериалов на Онежских заводах резко пошло в гору. Помогла этому с каждым годом увеличивающаяся механизация труда. И, безусловно, энтузиазм, царивший в годы первых пятилеток по всей стране.

В 1927 г. из Ленинграда на лесозавод №34 (Поньга) была привезена паровая машина «Феникс», что, естественно было большим событием в жизни Онежан. Монтаж её проводили ленинградские инженеры. Это была в ту пору самая мощная паровая машина в Онеге.

«ОНЕГАЛЕС»

Большие изменения произошли на заводе с образованием в 1929 г. управления «Онегалес» Управляющим в то время был М.И. Бегин. Он часто приезжал на завод. Это по его инициативе и под его руководством на р. Поньге была построена плотина, преградившая путь в бассейн. Он же предложил прорыть канаву из р. Поньга в р. Онегу, чтобы вода не мешала запуску леса в завод. Открывали эту канаву торжественно, с музыкой.

После разгрома интервентов наша страна приступила к мирному труду, к восстановлению разрушенного народного хозяйства. Но для этого нужны деньги, валюта. Правительство решает строить лесопильные заводы, в том числе и в городе Онеге.

Ни какой механизации на стройке не было. Старенькая камнедробилка, топор, лопата да тачка – вот и все «механизмы», которые в 30-х были на вооружении строителей. Но, всё же строительство велось ударными темпами. На строительство лесозавода прибывали люди из разных уголков нашей страны.

В адрес «Онегасевстрой» начало поступать оборудование. Строительство началось одновременно на всех объектах: кто вёл разметку под сооружения, кто рыл котлован под фундаменты, работали ручные копры свайной бойки, кто на тачках в ручную или с помощью лошадей отвозил землю от котлована. Между бригадами разгорелось соревнование. Онежание вписали немало имён в стахановское движение. Строители Онежского лесозавода соревновались в то время со строителями

Кегостровского завода. Взятый темп позволил уже вскоре опробовать первую лесопильную раму. Монтажники сдавали собранные обрезающие станки, а затем были пущены все лесорамы. В следующем году завод был сдан в эксплуатацию.

Это был по своему техническому уровню один из лучших заводов в стране, построенный по последнему слову тогдашней техники. Здесь установили новые быстроходные лесопильные рамы, механизировали производственные процессы, начиная с выкатки сырья и кончая отвозкой продукции. Так вступил в строй действующих предприятий один из 518 заводов страны в годы первой пятилетки. Благодаря героическому труду лесопильщиков, завод уже в 1935 году достиг проектной мощности (217 тыс. кубометров), а все заводы в стране давали 527 тыс. кубометров пиломатериалов.

Но, в то время развивалось не только производство. В посёлках лесозаводов строится жильё для рабочих и другие объекты социально-бытового и культурного назначения. Лесопильные заводы стали связаны с городом постоянным автобусным сообщением.

В годы советской власти лесозавод №34 стал государственным предприятием. Постепенно обновлялось оборудование, совершенствовалась технология. Капитально-восстановительный ремонт был проведён в 1971 году. Лесопильный цех был отстроен заново. Ремонту и замене подвергалось всё основное оборудование, станки, механизмы. Изменился технологический процесс.

Морально устаревшая пилорама №2 была заменена. Это позволило пустить в распил на доски мелкотоварник, который раньше в качестве сырья не использовался. В лесопильный цех поступило водяное отопление. Облегчился труд людей, улучшались условия работы, и, как следствие, поднялась производительность труда рамщиков, обрезчиков, сортировщиков.

В 60-х-80-х гг. велико было стремление советских людей работать по-ударному, внедрять всё ценное, новое. И в северных лесах стали переходить на метод бригадного подряда. Наибольший успех отмечался там, где руководители таких бригад подбирали высококвалифицированных специалистов, авторитетных людей, умеющих рационально использовать каждый кубометр главного таёжного богатства.

МОРСКОЙ ПОРТ – КОЛЫБЕЛЬ ЛЕСНОГО ЭКСПОРТА

11 марта (22 марта по новому стилю) 1781 г. Указом Императрицы Екатерины II, официально открыт Онежский морской торговый порт и таможня.

В 15 веке хозяйственно-политическим центром Онежской округи, как и всего Беломорья, становится Соловецкий монастырь, с которым шла торговля с морских судов из Онежского края. Соловецкий монастырь, а

также Кола и Кемь, через Онегу, Турчасово и Каргополь стали поставщиками многих товаров ко двору московского митрополита. В Москву шли обозы с пушниной, рыбой, солью, маслом и многими другими товарами.

В книге «Лоция Белого моря» изд. 1915 г., указано: в 1621 г. жители Устьянской волости занимались морскими промыслами, хлебопашеством и перевозом сплавляемых по течению реки Онеги товаров на иностранные суда, уже тогда приходившие к устью реки Онеги. 1 июля 1657 г. Устьянская волость с поморскими селениями была пожалована царём Крестному монастырю. В 17 веке, ещё до основания Петербурга, через Онежский порт шла уже оживленная торговля. М. Рейнеке, посетивший Онегу в 1829 г., в книге «Описание Северного берега России» пишет: «Внешняя торговля от Усть-Онеги в 17 столетии была деятельнее, разнообразнее и, вероятно, значительнее».

Для подвоза товаров к порту пользовались самыми дешёвыми речными путями. В те времена были известны такие водные пути, как Онежско-Волжский, Онежско-Двинской, Онежско-Невский. По ним поступали к устью Онеги волжский хлеб, петрозаводское железо и другие товары. Правда, кое-где лодки с грузом приходилось перетаскивать из одной реки в другую волоком, но всё же, перевозка товаров водным путём была значительно дешевле.

До начала 18 века Белое море для России было единственным «окном» в Западную Европу и исключительно важным звеном торговой дороги Астрахань-Москва-Архангельск. Можно с уверенностью сказать, что Онежский порт – один из старейших портов России. В начале 18 века в связи с открытием торгового пути по Неве, строительством Санкт-Петербурга, и «пробитым» Петром I «окном» в Европу, торговля через Белое море резко снизилась. Петр I запретил вывозить через Беломорские порты товары, кроме леса и произведений морских промыслов. И только во 2-й половине 18 века вновь ожила деятельность Онежского порта, не за счёт местных товаров, а за счёт постройки первых лесозаводов, начавших работать на экспорт лесоматериалов.

С основанием предприятий Шувалова и Гома устройство Онежского порта приобрело большое значение. В середине 18 века английский предприниматель Вильям Гом организовал на промышленной основе деревянное судостроение в Онеге. Гом имел право строить «наёмными работными людьми из соснового леса» неограниченное количество судов на Онеге. Летом 1763 г. на левом берегу реки Онеги были спущены первые два корабля под названием «Де Вильям» и «Поньга». На следующий год были построены три корабля и четыре галиота. Так началась деятельность Онежского адмиралтейства. В 1781 г. была построена верфь на городской стороне и через два года спущен первый купеческий корабль. Продолжалось строительство судов в Подпорожье, где были построены корабли «Де Лондон» (1781 г.), «Де Граф фон Норден», «Гренок» (1782 г.).

П.И. Челищев в своей книге «Путешествие по Северу России в 1791 г.», писал: «Гомом заведено строение купеческих кораблей в каждый год по 16 кораблей, для продажи иностранцам». Со стапелей верфи Гома спускались на воду не только дощатые поморские лодки и баржи, но и двух-трёх мачтовые промысловые и торговые парусники. Надо сказать, что эти корабли охотно приобретались иноземными купцами и обратно не возвращались.

Секунд-майор П.И. Челищев во время своего пребывания в Онеге был гостем самого богатого купца в городе Ивана Дьякова, отправлявшего каждый год по 4-7 больших лодей и кочмаров на Мурманский берег и на Шпицберген для звериного и рыбного промыслов. В это время, кроме купеческого, стало развиваться и крестьянское коммерческое судостроение. В конце 18 века купец Пётр Дьяков устроил корабельное плотбище в Онеге. В Онежском регионе было несколько крестьянских устройств, верфями владели судопромышленники: Михалёв, Дублёный, купец Влас Ермолин, Кулаков Сергей Фёдорович, Комаров Иван и др. Кроме Онеги и Подпорожья, судостроители продолжали строить суда в Кушереке, Малошуйке, Нименьге, Ворзогорах, Лямце, Пурнеме и др. В те времена иностранные купцы ежегодно присылали в Онегу за лесными товарами и свои корабли. Так, с 1762 по 1774 г. Усть-Онегу посетило более 300 иностранных судов. Перегрузка товаров осуществлялась на Кий-острове. Проводка судов в город предполагалась по двум фарватерам, расположенным по обе стороны от Кий-острова. Наносы реки постоянно изменяли фарватеры и подходы к городу были крайне мелководны, поэтому во времена Гома контора лесного торго разместились на острове Кий, на его мысу под названием «Рожок». С 1764 г. там же находилась таможенная застава, а с 1781 г. – таможня. С этого времени лесные товары в грузообороте Онежского порта всё время играют решающую роль. Рост грузооборота стал зависеть от развития лесопильной промышленности.

Особенно резко, почти в 10 раз, возрос грузооборот порта за последние два десятилетия перед первой мировой войной и достиг в 1913 г. свыше 10 миллионов пудов. Почти двести пятьдесят лет на бере и у причалов на Кий-острове грузились зелёным золотом – лесом, сотни и тысячи кораблей. Миллионы рублей наживали на продаже онежского леса англичане, шведы, норвежцы и др. иноземцы. И только десятки тысяч рублей таможенных и портовых сборов получала царская казна, но на строительство порта и благоустройство города денег не отпускалось. Город и порт оставались неблагоустроенными.

Новое значение приобрёл Онежский порт после победы Октября. За годы советской власти большие средства вложены в благоустройство порта. Построены морской подходный канал, причалы, жилые дома, радиостанция, портовые сооружения и др. Суда за лесоматериалами подходят к причалам лесозаводов №32/33. Особенно возросло значение Онежского порта в годы довоенных пятилеток, однако наибольший

расцвет Онежский порт получил в 1980 годы. В этот период в Онегу приходили ежегодно более 300 судов, которые увозили до полумиллиона тонн лесных грузов. Онежские пиломатериалы шли во многие страны мира. В этот период обновлялся флот, появились мощные краны, порт был оснащён новыми погрузочными механизмами, применялась прогрессивная технология переработки грузов пакетами и контейнерами.

Причал Онежского морского порта

А в начале 1990-х годов онежский порт, как и многие предприятия г. Онеги почувствовали ощутимый спад своего производства. Однако в этот период, начальник Онежского морского порта Владимир Андреевич Малыгин сумел перестроить производство в соответствии с требованиями нового времени и найти перспективные решения многих проблем...

Список литературы

- Валенбург Б.Ф., Раша Э.Ф. Немецко-Русский лесоэкспортный словарь. Внешторгиздат. Москва-Ленинград. 1935.
- Калинин Г.Д. Онега. Северо-Западное книжное издательство. Архангельск. 1980.
- Кузнецов Н.Н. Навигация длиною в полвека. Петрозаводск. 1989.
- Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск. Северо-Западное книжное издательство. 1984.
- Трофимов П.М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. Архангельск. 1961.
- Федотова Е.Д. Революционное движение в Архангельской губернии в годы первой русской революции 1905-1907 гг. Архангельск. 1965.
- Харитонов Н.Н. Онежская трилогия. Книга 1. Онежский альбом. Архангельский печатный двор. 2003.
- Ульянов А.И. Зодчество Онеги. Онега, 2004.

По родному краю

Тамара Николаевна КОРОТКИХ
Людмила Николаевна ВЕСНИНА

Не узнаешь мира, не зная края своего

Интересный и захватывающий рассказ о походе выпускников 1959 года, Онежской средней школы №1, через глухую тайгу до Кожеозёрка и обратно в Онегу, заставляет задуматься. Ведь в то время не было в свободном доступе топографических карт, не было спутниковых навигаторов, сублимированных продуктов и много другого, без чего не обходится сегодня ни один сложный туристический поход.

Да, и сегодня не всякий из молодого поколения онежан, рискнёт на такое пешеходное путешествие, видимо действительно те ребята, были какими-то другими, из другого времени, из другого поколения ...

Нашим любимым учителям и одноклассникам – детям Великой Отечественной войны посвящаем эти воспоминания.

Кожеозерский монастырь

ДРУГОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Как легко и просто начинается наш рассказ - воспоминание о труднейшем путешествии 1959 года: «После выпускного вечера группа туристов отправилась в поход». Как хорошо и благополучно завершилось оно: и цель достигнута, и задание Онежского лесничества выполнено.

Походу предшествовала серьёзная подготовка: сбор группы несколько раз, да ещё в присутствии нашего вдохновителя и организатора, завуча Софии Алексеевны Малыгиной, оформление документов (у группы и номер отряда был), закупка продуктов и прочее. Цель - проверить состояние просек, визиры, найти тропу и нанести её на карту. Наш руководитель - «бывалый» турист, выросший в городе, с «дикой» природой знакомый в пределах парков Архангельска и пионерского лагеря на берегах Северной Двины, двадцатитрёхлетняя выпускница АГПИ (физмат), Светлана Онуфриева, преподаватель физики в школе № 1.

Из десяти дней путешествия - ночь в поезде, несколько часов на узкоколейке, один двухдневный привал в Кожпосёлке, где нас принял сторож - рыбак; через Петровское прошли, задержавшись на несколько часов, да ночевали в здании школы в деревне Усть-Кожа.

Остальное время - без палаток, в тайге, среди болот, без дорог и тропинок, исчезающих из-под ног; то среди чудесных озёр и весёлых рожиц, то среди угрюмых ельников.

Но не зря такое внимание и серьёзное отношение к туризму было в те годы. Наш отважный командир по карте в тайге ведёт отряд не менее отважных путешественников, а когда тропа окончательно потеряна, по азимуту. Что это трудно и опасно, никому не приходит в голову: все были уверены в себе и руководителе и спокойны.

Но сколько впечатлений, положительных эмоций! Радости открытий, гордости за одержанные над собой победы... Поход многому нас научил, мы по-другому увидели мир, взаимоотношения людей: оценили по достоинству гостеприимство жителей Кожпосёлка, поделившихся с нами буквально последним куском хлеба; бескорыстие старика, живущего на Половине, отдавшего нам часть своих сухарей. Отряд уже несколько дней вместо каши вынужден был варить жидкий суп из крупы, питаться рыбой и экономить сухари.

И вот, может быть, первый поступок, родившийся самостоятельно: в благодарность жителям Кожпосёлка девочки в Усть-Коже разыскали семью, недавно выехавшую, оттуда, и вместе с ребятами распилили и раскололи им дрова.

Можно по-разному оценивать любое событие, по-разному увидеть очевидное, но, согласитесь, это было другое поколение - дети войны...

Внуки и правнуки, живущие в Онеге и, может быть, тоже учившиеся в нашей школе № 1, могут гордиться своими бабушками и дедушками, в 1959 году которым было всего 15-16 лет...

САМЫЙ ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ

23 июня 1959 года после выпускного вечера мы с рюкзаками вышли из школы. Маршрут: Онега – Нименьга – Акан – Кожпосёлок – Усть-Кожа

– Онега. Путешествие началось весело, но немного смущала неприветливая холодная погода.

Наша группа - 15 человек.

Руководители похода:

Светлана Владимировна Онуфриева

Тамара Николаевна Коротких

Участники похода, учащиеся 8 «А» и 8 «Б» классов школы № 1 города Онеги (1943-1944 годов рождения).

Слава Пономарёв; Эдик Рехов; Миша Канищев; Валя Широколов; Володя Кушников; Женя Ушаков; Лена Хрусталёва; Люся Харина; Люся Козлова; Нэля Румянцева; Женя Замараева; Света Шужмова; Люба Коряпина.

Девочки и мальчики дружные, приветливые, весёлые. В поезде ещё чувствуется некоторая отчуждённость, неловкость, хотя постоянно слышится смех, озабоченные возгласы: взяли ли мяч, не забыли ли веревочку и т.д.

Ночь провели в поезде, что вёз нас до Нименьги. Ненадолго уснули, а потом вышли заспанные, смешные. Чуть остановился поезд – высыпали из вагона – и к стоящей рядом машине.

Солдаты довели нас до места, где начинается узкоколейка. Поблагодарили хором и разбрелись по станции. Было уже утро, 6 часов. Свежее, красивое утро. Ребята сидели-сидели на платформе и решили покататься. А тут как раз рабочие собрались, и вот мы на мотовозе едем вглубь леса. Сидим на открытых платформах и дремлем, страшно хочется спать. За час доехали мы до 25-го км, а потом подвезли ещё восемь километров.

*Рюкзаки за спиной, в путь! Начался поход.
Предстоит нам немало пройти.
А пока мы сидим, мотовоз нас везёт,
Ведь должно всё же нам повезти.*

Солдаты отправились на свои делянки, а мы, подтянув рюкзаки, пошли дальше. Первые пять километров идти было трудно. Поднявшееся уже высоко солнце, стало пригревать нас, рюкзаки упорно тянули назад, ноги в огромных ботинках вязли в песке. Мальчики, Слава и Эдик, к тому же несли по очереди рюкзак Светланы Владимировны (она осталась, чтобы отметить в маршрутке наше прибытие).

*Твёрдой поступью шаг направляющим взят,
Выбран самый правильный путь,
И шаг в шаг, друг за другом ступает отряд,
Лишь вперёд, никуда не свернуть.*

Остановились на чудесной поляне, около небольшого озерка, где раньше жили лесорубы. Домик стоит одиноко около узкоколейки, кругом лес, возле озера место для костра, столы, скамейки. Дежурные начали готовить обед, все остальные легли спать, кто на нарах вверху, кто пристроился внизу. Обедали на воздухе, потом впервые мыли походную посуду, чистили вёдра.

Вечером перед сном играли в мяч. Было уже прохладно, ветер стих, зашло солнце. Кругом лес, тишина, только где-то со счета сбивается кукушка, а тут на песке с азартом играют в волейбол пятнадцать «Мань» и «Афонь», думающих преодолеть немалый путь через болота. Уснули не сразу, сначала девочки пели, а потом мальчиков разобрал смех.

25 ИЮНЯ

Утром долго собирали рюкзаки, а за завтраком ели подгоревшую кашу, которая совсем не была похожа на манную. Дежурили Лена с Валею.

Снова в путь. Дорожка идёт через боры, часто поднимается в гору.

Жарко. Идём раздетые до маек, умываемся в каждом озере, часто делаем привалы, считаем километры. Их всего тринадцать до Пневских озёр. Но где эти озёра? Времени третий час дня, идти всё тяжелее, пот течёт по лицам, режут плечи лямки рюкзака. Конечно, никто об этом не говорит вслух. Места чудесные, идём сосновым бором, хорошо, пахнет сосной, легко дышится.

*Мы шагаем вперёд по тропе боровой,
Пояс Ветренный слева грядой,
Справа сосны медовые звонкой стеной,
Солнце плавится, пахнет смолой.*

Думаешь о чём-то своём, далёком и милом, видишь знакомые лица ребят, их улыбки, слышишь их шутки, весёлый смех, прерванный разговор... Хорошо.

*И опять друг за другом шагает отряд,
Дело к вечеру, шаг уж не скор.
Солнце ниже и ниже, уж скоро закат...
Всё! Ночевка у Пневских озёр.*

Пневские озёра похожи на огромные морские заливы, они очень красивы, тянутся на многие километры. Вокруг зелень, высоченные травы, цветы. Опять изба. Она служит местом отдыха для лесников, рыбаков, охотников и туристов. В ней две комнаты, печь, какая-то пристройка. На стене большой лист бумаги, где записаны благодарности лесничеству от геологов, туристов, что прошли до нас зимой.

После дороги хорошо искупаться в озере! Мы тоже не отказываемся от этого удовольствия. Наши рыбаки – Миша и Валя деловито разматывают удочки. Слава мечется по берегу озера, видя в светлой воде щук, самых настоящих живых щук, которые тихонько шевелят плавниками, стоя у самого берега в траве. Вот мы уже стоим по колени в воде и на мух ловим плотву, но она никак не идёт на крючок, хитрая. Один Вова без дела сидит на камне и смотрит, как мы суетимся, кричим, что-то ищем в воде...

Наконец, сварен долгожданный обед. Уже вечер, а Светлана Владимировна и Слава ушли искать тропу. Мы обедаем или ужинаем. Но вот приходят и они, заботливые дежурные (Валя и Лена) ставят перед ними суп и чай.

А мы в это время на чудной полянке среди весёлых берёзок, притоптав высокие травы, играем в мяч. Шутки и смех, веселит всех Нэля, она у нас «вратарь». Эта картина надолго останется в памяти, жаль, что фотокорреспондент Валя не снял нас.

После небольшого отдыха – полежали в траве – мы пошли копать червей. Найти их не так-то легко, дождя давно не было. Эдик нашел ломик, Миша ломиком отворачивает старые брёвна, мы с Люсей собираем червей в баночку, а Люба бьёт на наших согнутых спинах комаров, которые тучей выются над нами. С добычей бежим к дому, берём удочки и выбираем себе место для ловли рыбы.

Закат. Озеро спокойное, тихое, в нём отражаются прибрежные кусты, деревья, небо...

Клюёт почти сразу. Вытащив первого окуня, я издаю радостный крик, рыболовы косятся на меня. Вытаскиваю окуней одного за другим, радости нет границ. Рыбу с крючка снимает Люба, она же и червяка наживляет. Наживку экономим, делим на части. За час-два мы вместе наловили двести штук (считали каждую рыбку), а Слава поймал настоящую щуку. Свою добычу из карманов вынимают Женя, Эдик, Миша и Валя. Тут же в лодке чистим рыбу, ещё не совсем уверенно и хорошо, ведь это первый улов. Чистим до тех пор, пока не коченеют руки, к ночи становится довольно прохладно.

На смену нам приходят Лена с Люсей. Сидим у костра, греемся, пьём чай с сухарями и едим свежую уху. Спать ложимся поздно, с трудом укладываются спать мальчишки. Почему-то всю ночь балагурит Валя, поддразнивая Вову, они втроём спят на печке, а Женя, Слава и Эдик – в пристройке, где ночью было очень холодно.

*И лесная изба средь не топтанных трав
Нам открыла приветливо дверь,
Тишина и покой, спит озёрная гладь,
И не скрипнет сучком дикий зверь.*

*Словно тёплой рукой обняла тишина,
Уложив на походный ночлег.
Наш покой сторожила седая луна,
Сон цветной, подарив нам на всех.*

26 ИЮНЯ

Встали не слишком рано, завтрак был уже готов. Эдик и Женя разливали уху. Когда собрались, оказалось, что кто-то вчера на привале оставил Любин топорик, немного пожалели, но хорошо, что у нас был ещё один. Путь предстоял трудный: тропы дальше не было, её нужно было найти, идя по просекам. Через полчаса обнаружили просеку. Она заросла

кустами ягод, была местами завалена буреломом, постоянно приходилось перешагивать, перепрыгивать, переползать через поваленные деревья.

Вероятно, сначала мы пошли слишком резво и скоро устали. Медленно перебирались через завалы, нам казалось, что восемь километров скоро должны кончиться, но впереди всё была просека. Тропы нигде не было. Наш отряд разделился на две группы, вторую тянул Володя, замыкающим ставили то Валю, то девочек. Они упорно подталкивали Володю, не оставляли его, и он в конце концов «разошёлся». Ребята оказались очень заботливыми по отношению к нему и друг другу, мы постоянно ждали отстающих, указывали им места для перехода через речку, болота...

Шли по карте, верили ей, и только однажды нас взяло сомнение, когда мы не встретили на пути Луд-озера, откуда течёт река Никодимка, где должна всё-таки проходить тропа. Ну что же, назвали его Плут-озером и пошли дальше.

*Всё же тайну озёр мы постичь не смогли,
Не открылась нам тёмная гладь.
Сколько тайн дорогих у российской земли,
Целой жизни не хватит понять.*

Шли долго по болотам, иногда хляби были метров по сто-двести. Идти по ним, проваливаясь чуть не по колено в прохладную воду, не чувствуя под собой твёрдой почвы, не очень легко и приятно. У всех был утомлённый вид, шуток почти не слышалось. Хотелось пить, а озёр по пути не встречалось, под ногами хлюпает вода, а пить нельзя.

Решили всё-таки сделать привал, прошли всего два километра, причём это было сплошное болото.

*Замыкающий зорек, не даст нам отстать,
Скоро отдых и слышим: «Привал!»
Кто-то ищет местечко минутку поспать,
Кто-то просто на землю упал.*

Сушили у костра брюки, носки, ботинки. Через два часа снова вышли в путь. Прошли по просеке до поворота, повернули – и почти сразу потеряли новую просеку. Искали её час, пытались делать новые зарубки, но безуспешно: просека заросла.

*Средь лесов, буреломов пропала тропа,
Но вперёд, лишь вперёд надо нам.
Запасной вариант применили тогда,
Взяли азимут... прямо по пням.*

Пошли по азимуту прямо к речке Никодимке. Прошли три километра и увидели речку. Был уже десятый час вечера. Мальчики стали разводить костёр, Валя и Миша ушли за рыбой, девочки стирать носки, Слава и Эдик – делать шалаш. Часа через три поужинали. Высушив над костром носки, зашив, порванные днём брюки, мы ложились спать. Шалаш был чудный, на пятнадцать человек. Когда все улеглись, оказалось, что спать можно только на боку, двигаться совершенно нельзя. Уснули моментально, без всякого шума и разговоров, как накануне. Проснувшись ночью, помню, что было очень холодно, на листьях, на траве – роса или туман, но нам было тепло. Спали все спокойно и крепко, а вокруг потухшего костра стояли наши мокрые ботинки, валялись в беспорядке рюкзаки.

Никогда мы не спали так дружно и крепко, как в ту ночь.

Ночь застала в пути, что ж, под ёлкой ночлег.

И костёр затрещал у реки

Быстро сложен шалаш, кто как шёл, так и лёг,

Лишь стряхнувши ботинок с ноги.

27 ИЮНЯ

Слава и Люся дежурили в тот день, Мы встали к готовому завтраку, умылись, натянули мокрые ботинки, собрались. Накрапывал мелкий дождь. Вышли в путь отдохнувшими, бодрыми, рюкзаки казались пустыми, лёгкими, дорога (вернее её не было вовсе) приятной. Всё радовало, всем восхищались, всему удивлялись. Собирали цветы, отдыхали среди трав, папоротника, зарослей кустов, фотографировались. Шли по течению Никодимки к Костиным озёрам.

По карте путь недалёк, а на самом деле речка делает столько поворотов и заворотов и имеет столько рукавов и заливов, что мы устали считать пройденные километры. Видели выводки уток, ребята дружно восхищались прекрасными видами, фотографировали, останавливались, чтобы посмотреть. Речка тоже получила прозвище, несмотря на её красоту и значимость, мы назвали её Негодяйкой.

Никодимка – насмешница, что за река,

То и дело сбивала с пути,

Только раз перешили, а тут снова она

Завляла: «Ещё перейди».

Прошло время обеда, а озёр всё нет. Пошёл сильный дождь, и тут мы вышли на тропу, совсем неожиданно. Пospорив немного, мы двинулись... в противоположную сторону. Шли быстро, наслаждаясь твёрдой почвой под ногами, радуясь тому, что уже приближаемся к Кожпосёлку.

Вдруг Светлана Владимировна говорит, что мы идём обратно к Пневским озёрам. Настроение снова упало, огорчённые, недовольные и усталые, мы двинулись обратно. Лишние десять километров, отняли у нас время и силы.

Голодные и усталые мы снова подошли к речке, где теряется тропа. Поискали переход, но не было кругом даже признаков его. Дежурные сварили суп, а все остальные стали сушиться у костра, Брюки, мокрые выше колен, дымились, вернее «парились», а в ботинках противно чавкала вода. Дождь прошёл, но трава и кусты порядочно вымочили нас. Между прочим, Слава стал рубить высокую березу, стоявшую у самой воды. Пока варился обед, мальчики подрубили её, осталось только свалить. Обедали стоя, потому что всё было сырое, делили последние сухари... Кому-то не хватило чаю...

Береза упала в точно назначенное место, её вершина плотно легла на противоположный берег. Женя и Слава перешли на другую сторону, поднялись на гору – и сразу увидели тропу. Радость прибавила силы, и хотя мы уже устали, блуждая вдоль речки Никодимки, и было уже шесть часов вечера, все решили идти до победы – до Кожпосёлка.

Оставалось восемнадцать километров. Быстро собрали рюкзаки и мальчики стали переносить их на другой берег, Легко и свободно переходили по березе Валя, Эдик, Миша, а Женя лишь перешёл сам, неся свой рюкзак. Слава – наш строитель стоял на середине и помогал переходить девочкам. Вот перенесли вёдра, топор, перешла Светлана Владимировна, осторожно перебрался Володя, за каждым шагом которого следили с напряжением, перебросили мяч.

СНОВА В ПУТЬ

*И опять взяли шаг, за верстою верста,
Лишь тропа убегает назад,
- Подтянуться! – кричат, - что, товарищ, устал?
- К переправе успеть, держись, брат!*

Дорога сначала идёт борами. Вдали виднеются Костины озёра, огромные, красивые. Привал – полюбовались издали озёрами. Идём дальше быстро, считая по-прежнему километры, иногда сверяясь по карте, Привалы делаем через час. Мечтаем о рыбалке, строим планы на завтра, всё время слышится смех, разговоры, шутки. Стали попадаться небольшие болотца, в которых обязательно исчезает тропа. Наученные опытом, посылаем вперёд и в стороны разведку. Ждём на тропе до тех пор, пока не находят её продолжение. По цепочке сообщаем тем, кто идёт сзади. Становится прохладно, наши ноги намokли от травы. Уже перед выходом к озеру снова теряем тропу. Некоторое время идём через болото прямо, найдя место посуше, садимся на рюкзаки, а Светлана Владимировна, Люба

и Валя идут искать тропу. Их голоса едва-едва слышны, Вдруг Слава вспоминает, что на последнем привале у избушки, он оставил нож. Не задумываясь, бросается обратно. И тут же мы слышим, что нас зовут - нашли тропу.

Как-то вышло так, что все мы потянулись в одну сторону, а Эдик, оставшийся с рюкзаком Славы, продолжал сидеть на месте, перекликаясь с ребятами. Часть ребят, сразу нашла тропинку, и сразу устремилась по ней, а девочки – замыкающие продолжали перекликаться с Эдиком, Наконец, и они ушли вперёд. Эта ошибка стоила нам дороговато: идущие впереди звали остальных, а слышали голоса то сбоку, то сзади, не понимая в чём дело. Эдик и Слава, с трудом ориентируясь, так как кричали и мы и девочки-замыкающие, пробирались прямо через болото, боясь окончательно заблудиться. Все замёрзли, а ребят всё не было. Когда все, наконец, собрались, была уже ночь. Оставалось пройти километров восемь. Настоящую выдержку, самообладание проявили наши мальчики, да и все остальные вели себя по-товарищески. Дальше шли гуськом, чтобы никто не отставал, но идти было тяжело.

К одиннадцати часам ночи вышли к Кожозеру. Ночное озеро было спокойно. Дальних его берегов не было видно. Жёлтый песок, рыбацкая лодка на берегу...

Мы вздохнули, радуясь близкому отдыху. Но радость была преждевременной, до Кожпосёлка оставалось четыре километра. Сначала хотели взять лодку, но рассудительный Эдик сказал, что тогда нам никто не даст лодку на рыбалку, ведь мы возьмём её без спроса. Мальчики поставили лодку на место (за что нас потом похвалил старый рыбак), и мы двинулись дальше.

Казалось, мы шагали быстро, но это только казалось. Вышли на пустынный берег против Кожпосёлка, но не подумали, что именно здесь перевозят людей. Карта говорила нам, что вход в посёлок через перешеек. Пошли в обход, думая попасть на этот перешеек. Дорога опять была ужасной – сыро, всё время проваливаешься, цепляешься за корни, ветки. Это было трогательное шествие пятнадцати измученных, голодных, промокших путешественников, причём второй раз в этот день (субботу) бесполезное.

Никакого пути в обход не существует, но мы убедились в этом, пройдя три километра и выйдя к реке Коже, что вытекает из озера. Хотелось спать, хотелось сесть и больше не двигаться, но мы упорно не желали сдаваться.

Снова бредём к берегу, откуда виден Кожпосёлок, шаг в шаг, след в след, впереди Слава и Женя, потом Эдик, девочки, Валя. Чтобы легче идти, Люба поёт одну песню за другой, и в самом деле – так легче. Что-то рассказывают Нэля и Валя, смеются девочки. Шествие замыкает Светлана Владимировна. Идём медленно, даже торжественно, хочется сказать этим милым ребятам что-то хорошее, но мы молчим, без слов понимаем друг

друга. Слава собирает сухие ветки, за ним и другие тянутся. К берегу приходим, пошатываясь от усталости и голода, но Слава и Эдик говорят, что если нас не перевезут, то они, сейчас же, отправятся за той лодкой за четыре километра, пригонят её и перевезут нас. Мы не сомневаемся, что они это сделают. Тёплое чувство благодарности и преклонения перед мальчишеским благородством охватывает и сейчас, спустя так много времени, а тогда я вместо двух сухарей, доставшихся каждому из нас, сунула им в руки по три, больше у нас не было.

Развели костёр, усадились вокруг него на рюкзаки и блаженно вытянули ноги, были готовы просидеть так до утра. А до утра оставалось немного – шёл третий час ночи. Давным-давно рассвело, розовел восток.

На том берегу раздался выстрел – нас заметили. Через полчаса к берегу подошла лодка. Сначала уехали девочки, сильно уставшие, потом остальные девочки и Вова К., последними – мальчики и я.

*Лодки вынесли нас на озёрный простор,
Необъятную светлую ширь,
Где над озером мощь свою гордо простёр
Кожозерский седой монастырь.*

Взошло солнце. Мы бредём по берегу вдоль Кожпосёлка, гостеприимный хозяин ведет нас к себе, доверяет комнату, где разложены сети, их так легко запутать, видно, мы внушаем доверие. У дверей снимаем мокрую обувь, делим остатки сухарей, оказавшихся у Люси, сахар, мальчикам разрешаем открыть банку с мясом. Засыпаем мгновенно, предварительно переодевшись в сухую одежду. Заснули в четыре утра, а проснулись в половине первого днём.

28 ИЮНЯ

Сначала проснулась Светлана Владимировна, потом дежурная Нэля, разбудили Володю К. Пошли колоть дрова, готовить завтрак-обед, но без помощи Славы не обошлись. Слава легко и быстро расколол чурки дров. Мы со Светой стали полоскать чулки, носки, мыть ботинки. Девочки развешивали всё это на изгороди, прополоскали одежду мальчиков. Вова выполоскал даже свой рюкзак.

Светлана Владимировна в это время купила молока, хлеба, досталось всем по кусочку, картошки. Обед был прекрасный, - особенно вкусным казался хлеб. После обеда отправились на экскурсию по Кожпосёлку, нашелся и экскурсовод – Маша Таразанова. Мы походили вокруг оставшихся строений Кожозерского монастыря. Жаль, не могли посмотреть их внутри, некоторые были закрыты, другие заколочены досками, говорят, нельзя туда заходить, они в аварийном состоянии, особенно колокольня. Здания ветшают и разрушаются. Монастырь

находится в полном упадке. Людей в посёлке живёт мало, да и те, того и гляди уедут. Нам, конечно, хотелось узнать больше, но пришлось удовлетвориться и этим.

Вечером ездили на лодке ловить рыбу. Мы с Валею и Мишей поймали не много, зато Женя, Слава и Эдик приехали с хорошим уловом. В дождь клевало отлично.

Уйти из Кожпосёлка нам пришлось быстро, потому, что у нас не было хлеба, да и остальных продуктов оставалось маловато. Ведь мы несли всё на своих плечах по лесным тропам и болотам, и рюкзаки поначалу были довольно увесисты.

29 ИЮНЯ

Собираемся в дальний путь, оставляя гостеприимный Кожпосёлок.

Дежурила Люся К. с Женей. Он проспал, долго не мог развести костёр, а поэтому выход задерживался. Варили уху, рыбы было полное ведро. Фотографировали старушек, вышедших к нашему костру, играли в мяч, пока дежурные подметали комнаты.

День солнечный. Дорога хорошая, поросшая травой по обочинам, шагаем вдоль неглубокой колеи, прошёл трактор, но в основном здесь ездят на лошадях, и поэтому дорога находится в довольно хорошем состоянии. Идём босиком.

*Как приятно шагать по дороге лесной,
По заросшей, немятой травой.
Видно, Никон-монах пробивал по прямой
Этот путь через толщу веков нам с тобой.*

По такой дорожке идти одно удовольствие. Где-то рядом временами слышно, как бушует на перекатах река Кожа. Вот и Половина. Весь путь от Кожпосёлка до Усть-Кожы семьдесят километров, значит пройдено полпути. Кто-то отправляется к реке, кто-то располагается поближе к костру. Наступило какое-то умиротворение. Дежурные готовят ужин.

*А вокруг такая благодать, вечер тихий, спокойный.
Не спеши, оглядись, полюбуйся красой,
Зачерпни воды в Коже-реке,
И умойся живою водою речной,
Чтобы помнить о том вдалеке.*

30 ИЮНЯ

Утром без суеты все собрались, позавтракали снова без хлеба, зато была каша гречневая – очень вкусная каша, такой я больше никогда нигде не ела. И в путь – до деревни Петровское, а от Петровского до Усть-Кожы, рукой подать.

Дорожка стелется скатертью, погода хорошая. Всем надоели тяжёлые ботинки, да и у многих они уже и разбиты порядком, кое-кто по мягкой дорожке идёт босиком. Без всяких приключений к вечеру мы уже в Петровском. А в Петровском, есть магазин, и там можно купить хлеб.

Ужинаем мы с прекрасным деревенским белым хлебом. Трогаем пышные буханки, нюхаем хлеб, бережно берём в руки мягкие ломти – это вам не солдатские сухари.

Но что-то с нами происходит. Всё чаще мы замолкаем, и каждый думает, наверное, ещё день-два и мы будем дома, там нас ждут родные, но мы-то ведь расстаёмся. За эти дни мы тоже как бы сроднились, лучше поняли друг друга и знаем, что рядом рука, которая всегда поможет, поддержит, спасёт.

*Снова люди кругом, снова хлеб на столе –
Наш последний походный обед.
Будем мы вспоминать, разбредясь по земле
Руку помощи, дружеский след.*

1 ИЮЛЯ

Днёвка в Петровском.

День проходит в таком же настроении, как вчера вечером, играли с мячом, разговаривали, шутили, смеялись, вспоминали забавные походные происшествия: как подгоняли Володю, как переходили по берёзе через речку Никодимку, как бодро бежали по тропе в обратную сторону. Люся вспомнила, как Миша протянул укушенную осой руку за сухарём, а она

подумала, - большая рука, как много надо положить сухарей в эту руку. Но в этом веселье всё равно проскальзывала лёгкая грустинка.

2 ИЮЛЯ

Ждём на причале в Усть-Коже теплоход. Сейчас сядем по разным местам, а потом выйдем в Пороге, пересядем опять по разным местам в автобусе, в Онеге будем выходить на разных остановках и разойдёмся, каждый в свой дом. Но будем мы вспоминать... Руку помощи, дружеский след.

Валерий ПОНОМАРЁВ

Любимый маршрут
речка Никодимка – Кожозеро – речка Кожа

Год 2016, запомнится он нам очередным походом. А точнее, у меня очередной, уже сбился со счёту, в который раз иду этим маршрутом. Для двоих моих спутников, этот водный сплав был первым. Но что говорить, каждый поход уникален по своему, всегда смотришь на речки, на скалы, на всё, с новым интересом. Потому что не может быть одинаковых путешествий. Вода в речках всегда разного уровня, погоды никогда не бывает одинаковой и даже птицы нам поют всё новые и новые песни, особенно по утрам, когда так сладко спится и не хочется вылезать из тёплого спальника и уютного лесного домика – родной палатки. Встречи, знакомства с новыми, интересными людьми, тоже сами по себе уникальны. Любая встреча в лесу это тоже радостное событие, длинные беседы, рассказы, новости, всё это в походах гораздо интересней, чем в обычные, рабочие дни.

Как и обычно поход планировался заранее. Но дело в том, что по другому маршруту. Хотелось сходить на речку Нюхча, узнать, так сказать, новые водные дороги. В планах было дойти до моря, установить парус и помчаться по морским волнам, до поморского села Ворзогоры, а может даже и до Онеги. Ни разу мы не ходили на катамаране по морю, ещё и под парусом. Хотелось новых впечатлений, новых ощущений, насладиться солёным, морским воздухом.

К сожалению, ребята, которые собирались в этот поход, по разным обстоятельствам, не смогли приехать, и мне пришлось быстро искать попутчиков и желающих отправится в, авантурное и сложное путешествие, старым, можно сказать проверенным маршрутом, а именно Никодимка–Кожа. Почему авантурным? – да потому, что времени у нас осталось всего десять дней, вместо запланированных четырнадцати. К тому же речка Никодимка всегда преподносит нам сюрпризы. Либо

погодой радуется (а чего мы хотим, всё-таки Ветреный Пояс), и грозы там частый спутник, как и в этот раз. А может и мороз в июне-августе ударить, хоть и небольшой, ведь лето же, а одежды зимней летом, никто не берёт. Да и завалы там, ну никак не убавляются и отнимают много сил.

Со мной согласились пойти, мой коллега по работе – Свалов Стас и друг моей дочки – Денис Фесенко. До посёлка Шаста ехали поездом, местного значения. Груз, а его у нас всегда, ну очень много, уложили в товарный вагон. Встретили нас на вокзале мои хорошие знакомые, всё как обычно. До Большого Лудозера добрались в этот раз без приключений, все приключения ожидали нас впереди. Уже в сумерках установили палатки, причём, каждый свою. Три человека и три палатки, такого у нас ещё не было. В этот же вечер, заготовили жерди для катамарана, так как рамы алюминиевой, до сих пор не приобрели. Думаем, в ближайшие года этот наш недочёт исправим. Накачали мою старенькую двухместную резиновую лодочку Уфимка-22, лучше с вечера сделать основное, чтоб крепче спалось и мысли были только о сплаве. Но почему то, всегда нахлынут воспоминания, о былых походах, кто из друзей, родных был здесь, принимал участие в путешествиях прошлых лет.

Год 2007 – интересный был поход. Со мной вся семья, две дочки Настя и Тома, будущий зять Саша, жена Ирина, друг Иван Быков и друг Дима Герасимов с Москвы. Эх, как же интересно тогда было, погода всё путешествие радовала, очень тепло, хотя и август месяц, шли никуда не торопились, времени хоть отбавляй. День рождения моё на Никодимке отметили, такое впервые за все времена, да и не было больше. Природа, любимые родные рядом и друзья, что ещё для радости надо.

Запомнился год 2010, когда тоже шли втроем - Дима Герасимов и мой сват Сергей Шапкин, только тогда сплав начался с Малого Лудозера, на котором мы два дня пережидали грозу. В тот раз нам пришлось делать волок, дошли с Малого Лудозера до места где дорога на Большое Лудозеро пересекается с речкой Никодимкой. Дальше были большие завалы, и вот мы 3,5-4 км перетаскиваем сначала необходимые вещи, потом Димину байдарку «Егерь», затем наш катамаран и в последнюю очередь уже остальные пожитки. Но, не было, ни какого разочарования, ещё одно испытание преодолели и поняли, какого труда стоит, делать в походах волок.

Понравился поход, от начала и до конца в 2014 году. Константин Божко нас радовал каждый день жареной щукой. Пожалели, что не взяли тогда гитару, народу шесть человек и путешествие повеселее. Но вот с морозом в один вечер нам повезло. Обмерзали ноги, суда (две лодки и катамаран) покрылись ледяной коркой. Сил уже не было идти, пришлось лагерь разбивать на первом подходящем берегу, где всё-таки было сыро и

трава высокая. Утром мошка дала о себе знать. В этом году была самая большая вода, какую я только видел на Никодимке и Коже.

Воспоминания из похода 2014 года.

Чем же привлекает Никодимка? Сколько ходил по ней, каждый раз она разная. Бывало, совсем нет воды, идёшь по речке пешком, суда тянешь за собой, как бурлак. Всегда отличная рыбалка, из трудностей только завалы, которых на речке, то больше, то меньше. В этот раз на Никодимке было очень много воды, столько мне ещё не доводилось видеть. Сразу подумал: завалов меньше будет. Но где там, их оказалось гораздо больше, чем я предполагал. Щука и «полосатики» ловились отлично. Оставляли из щук всего две-три, остальных отпускали, больше за день не съесть...

Пройдя озеро, заходим в речку. Начинаются первые порожки. В первый день прошли всего пять километров, навигатор в работе - периодически просматриваем расстояние пройденного и дальнейшего пути. Сразу за первым «вековым завалом» стоянка. Делаем обнос, проваливаясь по колено в глину. Устраиваем ночлег. Палатки наши - уютные домики, как грибки, выстроились на берегу речки. Стало прохладно, пасмурно, иногда моросил дождь, да и температура совсем упала. Костя нас порадовал своими кулинарными способностями: две сковороды жареной щуки! За какое-то мгновение всё было уничтожено...

Долго нет стоянки, речка сильно петляет, идём часа четыре уже после поисков, а навигатор всё показывает 4,5 километра до притока Никодимки - Большой Шуйки. Думали там сделать ночлег. К вечеру брызги воды на катамаране и лодках стали замерзать. Дошли до Большой Шуйки, берег сильно подмыт, образовался обрыв, не забраться на него, чтобы оборудовать стоянку. Идём дальше. Мороз своё берёт, все мокрые и обледеневшие, решаем делать ночлег на сыром берегу с высокой травой. Но сначала костёр. Никого не оторвать от тёплых языков пламени. Греемся, а потом уже делаем временный лагерь и готовим ужин.

Но продолжу о походе 2016 года. Утро встретило нас мелким дождём, лучше бы уж дождь прошёл хороший и прекратился. Погода погодой, всё равно выходим с хорошим настроением, оптимизма у нас не отнять. Ребята на катамаране, а я на лодочке, по волнам к устью Никодимки.

Вот и первые наши камешки – валуны. Приходится по пояс в воде, как и в старые походы, протаскивать катамаран и лодку, лавируя между камнями. Денис пересаживается на лодку и уходит от нас в отрыв, чтоб к вечеру у нас была уха. А куда без этого, не хотелось менять традиции.

Дождь не перестаёт, так и идём сырые. Обносим первый завал, а помнится, было, и пропиливали его, но не в этот раз. Во первых прохладно, и не хотелось терять время на пропилку, проще просто обнести завал. В первый день прошли большое расстояние, воды достаточно и течение хорошее, это нам в помощь. Тем более по плану на четвёртый день мы должны быть уже на Кожозере. Это возможно, потому что был уже опыт, году в 2003 на тримаране, втроём проходили за такое же время Никодимку. Отдыхаем на Муравьиной стоянке, уже давно, так мы назвали это место, очень красивое, после большой и длинной шиверы. На стоянке большой муравейник и очень много муравьёв, остановился, и на ногах их уже несметное полчище, в палатке, они просто везде, куда не помотришь.

На следующий день с обеда выходим, места пойдут очень красивые, скалы отвесные - карельский камень, речка намного уже, и всё перекааты, перекааты..., после которых пойдут опять завалы, а куда без них, с ними веселее. Долго не могли найти место для следующего лагеря, уже впотымах находим хороший мысок, утром подумалось, почему туристы здесь не делают стоянку? Уж очень замечательное место. Забил координаты в навигатор. Совсем забыл рассказать, что же за аппаратура у нас с собой. В этот раз, два мощных фотоаппарата. Я взял свой «Nicon», Стас своего друга – «Canon». Ещё у него экшен-камера, делаем первое испытание её, порадовала своим качеством. Два навигатора и солнечная батарея, которая, виду отсутствия солнца, нам помощи не дала, да и хватает пока заряда в аккумуляторах. Хорошо выспались, потому что прошедший день был не из лёгких. Дождь так и не проходит и к тому же гроза вокруг стала греметь, как бы предупреждая, скоро и до вас доберусь. Хорошо позавтракав,

продолжаем свой путь, Денис ушёл на промысел, раньше нас, чтоб к вечеру опять была у нас рыба. Мы же, пока всё соберем, загрузим наш катамаран, уходит часа два. Пробуем рации, через час общения, сели аккумуляторы на них, да уж, что-то я плохо их зарядил. В этот день два больших завала у нас, тяжеловато конечно уже, но что поделаешь, нам сегодня надо дойти до развалин избы Никодима, где в 2014 году мы установили поклонный крест. Дождь наш извечный спутник, прекращается ненадолго и опять нас поливает. Всё время идём сырые. Сегодня пришли на стоянку чуть раньше, чем в прошедший вечер. У Стаса день рождения - к тому же юбилей. Именинник, оказывается, припрятал у себя в рюкзаке, бутылочку хорошего коньяка. Поздравили юбиляра с тридцатипятилетием, вспомнили походные рассказы и довольные разошлись по палаткам. Ночью проснулся от сильного шума, это дождь, а точнее ливень, поливал как из ведра. Навес из пленки над столом весь провис, пришлось стряхивать воду. Палатки у нас прятались, под кронами двух огромных елей и нам дождь был не особо страшен. Утром стало посветлее, иногда солнышко улыбалось нам – не робей ребята. А вот одежда за ночь так и не высохла, развешиваем уже не под навесом, а на солнышке, хоть что-то подсушить. Стоянка отличная, всегда нравилась, места много. Были какие-то строения, полуземлянки, насчитал три, или точнее, то, что от них осталось. Из них уже растут вековые деревья. Ещё, какие то, большего размера были строения, но уже не землянки, разных размеров – есть поменьше, есть и гораздо приличного размера, уже на дом похоже.

Воспоминания из похода 2014 года.

С утра знакомимся с местностью. Вдоль берега, где организовали стоянку, находятся три больших ямы, в них отрываем кирпичи. Видно, это были землянки или полуземлянки с печками. Причём сделанные очень давно, потому что, по краям ям и далее, из них растут вековые деревья. Находим ещё три остова старых строений, разных по величине, и тоже кирпичи в них. Строения более раннего возраста, чем землянки. Самой молодой являются руины избы с табличкой. Всё сфотографировали.

Сегодня не торопимся, погода пока радует, солнышко к обеду сияло нам своей улыбкой. А вместе с ним, сияли и мы, тепло, хорошо. Сегодня хотим быть на Кожозере, но, не загадываем заранее, всякое бывает. Закончились последние перекаты, порадовавшие нас хорошим течением, и начались широкие плёсы. Опять гроза. Греметь стало со всех сторон, тучи тёмные проносятся, но, нас пока не задевают. Успеваем дойти до Поклонного креста, который установили в 2009 году 9 монахов (со слов отца Михея), на слиянии рек Никодимка и Подломка. Есть столик со скамейками, решили попить чаю. Судя по тому, что вокруг много луж, дождик тут был не слабый. Место для стоянки не плохое, но уж слишком

открытое, в дождь тут не комфортно конечно, а вот в жаркие солнечные дни – отлично, комаров лишних ветром отгонит. Долго думаем выходить на воду или переждать грозу. После получаса раздумья, решаем, что надо выходить. И как, назло, пошёл дождь, сначала мелкий, а затем хороший ливень. К тому же гром гремит, идём под берегом, на середину реки не выходим, промокли насквозь. Решаем дойти до рыбацкой избушки, что в устье.

Все сырые, хлюпая водой в кроссовках, выходим на берег. А что делать, надо сушиться. Хорошо в домике, есть дрова. Ещё и чаю согрели, на скорую руку макаронек сделали, да с салом-то... Хорошо, когда хорошо. В озеро всё равно не выйти, надо 9 километров идти по нему, если ветер, то бесполезно, только вымотаемся. А пока сушим одежду, наслаждаемся природой. Вечер – красота, солнце красное вышло из-за туч. Мы со Стасом давай снимать такое зрелище, экспериментируя выдержкой и диафрагмой.

Дождались полного заката, ветер совсем стих и мы, потихоньку выходим к озеру. Без приключений добрались до противоположного берега, до мыса. Дальше нам надо на остров Чаячий. И тут сначала чуть-чуть, а затем с полной силой подул ветер. Мы делаем два гребка, он нас относит на четыре назад. Волна поднялась хорошая, пугая нас пеной. Ничего не остаётся, как причалить к берегу и делать стоянку. К тому же она тут есть. Да и мы тут отдохали в 2011 году, с группой ребят из Москвы. Комары тут дикие, всегда были, на лету успевают сеть на кожу, и

сразу впиться жалом. Комары комарами, а надо спать. Утро вечера мудренее.

Хорошо-то как, открываю палатку, и меня встречает солнышко. Быть значит хорошему дню. Сделали к обеду шикарный борщ, решили ограничиться им, слишком питательный получился. Стас решил обследовать местные достопримечательности, а точнее прибрежные скалы, на которых, к слову сказать, не плохая стоянка тоже есть. Живописное место, можно шикарные картины здесь писать. Это всё, надо видеть всё-таки своими глазами.

Денис уходит на два часа раньше нас, ему на лодочке грести, а нам всё-таки на большом «пароходе». Дальше по плану – посещение Кожеозерского монастыря. Сколько был в этих краях, никогда не проходил мимо монастыря, это стало уже традицией. Всегда продукты оставляли, знаем, как тяжело их сюда доставлять пешком по болотам. А мы, всё же, на водном транспорте. Опять наши долгие сборы, а вот до монастыря дошли очень быстро, дружно работая веслами.

Воспоминания из похода 2014 года.

Кожозеро встретило нас приветливо, лёгкий попутный ветерок нёс нас туда, куда нам надо, то есть на север. Само озеро, сколько бывал, поражает своими размерами, еле виднеется противоположный берег, где собираемся сделать стоянку. На полуострове встретились с отцом Михеем, спросили разрешения осмотреть территорию монастыря и строения, сделать фотографии. После разрешения, отправились на экскурсию, вскоре пришёл и сам отец Михей. Рассказал об истории монастыря. После экскурсии были приглашены на чай в Келейный корпус. До чего же вкусный хлеб в монастыре, более белый, чем в городе, и воздушный. Разговор получился душевный, даже не было желания уходить, мы долго пили чай и задавали много вопросов отцу Михею.

Время близилось к вечеру. На прощанье отец Михей дал нам две большие иконы преподобного Никодима, а также каждому по журналу, где рассказывается о монастыре. И распечатал для нас всех молитвы о России. Перед тем, как уйти на катамаране с полуострова, помогли посадить ему мешок картошки.

В этот раз тоже попросили разрешения просмотра монастыря. Немного, побеседовали с отцом Михеем. На Надвратной церкви, работали двое ребят, меняли кровлю, делая её из металлочерепицы. Оказалось, ребята из Калининграда и из Риги. Отец Михей всегда рад помощникам и приглашает всех, кто может помочь в любой работе и на любое время, день, два, неделя...

С 2013 года монастырь считается женским. К большому моему удивлению было увидеть столько монашек, жизнь так и кипела, на небольшом участке монастыря. Женщины занимались каждый своим делом, кто собирал ягоды, кто грибы, кто стирал. Спросил у женщины, что делают с малиной? Оказывается, они её сушат. Была у нас баночка с малиновым вареньем, решили оставить им к чаю. Отец Михей дал нам две книжки, про историю монастыря, подробное описание, красочное, с иллюстрациями. И два диска, так же с историей монастыря и как теперь живёт монастырь.

Пока у нас была экскурсия по монастырю, в него пожаловали гости. Отец Михей на лодке привез их с противоположного берега, куда по монастырке (дороге) приходят паломники. Это оказались две женщины, которые пешком с села Янгоры, 56 километров, пришли в монастырь. Сами, живут в Санкт-Петербурге, а родом из Ковкулы. Стас тоже из Ковкулы родом, оказывается, они раньше даже жили по соседству. Я знаю хорошо и Стаса и его родителей. Вот такие встречи ещё бывают у нас. Долго стояли, беседовали на берегу, сделали фотографии на память. Они пошли в монастырь, а нам дальше, в путь.

Здравствуй речка Кожа. Все спортсмены по водному сплаву, стремятся именно на Кожу речку. С её скалистыми берегами, красивейшими водопадами, порогами. До Падуна, остановились у стоянки, что после порога Кривой. Плачевный вид, видать молния ударила в одну из сухар, и повалила вокруг не одну. Одна из деревьев упала на костровище. Представляю, если бы стоял тут лагерь, передавило бы все палатки. А помнится, мы тут останавливались и не раз. Бывало,

поднимались на гору в этом месте, и искали рога оленей, у которых весь мох истоптан. Эх, жаль времени мало, а так бы и стоянку восстановили и рога поискали. Время не наш союзник. В этот день однозначно делаем стоянку на водопаде Падун. Хотя, мы ни разу не делали здесь остановки с ночлегом. Но хотелось не на скорую руку как обычно, а более подробно сфотографировать сам водопад, сделать видео. Половину следующего дня, чем мы и занимались.

Суда перенесли ещё с вечера, и теперь полностью любовались величиим водопада, скалами, в лесу смотрели огромные валуны, что-то в них есть таинственное. На берегу, перед водопадом, кто-то смастерил походную баньку. А вот спалось нам всем, почему-то плохо, рёв воды и стук камней, никак не давали уснуть. Утром выяснилось, что все заснули только примерно в 4 утра. Пока мы заряжали наши аккумуляторы для фото и видео аппаратуры, а солнышко нам в этом помогало, Денис сходил и поймал две отличных щуки. Значит, туристы не всех ещё у водопада выловили, и нам оставили.

После обеда, небольшой отдых. Сборы были очень долгими, никак не хотелось уходить. Но время не наш союзник, надо идти дальше. После Падуна, километров пятнадцать много отличных перекаатов, шивер, и даже с бочками. Так что мы шли на хорошей скорости. Дениса догнали только у строителей моста, через р. Кожа. Лесозаготовители работали быстро, как мы узнали у них, мост надо сдать к 1 сентября. Немного, побеседовали с ними, так же как и они, сделали видео строительства и дальше. И опять нас догнала гроза. Пришлось опять идти под берегом. Главное, к вечеру дойти

до забора, где отлавливают семгу. Там запланированных два дня отдыха, а главное баня.

Гроза ушла от нас, и мы налегли на весла. Уже в сумерках подошли к грандиозному строению-забору. Строят его так же, как строили и наши предки, ни какой современной техники, разве что пилы бензиновые. Вот и весь прогресс при строительстве забора.

Встретили нас радушно, Сергей и Людмила Киприяновы, а так же Андрей Адамец. У них была как раз двухнедельная смена. Варили уху, делали картошку с грибами. После всех дней, два дня отдыха, нам не помешали. А сколько рассказов-то было, надо было всё записывать. Денис решил остаться на заборе и выходить уже на вездеходе со сменой Сергея. А мы со Стасом все-таки упёртые и пойдём до конца, тем более все красоты впереди. Порог Шурус встретил нас своим величием, сделали много фотографий, но пройти его не решились. Все-таки обнесли его.

Воспоминания из похода 2014 года.

Доводилось мне его два раза проходить, впечатляющий водопад и не менее красивый, чем Падун. Следующий порог - Железные ворота. После Шуруса, в букле крутит брёвна. Не обращая внимания, пытаемся войти в струю, все попытки тщетны. Нас обратно закидывает в буклю. Решаем вдоль скалы по верёвкам протянуть катамаран, ребята лодки перетащили за Железные ворота. Как только подтащили к струе катамаран, его сразу с силой ударило об скалу, он накренился, держим его

верёвками, как на растяжках. На одном баллоне, со звоном одна за другой, лопаются подвязки. Думал, уже всё, вырвет баллон, и груз весь за борт. Но справились, потихоньку протащили. А впереди ещё порог Сиваньга.

А в этот раз мы спокойно вошли в струю и с огромными впечатлениями прошли выходную шиверу Щуруса и порог Железные ворота. На подходе порог третьей категории сложности – Сиваньга. Решил пройти его без просмотра, понадеялся на свой опыт и силы. Думал Стас всё-таки, хоть и первый раз, но справится. Шиверу проходим хорошо. Первый слив нас затаскивает на камень, разворачивает, и мы входим в бочку лагом. Стаса смывает, катамаран крутит на одном месте. Пытаюсь затащить Стаса, порвал футболку. Его на сливе затягивает под судно, но всё же, он сумел вскарабкаться на катамаран. У меня при одном из поворотов вырвало весло, пришлось взять запасное. Когда Стас пытался заползти на катамаран, вырвал лямки, которые держали его гермомешок с одеждой и фотоаппаратом конечно, ещё и мобильный телефон. Пытаюсь через шум воды, пояснить напарнику, что надо весло опускать, как можно ниже и поймать струю, чтоб нас выкинуло с бочки. Он этого понять не может, пришлось самому, как-то принимать решение и выходить из ситуации. На одном из поворотов, удалось почти повиснуть на весле и нас вытолкнуло. Догнали гермомешок и весло.

Воспоминания из похода 2014 года.

На середине реки сильный поток подхватил лодку и понёс к порогу, на одном из гребней её сильно кренит на бок, Артём выпадает. Кричу Артёму: «Греби сильнее», хотя понимаю: он меня не слышит. Мы вчетвером стоим на правом берегу и знаем, что помочь ничем не можем. Надежда на Костю, его лодка уже за порогом. Какие-то секунды, а время будто растянулось на часы. Артёма несёт течение, впереди первый спад воды и большой второй. Причём струя после первого спада идёт к середине порога, где большой камень, которого в такую воду не видно. После первой ступени Артём пропал из виду.

Долго обсуждали, хотелось посмотреть видео, у Стаса была включена экшен-камера на голове. Но это всё потом. Впереди, ещё порог-водопад Кямус, четвёртой категории сложности, и напоследок пороги Юг и Котел.

Кямус по-разному проходили, и я знал место, где можно спокойно его пройти. Бывало, что мы и переворачивались, но нашли правильное прохождение порога. Стас сомневался, стоит ли идти, а ведь это его первый поход, и столько сразу впечатлений. Даже немного позавидовал ему. Приняли решение его обнести. Но, до чего же прекрасный порог, и природа вокруг. Всегда нравился этот водопад, можно долго смотреть и

любоваться им. У каких-то, туристов сделана ещё одна походная банька. После порога, возвышается над речкой большой камень, похожий на голову дракона или динозавра. Впереди у нас длинные плёсы, большое количество бобров. Одни спокойно удаляются от нас, другие же хлопая хвостами по воде, показывали, кто же здесь хозяин. А мы, как следопыты, подкрадывались к ним, чтобы сделать красивое видео. Фотографироваться с нами они отказывались. Долго ждал шума порога Юг. При подходе к порогу, на перекатах, увидел много топляков и поваленных деревьев на берегу.

В этот раз решил сделать просмотр порога, прежде чем пойти в него. Причалили к берегу и обследовали место. Стоянка совсем заброшена, а когда-то делал в этом место столик. Сохранился, но в плачевном виде стал. Порог оказался чистым, не было никаких помех, в виде деревьев. Никаких сомнений, мы его проходим. Стас тоже засомневался, как и на Кямусе, я его понимал, но уже принял решение, что мы его пройдем, и к тому же, хорошо. Что и сделали. Станислав после порога сказал мне:- «вот это адреналин!» Ну, а дальше у нас деревня Петровская. Сделали стоянку за деревней. Нам пришлось ночевать там две ночи. Потом пришёл катер с рыбзавода, на котором мы спокойно добрались со сменой до Порога.

Всегда думаю, что в последний раз иду этим маршрутом. Но нет, всё же не раз ещё оказываюсь на Никодимке, на Кожозере, на Коже речке и всегда новые впечатления. Что-то невообразимое тянет и зовёт туда, обратно, в эту глушь, к комарам, к новым не забываемым приключениям, чтобы ещё раз насладиться красотой нашего края – Кожозерьем.

Поиски и находки

Василий ЕЛФИМОВ

Исчезнувшая деревня

Время течёт как река. Однако река неизменно течёт в своих берегах, а время меняется. С берегов реки Онеги, с течением времени, исчезли многие населённые пункты, оставив кое-где на топографических картах только названия в виде урочища ...

Фрагмент топографической карты масштаба 1:100000, изд. 1984 г.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ДЕРЕВНИ

На правом берегу реки Онеги, между с. Клещёво и д. Чешьюга, в XVII-XX веках находилась деревня ПЕШЕЛЬМА (ПЕШАЛЬМА). Расстояние до ближайших сёл, было примерно следующее: с. Клещеве – 6,7 км.; д. Чешьюга – 5,1 км.; д. Кялованга (Кяловангская) – 3,7 км.; д. Кернежка – 7,1 км. Географические координаты: 63°18'20.6''; 39°08'48.5''

Фрагмент карты 1937 г.²

² Карта Онежского района Северной области / изд. ГУГСиК НКВД СССР. 1937.

Каким же было первоначальное название деревни? По самым ранним найденным материалам (1648 г.), называлась она ПЕШАЛИМА. Когда и как образовалось это название, неизвестно. Если рассматривать его с точки зрения топонимики, то для дешифрирования его можно разбить на две части: пеша+лима. Этимология основы *пеш* может восходить, как к прасаамскому *пиеесь* – «берёза», так и прибалтийско-финскому *petaja* – «сосна». Есть ещё более древнее, финно-угорское *pets* в том же значении – «сосна». Формант *лима* от финского «водянистое болото, сырой луг».

Таким образом, вариант перевода названия Пешалима, можно представить как: «берёзовый сырой луг» или «берёзовое водянистое болото», а так же: «сосновый сырой луг» или «сосновое водянистое болото». И тот и другой перевод подходит. Местность, где находилась деревня, представляет собой низменный луг, затапливаемый в половодье, с мелкорослыми соснами и берёзами, а так же, неподалёку, примерно в 350-400 метрах, находится водянистое болото.

На географических картах, она впервые появилась в 1730 году под названием Пешелма. Вполне вероятно, что составитель карты дал здесь усечённое название, в виду экономии места на карте, или же это просто ошибка (описка) чертежника.

Фрагмент карты Каргопольского уезда, 1730 г.³

В дальнейшем изображение деревни можно было встретить на картах различных годов издания, на них название указывалось так же по-разному.

С течением времени название претерпело изменения, деревня стала называться Пешалимская (1744 г.). В других документальных и картографических источниках, так же имеются варианты названий: Пешалинская, Петалинская, но это связано, скорее всего, с распознаванием текста древних рукописей различными исследователями.

К концу XIX века, название снова трансформировалось почти к первоначальному варианту, только вместо буквы «и», появился мягкий знак. ПЕШАЛИМА-ПЕШАЛЬМА. Ну, а в XX веке, вероятнее всего,

³ Атлас Всероссийской империи. Собрание карт И.К. Кирилова. СПб. 1722-1737.

составители списков населённых мест, заменили букву «а» на букву «е», и во все официальные справочники и картографические материалы, она вошла под названием ПЕШЕЛЬМА. Исключение составляет разве что «Список населённых мест Архангельской губернии, 1918 г.», где деревня написана под названием Пещолиска, но почему здесь указано такое название, установить не удалось.

ВОТЧИНА КОЖЕОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

История возникновения деревни, уходит в далёкое прошлое. Когда точно появился в этой деревне первый житель, неизвестно, но по всей вероятности это произошло на рубеже XVI и XVII веков.

В середине XVI века, на глухом таёжном озере Коже, что находится примерно в 55 км к западу от реки Онеги, возникла монашеская обитель, которая стала постепенно обустраиваться, впоследствии превратившись в Кожеозерский Богоявленский монастырь. Грамотой Царя Фёдора Иоанновича от 30 сентября 7093(1585) г. под строительство монастыря была отведена земля – остров Лопский, и кругом озера Кожи, имеющего в длину 25, в ширину 4 версты, матёрой земли по четыре версты во все стороны.⁴ Ещё до начала строительства монастыря, вместе с увеличением числа монахов, увеличивались и расходы на его содержание. Большинство средств содержания заключалось в добровольных пожертвованиях почитателей подвижников, а так же вследствие покупки земли и других угодий в деревнях на реке Онеге.

В рукописном сборнике копий⁵ с древних документов Кожеозерского монастыря (возможно купчих), упоминается д. Пешалимская (№63 от 7123 (1615) г. и №64 от 7127 (1619) г. Вероятно сведения из этих же источников приводятся покойным преподавателем Архангельской духовной семинарии Феофилактом Гавриловичем Громовым:⁶ *«Дела монастырского архива начинаются с 1585 г. и оканчиваются 1779 г. и заключаются в семи связках по неравному числу номеров, которых всех 544. Из числа сих дел некоторые заключают в себе жалованные грамоты (почти все в копиях) разных государей, касающиеся или земель и угодий или торговли солью по разным городам беспошлинно, - каковых грамот по ведомости 1739 г. значится 15; некоторые заключают крепости, которых по той же ведомости в казенном амбаре значится 97, а именно... 4 крепости⁷ таковых же на Пешалинскую деревню разных*

⁴ К. Докучаев-Басков. Подвижники и монастыри крайнего севера. Кожеозерский монастырь. Христианское чтение. №1-2. 1886. С.266-267.

⁵ Краткое историческое описание монастырей Архангельской Епархии. Архангельск, 1902. С.475.

⁶ Архангельские Епархиальные ведомости. №11. 1895. С.261.

⁷ КРЕПОСТЬ – в России акт, документ, подтверждающий право на владение какой-либо собственностью; то же, что купчая. / Большой энциклопедический словарь. Москва. 1993. С.651.

годов...». Таким образом, уже в начале XVII века, деревня была вотчиной Кожезерского монастыря, своеобразным подсобным хозяйством.

ГИПОТЕЗА О ВОЗНИКНОВЕНИИ ДЕРЕВНИ

На пустом ли месте возникла деревня Пешалимская, или же рядом с другой, можно только предположить. Деревни середины XVI века были небольшими, некоторые из них состояли из одного-двух дворов. Самыми ранними известными источниками, дающим представление о деревнях на реке Онеге, является «Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда, 1556 г.» и «Сотные на волости Каргопольского уезда с книг письма Никиты Григорьевича Яхонтова 1561-1562 года». Место, где находилась деревня, находится практически на границе между двумя волостками: Пияла и Клещево Поле, в сотных ни в одной из этих волостей д. Пешалимская не упоминается. Если взглянуть на топографическую карту, то мы увидим, что неподалёку от деревни Пешельма, находится оз. Пешельмское.

Фрагмент топографической карты масштаба 1:100000, изд. 1939 г.

Вполне возможно, что своё название деревня получила по имени озера, однако есть предположение, что озеро раньше называлось иначе. В книге «Архангельский сборник»⁸, в главе описывающей основные озёра Онежского уезда, в юго-восточной его части имеется озеро Пустосмехово. В этом списке рядом находятся озёра Пияльское и Канозеро, которые так же располагаются на правом берегу реки Онеги, первое в 11 км. к северу,

⁸ Архангельский сборник. Ч.1.Кн.2. Архангельск. 1865. С.162.

второе в 8 км. к югу. По данным, приведённым в сборнике, размеры оз. Пустосмехово следующие: длина – 1 верста, ширина – 200 сажений, глубина – 1/3 сажени. В Сотной 1556 г., в составе волостки Клещево Поле имеется деревня Пустосмеховская⁹. Таким образом, по схожести названий, можно предположить, что данная деревня находилась вблизи вышеназванного озера. Озеро Пешельмское в настоящий момент имеет примерные размеры в длину 500 м. в ширину 200 м. Однако если учесть размер болота, на котором оно находится, а вероятно, что раньше это было озеро, то тогда размеры болота, примерно соразмерны с размерами оз. Пустосмехово.

Деревня Пустосмеховская, так же являлась вотчиной Кожеозерского монастыря, о чём указано в рукописном сборнике копий монастырских документов - №28 от 7127(1619) г.¹⁰ Следовательно, можно предположить, что неподалёку от неё и возникла деревня Пешалимская. В те давние времена, даже один дом назывался деревней. Поэтому можно так же предположить, что обе деревни в какой-то период времени слились в одну, оставив более звучное название.

КОЛИЧЕСТВО ДВОРОВ И НАСЕЛЕНИЯ

Первое известное упоминание о количестве дворов и населения д. Пешельма, имеется в «Дозоре Турчасовского стана 1648 г.»¹¹:

*Дер. Пешалина Кожеозерского монастыря а в ней
Д. монастырские половники Симанко Трофимов да Тимошка Иванов.*

В писцовых книгах XVII указывались только лица мужского пола, за редким исключением женского, когда хозяйкой двора была вдова, или одинокая женщина, в начале XVIII вв. семьи указывались уже в полном составе. В нашем случае мы имеем двух лиц мужского пола – половников, т.е. крестьян зависимых от землевладельца, которые работая на него, получали половину или треть урожая, проживающих в одном дворе.

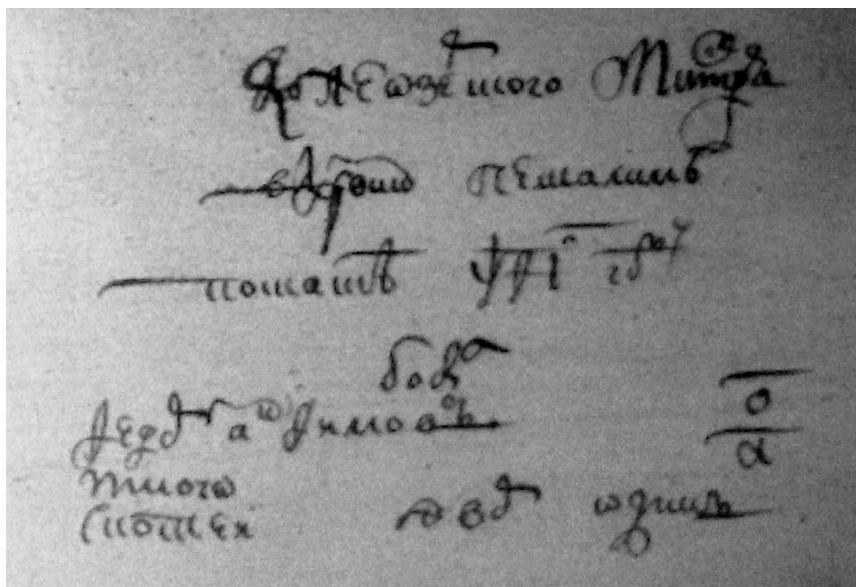
В материалах 1-й ревизии населения (1719 г.)¹², в деревне *Пешалиме* указан один двор и один человек: *бобыль Федор Анфимов, 70 лет, и скотский двор один*. Бобылём называли крестьянина, который был полностью или частично освобождён от выплаты налогов и лишённый земельного надела.

⁹ Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова. 1556 г. / сост. Ю.С. Васильев / Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда. 1981. С.105.

¹⁰ Краткое историческое описание монастырей Архангельской Епархии. Архангельск, 1902. С.475.

¹¹ РГАДА. Ф.1209.Оп.1.Д.168.Л.521.

¹² РГАДА. Ф.350.Оп.2.Д.1268.Л.482.

Фрагмент Ревизской сказки 1719 г.

Не исключено что в переписи 1719 года были указаны и другие жители, т.к. на это есть косвенные указания в материалах 2-й ревизии (1744 г.)¹³.

*Кожеозерского монастыря вотчины в Пияльской волости в деревне Пешалимской в прежнюю перепись прописанные
Дия Яковлев сын Пелевин 40 лет, у него дети Михайло 3, Иван 2 лет, Константин 30 нед.
в прежней переписи прописанные
Петр Максимов сын Пелевин 32 лет
Иван Данилов сын Чесноков 30 лет, у него сын Федор 6 лет
ИТОГО в деревне Пешалимской 7 душ*

Судя по этим данным, в 1744 г. в деревне было три двора, семь жителей мужского пола, и как минимум должно быть две женщины, т.к. в двух семьях были малолетние дети.

В этих же материалах мы видим, что деревня находилась в составе Пияльской волости, тогда как в 1648 г. она была в составе Клещепольской. Может быть из-за того, что деревня находилась примерно на границе волостей, переписчик ошибочно её вписал в Пияльскую волость, т.к. в дальнейшем в этой волости деревня уже не встречается.

По данным духовной (исповедной) росписи Олонецкой епархии Онегской округи Крестновского заказа Прилуцкой волости 1786 года¹⁴, в деревне было два двора, на которые приходилось 20 человек жителей.

¹³ РГАДА. Ф.350.оп.2.д.1271.Л.278об.

¹⁴ ГАРК. Ф.25.Оп.11.Д.6/60.Л.32об.-33.

Деревни Пешалимской

132 двор¹⁵

Михайло Диев 45 лет

брат его родной Иван Диев 43 лет

Михайлова жена Анисья Осипова 42 лет

у них дочь девка Ксения 19 лет

сноха Евдокия Григорьева 24 лет

Иванова жена Евфимия Яковлева 40 лет

у них дочери: Ульяна 20 лет

Ирина 13 лет

подсоседник Василий Петров, холост 21 лет

В этом дворе мы находим двух человек, имена которых упоминаются в переписи 1744 г. – *Михайло и Иван Диевы*. Следует отметить, что в 1775 году эта семья числилась в д. Клещепольская¹⁶.

133 двор

Абрам Михайлов 45 лет

жена его Ирина Гаврилова 39 лет

их дети: Иван 15 лет

Кондрат 11 лет

Тимофей 7 лет

Гликерия 19 лет

подсоседник Иван Федоров 32 лет

брат его родной Никифор 30 лет

Иванова жена Параскева Петрова 38 лет

у них сын Константин 8 лет

Никифорова жена Марья Григорьева, бездетны 28 лет

Как мы видим из выше написанного, совместно с этими двумя семьями проживали подсоседники. Подсоседник (подсуседник) – это крестьянин, лишившийся своего хозяйства, и живший во дворе другого крестьянина, которому помогал вести его хозяйство. В дальнейшем многие подсоседники обзаводились собственным двором, и становились полноценными хозяевами.

К сожалению, в этих духовных росписях фамилии не указаны, и поэтому привязать этих жителей к семьям, проживавшим в деревне в XIX-XX веках, довольно сложно.

По административно-территориальному делению, первоначально, до 1831 г. деревня относилась к Клещепольской волости, затем к Прилуцкой.

¹⁵ Нумерация дворов в документе сквозная по всей Прилуцкой волости

¹⁶ ГАРК. Ф.25.Оп.11.Д.14/34.Л.15об.

В таблице 1, составленной по разным источникам, мы можем увидеть, что так называемый расцвет деревни приходится на конец XIX – начало XX веков.

Таблица 1

Характеристика д. Пешельма по различным источникам.

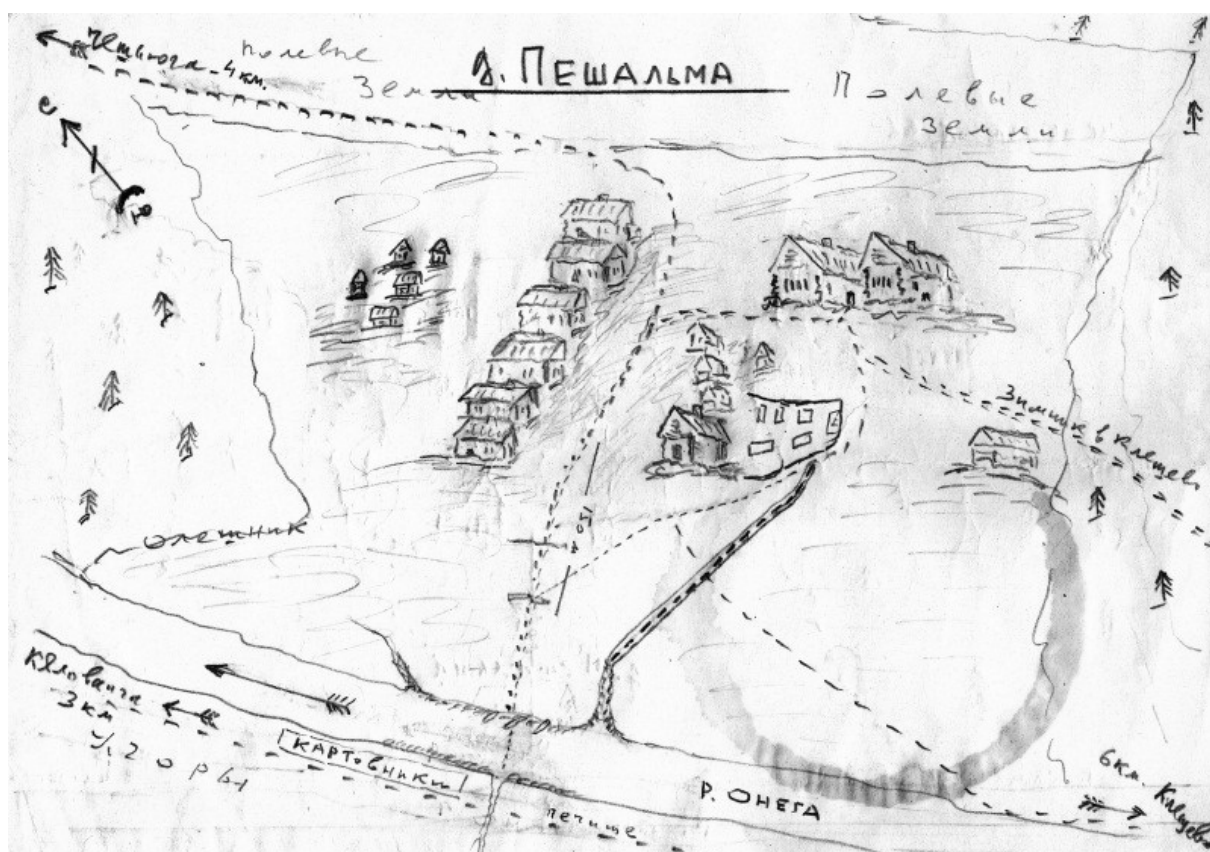
Год	Кол-во дворов	Население			Примечание
		м.п.	ж.п.	всего	
1648	1	2			РГАДА Ф.1209.Оп.1.Д.168
1719	1	1			РГАДА Ф.350.Оп.2.Д.1268
1744	3	7			РГАДА Ф.350.Оп.2.Д.1271
1786	2	10	10	20	ГАРК Ф.25.Оп.11.Д.6/60.Л.32об.-33
1796				12	ГААО Ф.51.Оп.11.Т.1.Д.1821
1797				12	ГААО Ф.51.Оп.11.Т.3.Д.5114
1834-1835				16	ГААО Ф.1.Оп.3.Д.1530
1845	7	10	18	28	ГААО Ф.465.Оп.2.Д.2
1859	5	16	17	33	СНМАГ-1861
1865	6	12	11	23	ГААО Ф.6.Оп.9.Д.133
1866	8	17	17	34	ГААО Ф.6.Оп.9.Д.147
1877	7				ГААО Ф.6.Оп.9.Д.179
1890	10	19	20	39	ААЕ-1890
1897	9	18	22	40	ГААО Ф.6.Оп.18.Д.101
1905	8	19	23	42	СНМАГ-1907
1918	11			34	СНМАГ-1918
1922	9	9	15	24	СНМАГ-1922
1935	5	13	10	23	ГААО Ф.3410.Оп.1.Д.46
1936	5	12	11	23	ГААО Ф.3410.Оп.1.Д.60
1936 ¹⁷	7			21	ГААО Ф.1533.Оп.5.Д.2.
1938-1939	5	9	11	20	ГААО Ф.3410.Оп.1.Д.81
1939	7				ТК ГУГК Р-37-31
1940-1942	4	6	7	13	ГААО Ф.3410.Оп.1.Д.63
1961	3				ТК ГУГК Р-37-31-А
1969	2 сарая				ТК ГУГК Р-37-31-А
1984	-				ТК ГУГК Р-37-31

Среднее число жителей деревни по этим данным составляет 25 человек. Как видим, деревня была совсем небольшая, и перспектив её развития не было. Пути сообщения с ней были в основном по реке, дорога – почтовый тракт проходил по левому берегу. Разумеется, и на правом берегу были свои дороги местного значения для связи с соседними деревнями, тем более что в д. Пешельма не было своего кладбища, и умерших отвозили хоронить в соседнее село Клещёво.

¹⁷ вероятно 2 двора не жилые

Как известно, большую роль в жизни населённых пунктов играли церковные приходы. Ближайший к деревне приход находился в 12 верстах в селе Прилуки, на левом берегу реки Онеги, хотя ближайшее село Клещёво было достаточно крупным, но своего прихода там не было до конца XIX века. Клещёвский приход был открыт 29 мая 1898 года, и Пешельма была причислена к этому приходу. На большие церковные праздники, и на исповедь, жители деревни ходили в приходскую церковь. Но в связи с тем, что в период распутицы до неё добраться было трудно, а так же была потребность в посещении церкви и в другие дни, жители с разрешения вышестоящих церковных инстанций построили деревянную часовню, которая после освящения носила имя Преподобного Феодосия Тотемского¹⁸. Данных, когда именно была построена эта часовня не имеется. В конце 1930-х годов, согласно протокольного постановления религиозного объединённого общего собрания Прилуцкого сельского совета, часовня была передана общине деревни, и использовалась под зернохранилище.¹⁹

Как были расположены в деревне дома, можно увидеть по рисунку, выполненным уроженцем деревни Григорием Ивановичем Сухановым, а так же изображением на топографических картах.

д. Пешельма, примерно 1920 год, рис. Г.И. Суханова

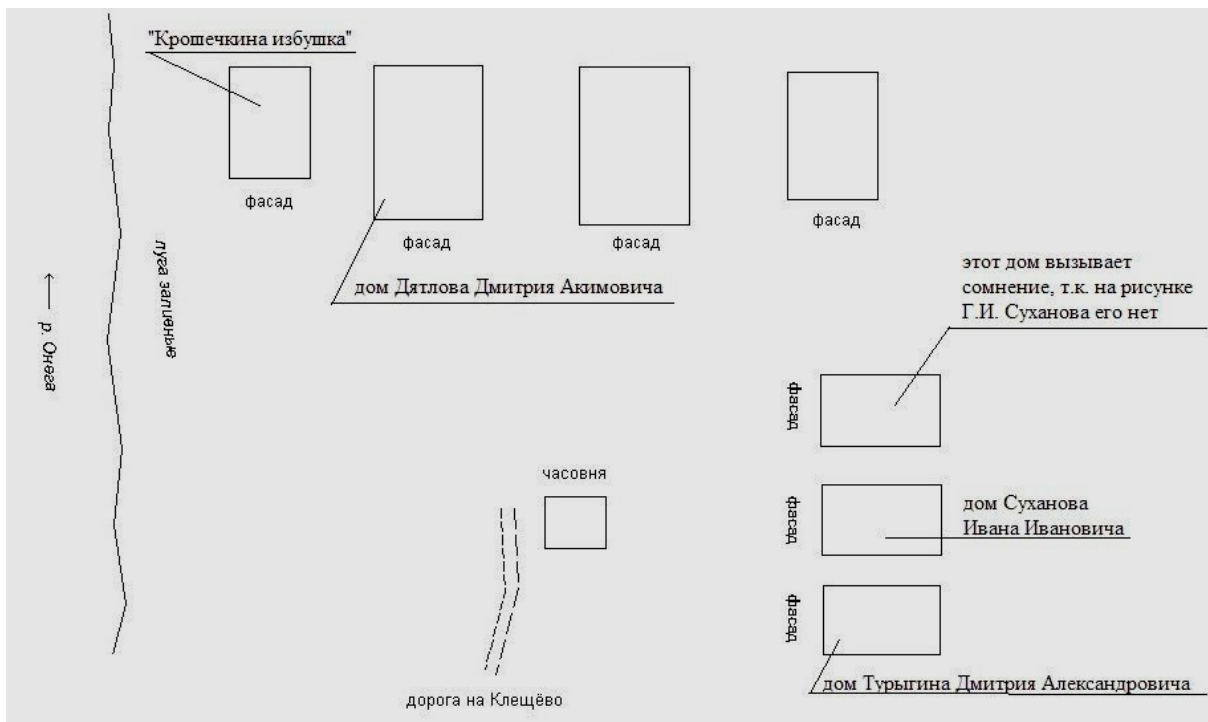
¹⁸ ГААО Ф.465.Оп.2.Д.2.Л.8

¹⁹ ГААО.Ф.1533.Оп.5.Д.23.Л.15

С правой стороны, около зимника в Клещёво нарисовано какое-то строение, вероятно, это и есть часовня, т.к. по воспоминаниям некоторых уроженцев д. Пешельма и их потомков, а так же рыбаков и охотников из соседних деревень, она находилась на этом месте. В частности 18.08.2015 г. о ней вспоминал житель д. Хачела Сергей Куприянов, он видел остатки часовни примерно в 1990-х годах.

Основная часть домов в деревне располагалась в одну линию (улицу) перпендикулярно к реке, сзади и спереди их находились бани и хозяйственные постройки. Два дома, хозяева которых достоверно известны, стояли справа от улицы окнами на реку.

Деревня находилась на низменном берегу, поэтому в половодье вода доходила до самых домов. Сообщение с внешним миром, помимо просёлочной дороги, было по реке. Пассажирские пароходы не могли пристать к берегу из-за мелководья, поэтому пассажиров на берег перевозили на лодках. Уроженка деревни Дятлова Ироида Дмитриевна, по памяти составила план деревни по состоянию на 1927 год.

План д. Пешельма (1927 г.)

Сравнивая этот план с рисунком Г.И. Суханова, мы видим некоторые различия, но основное положение домов, и расположение часовни соответствуют друг другу.

Фрагмент топографической карты масштаба 1:50000, изд. 1961 г.

На карте 1961 года, в условном знаке квартала, нарисовано всего три дома, но вероятно, что дома в это время уже были не жилые. Похозяйственные книги д. Пешельма, середины XX века, хранящиеся в ГААО, заканчиваются в период 1949-1951 гг., вероятно в эти года деревня стала уже нежилой. Данные из книг с 1943 по 1951 гг. получить в настоящее время не возможно, т.к. информация в них о жителях является «конфиденциальной». По установленным правилам архива, такие источники могут быть выданы для изучения не ранее чем через 75 лет от указанной даты на книге.

Со слов сына Г.И. Суханова - Гелия Григорьевича, он был в Пешельме с матерью в 1943 году, в деревне в то время было 3-4 дома в ряд, но почти все дома были пустые. В одном доме проживала его бабушка Анна, а в соседнем доме муж с женой, имён он не запомнил, а фамилия была Турыгины. Дом бабушки Анны был очень большой, около 30 метров в длину, высокий с двухэтажной пристройкой. Остальные дома были уже ветхие. Ползая с двоюродным братом по заброшенным домам, однажды они провалились сквозь прогнившие доски крыльца.

ПРОМЫСЛЫ И ХОЗЯЙСТВО ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ

Конкретных сведений о том, чем занимались жители деревни, не имеется. Поскольку первоначально деревня была монастырской вотчиной, крестьяне работали в пользу монастырей, обеспечивая монахов. После секуляризации²⁰ реформы Екатерины II в 1764 г. монастырские крестьяне получили свободу, и стали называться экономическими. По общему описанию Экономической Клещепольской волости за 1797 г. жители деревень кроме хлебопашества не имели никаких промыслов. Некоторые жители уходили на заработки в другие города. Основными сельскохозяйственными культурами были рожь и ячмень. Так же выращивали овёс, лён и коноплю. В хорошие годы рожь и ячмень давали урожай, превышающий посеянное в четыре раза. Мукомольная ветряная

²⁰ Секуляризация – обращение государством церковной собственности (преимущественно земли) в светскую. БЭС. С.1190.

мельница была одна на всю волость. Из овощей выращивали на полях репу, капусту и редьку. В каждом хозяйстве держали скот, лошадей, коров и овец.

Характеристику благосостояния деревни середины XIX века, дают следующие сведения, на этот период по сословию крестьяне уже были государственными. По данным на 1865 г.²¹ в деревне было 23 человека, 12 – мужского пола, 11 – женского. По вероисповеданию – православные. Грамотных было всего два человека мужского пола. Деревня состояла из 6 жилых домов, 2 амбаров, 2 бань, 1 овина. Имелась одна малая лодка. Из скота имелось 5 лошадей, 10 голов крупного рогатого скота, 20 овец. Из общего количества жителей, 11 человек находились в отлучке, вероятно на отхожих заработках.

По материалам подворной описи Посадной волости 1866 г.²², а именно к ней относилась деревня в это время, мы можем узнать конкретные имена домовладельцев, с описанием их хозяйства на данный период (таблица 2).

Как видим из этой таблицы, большинство хозяйств были достаточно крепкими, держали лошадей, коров и мелкий скот (овец). Но, всё-таки, некоторые члены семей уходили на отхожие промыслы. Можно сказать, что вся деревня жила натуральным хозяйством, и полностью обеспечивала себя питанием.

Таблица 2

Имена и фамилии домохозяев	Число душ				Количество строений		Количество земли				Число скота				Название ремесел, промыслов и заработков, число людей занимающихся ими	Сколько человек занимается	Какой доход получают		
	Ремизских мужского пола	Работников	Наличных исключая отлучившихся по паспортам		Жилых домов	Нежилых строений	пахотной		сенокосной		лошадей	рогатого скота	овец	свиные				Копытные	
			муж	жен			муж	жен	общественной	расчищенной									общественной
Никита незаконнорожденный Турыгин	3	2	2	1	1	1	1/1200		3		1						отлучка	1	40
Иван Григорьев Турыгин	2	1		4	1	1	3	1	2		1	2	5				отлучка	1	40
Алексей Кондратьев Турыгин	4	2	3	4	1	1	1	2	4		2	2	10				отлучка	1	40
Яков Дмитриев Турыгин	1	1	1	1		1	2	-/1800	1		1	3	6				хозяйство		15
Иван Александров Турыгин	4	1	2	2	1	1	1	1/1200	3		1	1	5				отлучка	1	20
Панкратий Елизаров Суханов	1	1		2	1	1		-/1800	1			1					отлучка	1	40
Иван Андреев Суханов	2	2	1	3	1	2	1	1											
ИТОГО по Пешалимской	17	10	9	17	6	8	8	8/1200											

Некоторые пояснения к графам таблицы.

Работники – это могут быть как сам хозяин и его жена, либо подсоседники.

Отлучившиеся по паспортам – взрослые члены семьи, уехавшие на заработки в другую местность, но приписанные к данному двору.

В графе «Какой доход получают», суммы вероятно, указаны в рублях.

²¹ ГААО. Ф.6.Оп.9.Д.133.ЛЛ.144-144об.

²² ГААО. ГААО.Ф.6.Оп.9.Д.147.ЛЛ.253об.-255.

Площадь земель, вероятно, выражена в десятинах.²³

Дробное выражение, вероятно, означает следующее. Число над чертой – десятины, число под чертой – кв. сажени.

В графе последнего из дворов, не указано количество скота, и не указано название промыслов, в оригинале эти графы не заполнены.

Уроженец д. Пешельма, Г.И. Суханов, вероятно уже в зрелом возрасте писавший воспоминания о своей малой родине, оставил нам две странички своего текста, скорее всего данное описание относится к 1910-1920 гг.

«[Небольшим] это селение было. На берегу реки стояли 8 невидных домиков. Судя по их ветхости, все они были столетней давности. По воспоминаниям долгожителей, её основателем было Монастырское подворье. Место удобное для выпаса скота. Но развития своего не получило. Зброшенный это был участок. Проезжая дорога была только в зимнюю пору, когда промерзали болота. В то время, по дороге ездили на лошадях, санным путем. Возили с г. Онега, со ст. Обозерской разные товары по заказам местных торговцев. Тогда в деревне было некоторое оживление. Это обычно продолжалось 2-3 месяца. С открытием навигации, по реке плавали два пароходика. На памяти запомнились их названия «Онега», «Компаньон». Они проходили мимо. Наше селение не привлекало ничьего внимания. Ближайшим селением со связью была дер. Прилуки - центр нашей волости, что было в 10 км вверх по течению. Почтовой связи тоже не было. Газет, журналов никто не выписывал. А если приходило от бурлаков письмо, то оно доставлялось с редкими попутчиками, что случалось нечасто.

В деревне было две фамилии. В двух домах жили мои предки Сухановы, в остальных Турыгины. До уездного города Онега лежал путь в 100 километров. Ближайшие торговые пункты были в соседней деревне Клещёво, где были частные две лавчонки, да в Чешьюге, где была, если можно назвать такую – торговавшая чаем, сахаром, мылом, да спичками. Заработки были на лесозаготовках, сплаве и др. мелких работах. В общем, дорожили каждой копеей. Деньги давались с большим трудом. Семья жила и кормилась своим хозяйством - сеяли ячмень, да сажали картошку. Подспорьем служили грибы, ягоды, брюква, да капуста. Была корова, несколько овец и лошадь. Своего хлеба обычно на год не хватало, покупали на стороне.

Однако нам своя деревня нравилась, Кругом лес, рядом река, близко несколько озёр. В свободное время ловили рыбу для личных нужд. Порой

²³ Десятина – основная дOMETрическая русская мера площади, равная 2400 кв. сажений (1,09 га. – казённая). В XVII- нач. XIX вв. употреблялась десятина владельческая (хозяйственная), равная 3200 кв. сажений (1,45 га.) [БЭС. 1993. С.378.]

охотились, тем более, что в лесу в немалом количестве водились рябчики, тетерева, куропатки и другая дичь, а на реке вдоволь было уток. Особенно восхищала нас весна, когда от своей избы можно было наблюдать тетеревиные тока, плавающих чуть не под окном уток, а по сухому берегу разгуливающих других птиц - петушков, куличков и другую живность.

Приятно вспомнить, как в чистое весеннее утро, все кругом в чудных звуках и зрелище окружающей живой природы ...»

Начало XX века особых изменений в жизнь деревни не принесло. Первая мировая война, для не хлебородной деревни, ознаменовалась ещё большим бесхлебьем. Деревенские дети ходили в школу сначала в Клещёво, за 6 километров, затем в Прилуки. Уходили в Прилуки на неделю. С собой брали корзинку хлеба и картошки. Утром пили чай без сахара, днем хлеб да картошку ели, а вечером опять пустой чай. Мир для жителей маленькой деревни, был замкнут двумя-тремя соседними деревнями. Целое событие произошло, когда у одного из жителей появилась первая газета. Черносотенный листок «Копейка» рассказывал, какие события происходят на фронтах. Заодно и о событиях на небе на полном серьёзе повествовала газетка. Небесные явления трактовались как знамения «несомненной Победы россиян в этой священной войне». Печатная информация о большом мире стала захлестывать некогда глухую деревушку.

Наступила революция. Кто-то принял её, вступив в комитете бедноты, кто-то нет. Появляется масса политической литературы, брошюрки, газеты. В школе учителя агитируют учеников: «Говорите дома, чтобы голосовали за список №3». Но большинство взрослых отвечали: «Нет, врётё, список №3 – это эсеры. А мы будем голосовать за большевиков».

Большевики победили. Началась Гражданская война. В Пешельму приходили разные отряды вооружённых людей. Сегодня одни. Завтра другие. Люди вроде одинаковые, а песни разные пели. Боёв красных с белыми, здесь не было, в основном в соседних деревнях Кернежке и Клещёво, но отзвуки стрельбы были слышны хорошо. Окончилась Гражданская война победой большевиков. Интервенты и белогвардейцы были изгнаны с Онежской земли, и в деревне снова наступила тихая, привычная жизнь.

В период коллективизации, в Клещёво был образован Колхоз им. XII лет Октября. Были ли в деревне крепкие (кулацкие) хозяйства, не известно. Но, как указано в похозяйственной книге за 1936 г.²⁴, все хозяйства до вступления в колхоз были середняцкими. По этим книгам, мы можем увидеть, какое было благосостояние у жителей деревни (таблица 3).

²⁴ ГААО. Ф.3410.Оп.1.Д.60.

Выписки из похозяйственных книг домовладельцев д. Пешельма за 1935-1942 гг.²⁵ (Колхоз им. XII Октября)

		1935	1936	1938	1939	1940	1941	1942
глава семьи - Суханов Фёдор Павлович²⁶								
Количество скота	Телят	1	1	1				
	Ягнят	4	6	6				
	Свиней			1				
	Матки (овцы)			2				
Посеяно культур ²⁷	Горох			0,11				
	Овощи	0,01		0,03	0,40			
	Картофель	0,03	0,02	0,11	0,40			
глава семьи - Суханова Анна Григорьевна								
Количество скота	Телят	1	1					
	Бараны						1	
	Матки (овцы)			2		2	2	
	Ярочки					1		
	Ягнят	4	2			3	1	
Посеяно культур	Ячмень				0,13			
	Лён				0,5			
	Овощи			0,01	0,85		0,06	
	Картофель	0,03	0,02	0,05	0,85	0,06	0,01	
глава семьи - Турыгин Иван Андреевич								
Количество скота	Коровы						1	
	Телят	1	1	1				
	Свиней			2			1	
	Матки и ярки (овцы)			4		2	4	3
	Баранчики					4		
	Ярочки					2	4	
	Ягнят	6	6	6		8		
	Ягнят до 6 мес.			1				
Посеяно	Ячмень			0,01		0,02	0,04	0,04

²⁵ ГААО. Ф.3410.Оп.1.ДД.46; 60; 81; 91; 93.²⁶ В похозяйственных книгах 1940-1942 г. семья Суханова Фёдора Павловича, отсутствует.²⁷ Площади посеянных культур указаны в гектарах.

культур	Брюква					0,01	0,01	
	Лук					0,01	0,01	
	Овощи	0,01		0,03	0,25			
	Пшеницы				0,25			
	Картофель	0,03	0,02	0,13	0,15	0,12	0,12	
	Лён				0,25			
глава семьи - Турыгин Константин Андреевич²⁸								
Количество скота	Коровы						1	
	Телят	1	1	1				
	Ягнят	4	4	2				
	Свиней			1				
	Бараны						1	
	Матки (овцы)			4			2	
	Ярки (овцы)			1				
Посеяно культур	Ячмень			0,15		0,02	0,04	0,05
	Овощи	0,01		0,03	0,5			
	Капуста					0,01		
	Лук					0,01		
	Картофель	0,03	0,02	0,07	0,12	0,08	0,04	0,02
	Лён				0,15	0,01		
глава семьи - Турыгин Яков Иванович								
Количество скота	Коровы						1	
	Телят	1	1	1				
	Свиней			1				
	Валухи-кастраты					3		
	Бараны						2	
	Матки и ярки (овцы)			2		2	2	1
	Баранчики					2		1
	Ягнят	4	6	2		5	4	
	Ягнят до 6 мес.			1				
Посеяно культур	Ячмень			0,12				0,05
	Овощи	0,01		0,03	0,5			0,02
	Лук					0,005		
	Капуста					0,01		
	Картофель	0,03	0,02	0,10	0,11	0,07		0,07
	Лён			0,10		0,03		
	Конопля					0,01		

²⁸ С 1938 года, хозяйкой двора значится Турыгина Пелагия Михайловна

ЖИТЕЛИ ДЕРЕВНИ

Как уже известно, в деревне было всего две основные фамилии: Турыгины и Сухановы. В начале XX века, в деревне появилась ещё одна семья – Дятловы. По материалам «Подворной описи Посадной волости 1866 г.», из семи дворов, пять принадлежали семьям Турыгиных, два – Сухановым. По материалам «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.», из девяти дворов, шесть – Турыгиным, три – Сухановым. Таким образом, можно предположить, что Турыгины имели более древние корни, и наверняка все они имели общего предка. По данным «Похозяйственных книг 1935-1942 гг.», три – Турыгиным, два – Сухановым.

Для того, чтобы составить по всем этим данным поколенную роспись каждой деревенской семьи, за основу возьмём имена владельцев дворов на 1866 год, с указанием сколько в семье лиц мужского (м.п.) и женского (ж.п.) пола.

Турыгины

- 1 семья: Турыгин Никита (незаконнорожденный) – 3 м.п.; 1 ж.п.
- 2 семья: Турыгин Иван Григорьевич – 2 м.п.; 4 ж.п.
- 3 семья: Турыгин Алексей Кондратьевич – 4 м.п.; 4 ж.п.
- 4 семья: Турыгин Яков Дмитриевич – 1 м.п.; 1 ж.п.
- 5 семья: Турыгин Иван Александрович – 4 м.п.; 2 ж.п.

Сухановы

- 1 семья: Суханов Панкратий Елизарович – 1 м.п.; 2 ж.п.
- 2 семья: Суханов Иван Андреевич – 2 м.п.; 3 ж.п.

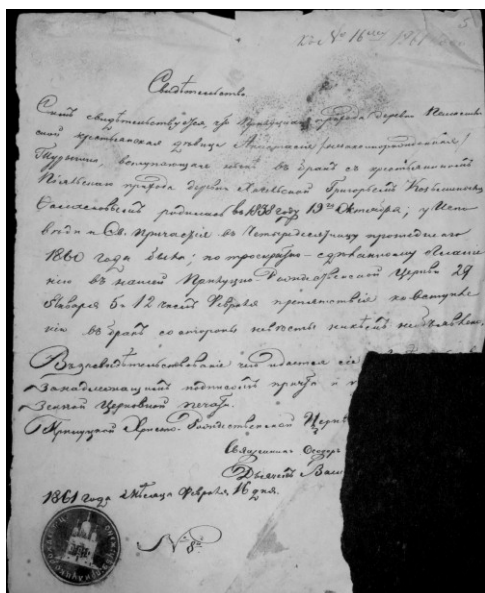
ТУРЫГИНЫ

Значение фамилии Турыгин вероятно восходит к отчеству (полуотчеству) от прозвища Турыга. Данное прозвище, в архангельском диалекте: **Турыгатся** – возиться с чем-нибудь, долго хлопотать о чём-нибудь. **Турыганье** – возня, хлопоты. Данные прозвища и фамилии были отмечены в Вологде, Москве, Новгороде, Олонце. [Чайкина Ю.И. С.103.]

Разыскивая в интернете какие-нибудь сведения о Турыгиных, я наткнулся на сайт: <http://www.yaplakal.com/forum2/topic510469.html>, где обнаружился документ следующего содержания:

Свидетельство.

Сим свидетельствуется, что Прилуцкого прихода деревни Пешалимской крестьянская девица Анастасия /незаконнорожденная/ Турыгина, вступающая ныне в брак с крестьянином Пияльского прихода деревни

Хачельской Григорием Козьминым (Козьмичём) Фаласковым родилась въ 1838 году 19го октября; у Исповеди и Св. причастия в Четырдесятницу прошедшего 1860 года была; по троекратно сделанному оглашению (т.е. публичному заявлению) в нашей Прилуцко-Рождественской церкви 29 Января 5 и 12 чисел Февраля препятствия ко вступлению в брак со стороны невесты никем не объявлено.

В засвидетельствование чего и дается сие св[идетельство] за надлежащим подписом причта и [приложением] казенной

церковной печати.

Прилуцкой Христо-Рождественской Церкви

Священник Федор

Дьячок Василий

1861 года 2 месяца Февраля 16 дня.

Печать: Онежского уезда Прилуцко-Рождественская церковь

Как я понял из обсуждений посетителей сайта, владелец данного документа, совершенно не знает, откуда он появился в их семье. Но, одно неоспоримо, что данная семья, была потомками либо Анастасии Турыгиной, либо её мужа Григория Козмина Фаласова. В данном свидетельстве, у Анастасии вместо отчества, написано /незаконнорожденная/, что свидетельствует о том, что она была рождена вне брака, а в таких случаях, установить отца практически не возможно. Долгое время не удавалось привязать Анастасию к какой-либо семье Турыгиных, но благодаря помощи её потомков, в сочетании со скупыми данными из различных архивов, связь установилась. Разумеется, если бы была возможность лично просмотреть материалы ревизских сказок, находящихся в ГААО, тогда бы генеалогия жителей д. Пешельма была составлена довольно подробно. Но, ГААО в силу своих причин, не разрешает пользователям самим просматривать ревизии, а может предоставить эту информацию за определённую плату, которая в общем счёте будет довольно высокая. Вот поэтому и приходится довольствоваться доступными бесплатными материалам, и помощью исследователей своих родословных.

В своё время, на нашем сайте <http://onegaonline.ru>, на странице д. Чешьюга, были опубликованы фамилии жителей данной деревни, составленные по материалам духовных (исповедных) росписей Пияльского прихода. История обнаружения данных записей, относится к 1980-м годам

20 века. Один из местных жителей с. Пияла, обнаружил в старой церкви среди оставшейся церковной утвари старые книги. Это оказались «Духовные росписи Пияльского прихода». Забрав их с собой, он передал эти книги директору Ковкульской школы Лапину Сергею Павловичу. С.П. Лапин при участии своей жены, очистили их от пыли грязи, и данные переписал в обычные тетради, разобрав все фамилии по названиям деревень. Среди жителей д. Чешьюга, было три семьи с фамилией Турыгины. Можно было предположить, что предки данных семей проживали в д. Пешельма, а в последствие перебрались сюда, ведь деревни находились недалеко друг от друга. В дальнейших поисках это подтвердилось.

Анна Швецова, посетитель нашего сайта, изучив эти записи, и сопоставив их с данными из архивной справки, полученной в ГААО, сообщила мне, что указанный в списках жителей д. Чешьюга – Никита Осипович Турыгин, 1849 г.р. являющийся её прадедом, в справке из ГААО, значится жителем д. Пешельма. А незаконнорожденная Анастасия, из свидетельства описанного выше, является Никите сестрой.

...Ирина Алексеевна Турыгина (вдова Осипа Ивановича Турыгина и невестка Ивана Абрамовича Турыгина) и её незаконнорожденная дочь НАСТАСЬЯ и незаконнорожденный сын НИКИТА...

Информации присланной Анной, достаточно мало, но рассмотрев её, я сделал вывод, что этот же незаконнорожденный Никита, значится в списках домовладельцев д. Пешельма, 1866 г., т.е. вполне вероятно, что перебрался он в д. Чешьюга в период с 1866 по 1897 гг., т.к. в переписи 1897 г. эта семья в д. Пешельма отсутствует. Далее внимание привлекает имя Ивана Абрамовича. Этот человек присутствует в духовных (исповедных) росписях 1786 года, среди экономических крестьян д. Пешалимская Прилуцкой волости. В этих же материалах мы видим имя Кондрат (брат Ивана Абрамовича), вероятно, это отец Алексея Кондратьевича Турыгина из материалов 1866 г., где он так же является хозяином одного из дворов. Таким образом, 1 и 3 семьи (1866 г.), являются кровными родственниками. По этим данным, и составил я краткие поколенные росписи Пешельминских родов.

Поколенная роспись 1 и 3 семей

<i>Поколение 1</i>	
1.1	Михаил NN (*+*) жена: NNN (*+*)
<i>Поколение 2</i>	
2.1/1.1	Абрам Михайлов (1741+*) жена: Ирина Гавриловна (1747+*)

<i>Поколение 3</i>	
3.1/2.1	Турыгин Иван Абрамович (1771+*) жена: NNN (*+*)
3.2/2.1	Гликерия Абрамовна (1767+*)
3.3/2.1	Кондрат Абрамович (1775+*)
3.4/2.1	Тимофей Абрамович (1779+*)
<i>Поколение 4</i>	
4.1/3.1	Осип Иванович (*+*) жена: Ирина Алексеевна (*+*)
4.2/3.3	Алексей Кондратьевич (*+*)
<i>Поколение 5</i>	
5.1/4.1	Анастасия /незаконнорожденная/ (19.10.1838+*) муж: Григорий Кузьмич Фаласов (1836+*) Брак: 16.02.1861
5.2/4.1	Никита /незаконнорожденный/ (1849+*) жена: Надежда Никифоровна Корытова (1848+*)
<i>Поколение 6</i>	
6.1/5.2	Артемий Никитич (1876+*)
6.2/5.2	Александр Никитич (1879+*)
6.3/5.2	Ефимия Никитична (1880+*)

Поколенная роспись 2 семьи

<i>Поколение 1</i>	
1.1	Григорий NN (*+*) жена: Мария Ивановна N (1819+*)
<i>Поколение 2</i>	
2.1/1.1	Турыгин Иван Григорьевич (1838+*) жена: Евдокия Андреевна (1838+*)
<i>Поколение 3</i>	
3.1/2.1	Андрей Иванович (1874+*) жена: Наталья Антоновна (1878+*)
3.2/2.1	Яков Иванович (1883+*) 1 жена: Наталья Дмитриевна (1883+ок. 1938) 2 жена: Анастасия Константиновна (1896+*)
3.3/2.1	Параскева Ивановна (1888+*)

Вторая жена Якова Ивановича – Анастасия Константиновна, вероятно, вышла за него замуж так же вторым браком, т.к. в «Похозяйственных книгах 1935-1942 гг.» в составе этой семьи фигурируют двое детей с фамилией Ветошины:

Ветошина Мария Анатольевна, 1920 г.р.

Ветошин Альберт Анатольевич, 1932 г.р.

Так же в семье Якова Ивановича, в 1935-36 гг., значится племянник или приёмный сын с женой:

Котов Алексей Ив[анович] (1909+*)

жена его: Котова Анна Мих[айловна] (1909+*)

Семья 4 (1866 г.) – глава семьи Турыгин Яков Дмитриевич, в переписи 1897 г. не указан, вероятно, на данный момент он уже умер, и здесь указаны семьи либо его детей, либо других жителей деревни. Поэтому перед тем, как начать описание семьи 5, приведём данные этих семей по имеющимся данным, присвоив им следующие порядковые номера.

Поколенная роспись 6 семьи

<i>Поколение 1</i>	
1.1	Турыгин Лаврентий N (***) жена: Параскева Ивановна (1827+*)
<i>Поколение 2</i>	
2.1/1.1	Алексей Лаврентьевич (1859+*) жена: Ксения Степановна (1851+*)
2.2/1.1	Прокопий Лаврентьевич (1870+*) жена: Варвара Ивановна (1875+*)

В 1897 г. в семье Алексея Лаврентьевича, значилась племянница: Можайцева Мария Яковлевна (1881+*). Вполне возможно, это дочь его сестры.

Поколенная роспись 7 семьи

<i>Поколение 1</i>	
1.1	Турыгин Фёдор N (***) жена: Вера Петровна (1837+*)
<i>Поколение 2</i>	
2.1/1.1	Павел Фёдорович (1867+*)

Семья 8 – вдова Турыгина Екатерина Александровна (1840+*) – по данным переписи 1897 г.

Далее распишем в отдельности две семьи, главы которых могут быть родными братьями, т.к. имеют одно и то же отчество. Эти данные взяты из Похозяйственных книг д. Пешельма за 1936-1942 гг.

Поколенная роспись 9 семьи

	<i>Поколение 1</i>
1.1	Андрей NN (*+*)
	<i>Поколение 2</i>
2.1/1.1	Турыгин Иван Андреевич (1904+*) жена: Александра Михайловна (1909+*)
	<i>Поколение 3</i>
3.1/1.1	Андрей Иванович, г.р. неизв.
3.2/1.1	Анатолий Иванович, 1932 г.р.

Поколенная роспись 10 семьи

	<i>Поколение 1</i>
1.1	Андрей NN (*+*) жена: Парасковья Михайловна (1876+*)
	<i>Поколение 2</i>
2.1/1.1	Константин Андреевич (1910+ок. 1938) жена: Пелагия Михайловна (1913+*)
	<i>Поколение 3</i>
3.1/2.1	Борис Константинович, 1935 г.р.

Дата смерти Константина Андреевича, указана ок. 1938 г., т.к. в похозяйственной книге 1938-39 гг., он отсутствует, а главой семьи является его жена Пелагия Михайловна. После смерти мужа, она вышла замуж второй раз, т.к. в книге 1940-42 гг. у Пелагеи значится муж: Сокольников Андрей Ал. (1912+*) и дочь Турыгина Зинаида Андреевна, 1941 г.р.

Так же стоит заметить, что отец Ивана Андреевича и Константина Андреевича, может быть – Андрей Дмитриевич Турыгин, 1876 г.р. из 3-го поколения, 5-й семьи, т.к. в духовной росписи за 1900 г. у Андрея – жена Параскева Михайловна, 26 лет (1874 г.р.).

Семья 5 – не случайно описывается в самом конце повествования о семьях Турыгиных. Именно с членов этой семьи, начались поиски информации по данной фамилии, т.к. они непосредственно связаны родственными (сводными) узлами с моими предками, и не только с моими. И по этой семье имеется больше информации, включая потомков, носящих уже другие фамилии.

Однажды я по электронной почте я получил письмо от пользователя нашего сайта <http://onegaonline.ru>, Натальи Лапиной. Прочитав в разделе д. Пешельма статью о моём путешествии в 2012 г. на место этой деревни, она стала выяснять у меня, что я знаю о жителях деревни. Наталья думала, что её прабабушка была родом из Пешельмы, т.к. кто-то из её родственников

говорил ей об этом. Посчитав, что прабабушка могла быть членом данной семьи, она на основании уже известных данных, сделала краткий запрос в ГААО. Ответ пришёл быстро, но, увы, её прабабушка была родом из другой деревни. В полученной справке, были указаны так же данные на членов этой семьи за период с 1876 по 1915 гг. Ниже приведённая поколенная роспись, включает 4 поколения этого семейства Турыгиных, проживавших в деревне.

В подворной описи 1866 г. среди глав семейств, имеется некий Турыгин Иван Александрович. Он не входит ни в одно из семейств указанных выше, можно предположить, что это отец Турыгина Александра из 5-й семьи.

Поколенная роспись 5 семьи

	<i>Поколение 1</i>
1.1	Турыгин Александр N (1818+после 1876) жена: Марья Ивановна (1818+после 1890)
	<i>Поколение 2</i>
2.1/1.1	Максим Александрович (1846+*)
2.2/1.1	Иван Александрович (1847+*)
2.3/1.1	Дмитрий Александрович (1855+*) жена: Параскева Ивановна (1855+*)
	<i>Поколение 3</i>
3.1/2.3	Андрей Дмитриевич (1876+*)
3.2/2.3	Александра Дмитриевна (1880+*) муж: Михаил Фомич Михеев (1880+*)
3.3/2.3	Фёдор Дмитриевич (1883+*)
3.4/2.3	Анна Дмитриевна (1885+31.05.1954) 1 муж: Александр Алексеевич Федулов (1877+24.05.1939) 2 муж: NNN (*+*)
3.5/2.3	Павла Дмитриевна (1888+23.11.1915) 1 муж: Стефан Васильевич Перин (1887+25.08.1908) брак: (28.01.1907) 2 муж: Дмитрий Акимович Дятлов (17.10.1885+09.12.1952) брак: (11.01.1910)
3.6/2.3	Пётр Дмитриевич (1888+*)
3.7/2.3	Пётр Дмитриевич (1890+*) Жена: Фёкла Иоанновна (1896+*)
3.8/2.3	Ольга Дмитриевна (1893+*) муж: Сыродубов Василий Киприанович (1888+*) брак: 23.01.1909
	<i>Поколение 4</i>
4.1/3.7	Михаил Петрович Турыгин (1915+*)

В духовных росписях (исповедных книгах) Прилуцкого прихода за 1890 г., в семье крестьянской вдовы Марьи Ивановны Турыгиной, значится девка Софья (отчество не указано) Турыгина, 66 лет (1824 г.р.), вероятнее всего это сестра мужа Марьи – Александра. Девка – означает, что она была не замужняя, и умерла, вероятно, в период с 1890 по 1900 гг.

Как правило, после смерти главы семьи, хозяйство переходило во владение его вдовы, или старшего сына. В нашем случае, после смерти Александра (после 1876), главой семьи стала его вдова Марья Ивановна, что указано в духовных ведомостях. В ведомости за 1880 г. у неё в составе семьи указан только младший сын Дмитрий, следовательно, можно сказать, что старшие сыновья Максим и Иван, жили отдельными дворами, либо уехали из деревни. Марья Ивановна умерла после 1890 года, и главой семьи стал Дмитрий Александрович.

В семье Дмитрия Александровича было восемь детей: четыре сына и четыре дочери. Про сыновей и их потомков практически ничего не известно. Дочери же вышли замуж, и сменили фамилии, родили своих детей, которые уже носили другую фамилию, за исключением сына Анны Дмитриевны – Виктора, о котором я расскажу чуть позже.

Старшая из дочерей, Александра Дмитриевна, вышла замуж в соседнюю деревню Чешьюга за Михеева Михаила Фомича, где и прожила всю свою жизнь. Вырастила троих детей, двух сыновей Степана и Константина и дочь Серафиму.

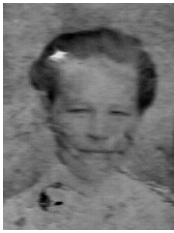
Вторая дочь Анна Дмитриевна, примерно в 1909-1910 гг. вышла замуж за Федулова Александра Алексеевича, из д. Хачела, и переехала жить в семью мужа. От этого брака в 1910 г. родился сын Константин. В период революции и гражданской войны, её муж Александр служил в армии. Вернулся в деревню в 1918 или 1919 году. По воспоминаниям его родственников, вернувшись с войны, его встретила жена Анна с новорождённым ребёнком на руках. Это был её сын Виктор. Отцом его был кто-то из местных мужчин, кто именно, не установлено, но вероятно какой-то Фёдор, т.к. Виктор имел отчество Фёдорович, и носил фамилию матери Турыгин.

Александр Алексеевич Федулов, из-за такого случая, развёлся с Анной, женился второй раз, и в середине 1920-х годов переехал с новой семьёй на постоянное место жительства в г. Онегу.

Анна Дмитриевна осталась жить в Хачеле, воспитывая Виктора. Как вспоминали её племянницы, жила она в маленьком домике на краю деревни. Умерла в 1954 году, похоронена на кладбище в с. Пияла.

Детство и юность младшего сына Анны, Виктора Фёдоровича Турыгина, проходило в д. Хачела. Бывал ли он на родине своей матери в д. Пешальме, мне не известно, но думаю что бывал. До Великой Отечественной войны он работал сменным механиком в Караминском лесопункте. Призван на службу в действующую армию 22.09.1939 г. Погиб 25.11.1942 г. в Сталинградской области в д. Мачково.

Третья дочь Павла Дмитриевна, вышла замуж за крестьянина д. Кялованга, Перина Стефана Васильевича. Об этом имеется запись из метрической книги Пияльского прихода.

*Метрика о бракосочетании*²⁹

*28.01.1907 года. Архангельской губернии, Онежского уезда, Мардинской волости, Пияльского общества, Кяловангской деревни крестьянин **Стефан Васильев Перин**, православного вероисповедания, первым браком, 20 лет.*

*Архангельской губернии, Онежского уезда, Прилуцкой волости, Клецевского общества, Пешалимской деревни крестьянка **Павла Дмитриева Турыгина**, православного вероисповедания, первым браком, 19 лет.*

Поручители: по жениху:

Архангельской губернии, Онежского уезда, Мардинской волост, Пияльского общества, Кяловангской деревни, крестьяне Дмитрий Иосифов Перин и Петр Максимов Перин.

Поручители: по невесте:

Архангельской губернии, Онежского уезда, Мардинской волости, Пияльского общества, крестьяне: Хачельской деревни, Александр Яковлев Кузьмин и Погостской деревни, Дмитрий Сергеевич Иконников.

В этом браке Павла и Стефан прожили полтора года, Стефан умер 25.08.1908 г.³⁰ от чахотки. Детей вероятно у них не было, т.к. ни каких сведений об этом не имеется, ни в документах, ни в воспоминаниях потомков. Как мне кажется, даже дочь Павлы от второго брака, не знала о том, что мать её прежде была замужем.

Где проживала Павла Дмитриевна после смерти первого мужа, не известно. Вполне возможно, что, не имея детей, она могла перебраться

²⁹ АОАМО «ОМР» Ф.222.Оп.1.Д.18.ЛЛ.30об.-31.

³⁰ там же ЛЛ.107об.-108.

жить в Пешальму к родителям. Как бы то ни было, но спустя полтора года, она вышла замуж во второй раз. Об этом так же имеется соответствующая запись из метрической книги Чекуевского прихода (см. далее раздел Дятловы).

О семье Павлы Дмитриевны, муже и детях от второго брака, будет рассказано после описания второго коренного рода д. Пешельма – семей Сухановых.

Младшая дочь Дмитрия Александровича Турыгина – Ольга Дмитриевна, вышла замуж за Василия Киприяновича Сыродубова из д. Пияла (Погоская), о чём имеется запись из метрической книги Пияльского прихода.

Метрика о бракосочетании³¹

*23 января 1909 года крестьянина Онежского уезда, Пияльской волости и общества, Погостской деревни, **Василия Киприановича Сыродубова** и крестьянской девицы того же уезда, Прилуцкой волости, Клещевского общества, Пешалимской деревни, **Ольги Дмитриевны Турыгиной**, оба православного вероисповедания и первым браком. Жениху от роду 21 год, невесте - 16 лет.*

Поручители: по жениху:

Онежского уезда крестьяне: Мардинской волости, Чекуевского общества, Кузьминской деревни, Сергей Иванович Пономарев и Пияльской волости и общества, Погостской деревни, Иоанн Киприанович Сыродубов.

Поручители по невесте:

Онежского уезда крестьяне: Мардинской волости, Вазенского общества, Абакумовской деревни, Киприан Максимович Попов и Пияльской волости и общества, Погостской деревни, Николай Иосифович Черноусов.

В этом браке у Ольги Дмитриевны, 13.12.1911 г. родился сын Даниил. Крещён 13.12.1911 г., восприемником (крёстным отцом), был брат Ольги – Пётр Дмитриевич Турыгин.³²

Даниил, родившийся в д. Пияла, где прошли его детские годы, уже носил фамилию отца – Сыродубов. Будучи взрослым, он частенько приезжал в родную деревню. Ещё бы, для деревни это было событие, актёр приехал. Он по профессии был театральным актёром, работал в театрах Северодвинска, Владимира, Воронежа.

³¹ ГААО Ф.29.Оп.39.Д.866.ЛЛ.529об.-530.

³² ГААО Ф.29.Оп.39.Д.975.ЛЛ.250об.-251.

СУХАНОВЫ

Значение фамилии Суханов, вероятно, восходит к некалендарному имени Сухан. В древнерусском языке *сухой*, *сухий* – тощий, сухой, иссохший от болезни. В говорах *сухой* – худой, чахлый, тощий, поджарый. [Кюршунова И.А. С.522-523.]

Когда Сухановы появились в деревне, на данном этапе исследований, не установлено. Поэтому за исходные данные возьмём Подворную опись Посадной волости 1866 года. Здесь имеются упоминания всего на две семьи.

Поколенная роспись 1 семьи

	<i>Поколение 1</i>
1.1	Елизар N Суханов
	<i>Поколение 2</i>
2.1/1.1	Панкратий Елизарович (*+до 1897) жена: Анастасия Афанасьевна (1841+*)
	<i>Поколение 3</i>
3.1/2.1	Иван Панкратович (1869+*) жена: Анастасия Васильевна (1876+*)

Вполне возможно, что Елизар из 1-й семьи, и Андрей из 2-й (поколение 1), являются братьями, но это на данный момент не установлено. По второй семье, информация частично найдена, поэтому дальнейшее повествование, уделим этому семейству.

Поколенная роспись 2 семьи

	<i>Поколение 1</i>
1.1	Андрей N Суханов (*+*)
	<i>Поколение 2</i>
2.1/1.1	Иван Андреевич (1840+*) жена: Анна Афанасьевна (1842+*)
2.2/1.1	Андрей Андреевич (1842+*) жена: Вера Ивановна (1860+*)
	<i>Поколение 3</i>
3.1/2.1	Павел Иванович (*+около 1897) жена: Параскева Николаевна (1869+*)
3.2/2.1	Иван Иванович (1869+*) жена: Анна Григорьевна Барашнина (1875+26.12.1961)
3.3/2.1	Пелагия Ивановна (1877+*)
3.4/2.1	Семён Иванович (1879+*)

3.5/2.2	Иван Андреевич (1881+*)
3.6/2.2	Михаил Андреевич (1884+*)
3.7/2.2	Антонина Андреевна (1886+*)
	<i>Поколение 4</i>
4.1/3.1	Фёдор Павлович (1895+*) жена: Анастасия Ивановна (1907+*)
4.2/3.2	Григорий Иванович (21.09.1903+21.04.1991) жена: Зинаида Ивановна (*+*)
4.3/3.2	Федосья Ивановна (*+*)
4.4/3.2	Антонида Ивановна (1912+*)
4.5/3.2	Татьяна Ивановна (1916+*) муж: Андрей Иванович Митусов (1914+*)
	<i>Поколение 5</i>
5.1/4.1	Леонид Фёдорович, 1931 г.р.
5.2/4.1	Валентин Фёдорович, 1933 г.р.
5.3/4.1	Иван Фёдорович, г.р. неизв.
5.4/4.1	Нина Фёдоровна, 28.09.1931 г.р.
5.5/4.1	Зинаида Фёдоровна, 15.06.1939 г.р.
5.6/4.2	Фаина Григорьевна, 1929 г.р.
5.7/4.2	Гелий Григорьевич, 1936 г.р.

Рассматривая материалы переписи 1897 г., можно предположить, что Суханов Иван Андреевич и Суханов Андрей Андреевич были родные братья. Очевидно, про эти два двора и упоминает Г.И. Суханов в своих записях.³³

Среди членов семьи Сухановых упоминается Иван Иванович Суханов, 1869 г.р.

Иван Иванович, был коренным жителем деревни. Женился в начале XX века на крестьянке из соседней деревни Клещёво Анне Григорьевне Барашниной. В 1903 году появился на свет первенец – сын, назвали Григорием.

Григория мать родила в поле во время жатвы, 21 сентября. Пуповину отрезала серпом, завернула ребёнка в юбку, и продолжила работу. Дожав полосу, принесла ребёнка домой, затопила баню, вымылась сама и намыла новорожденного³⁴. Затем в семье родились три дочери: Федосья, Антонина и Татьяна.

Старшие дочери выросли, и уехали из родительского гнезда. В деревне вместе с матерью, примерно до 1939 г., проживала младшая дочь Татьяна со своей семьёй. Выйдя замуж, она носила уже другую фамилию – Митусова.

³³ «... В двух домах жили мои предки Сухановы...»

³⁴ Записано со слов дочери Г.И. Суханова, Фаины Григорьевны Масюта (Сухановой), в 2011 г.

Слева направо: Евгений – сын Татьяны, Татьяна Ивановна, в центре Анна Григорьевна Суханова, Федосья Ивановна, Людмила – дочь Антонины, стоит Антонина Ивановна,

После революции, в гражданскую войну, Иван Иванович ушёл с красными частями, вполне возможно, что в 1918 г. вступил в Онежский партизанский отряд. Известий от него долго время не было. Однажды соседи как-то осторожно сказали Анна: «А ведь беляки-то твоего посадили». Побледнела мать, сына в Клещёво послала: «Сходи, проведай, где там отец-то».

Ходил Григорий, в штабе белых с русским и английским офицерами разговаривал. Хотя какой разговор – допрашивали его с пристрастием: кто бывал дома из красных да есть ли, припрятана ли какая литература у отца. Нет, никто не был, ничего не припрятано, отвечал Григорий. А литература-то, впрочем, дома водилась: газета «Беднота», журналы, в которых он любил читать стихи Демьяна Бедного.

С отцом не дали свидеться. После его в Архангельск, сказывали, отправили. Судили. По приговору интервентов он был осуждён на бессрочную каторгу и отправлен на остров Мудьюг. А это верная смерть.

Мудьюгский концентрационный лагерь был создан интервентами на острове Мудьюг в Белом море 23 августа 1918 года, как лагерь для военнопленных. Со 2 июня 1919 года использовался белогвардейским

правительством Северной области как ссыльно-каторжная тюрьма. В результате установившегося на острове невыносимого режима пыток 15 сентября 1919 года в лагере вспыхнуло восстание.

Список заключённых, бежавших с о. Мудьюг 15.09.1919³⁵

В отсутствие коменданта лагеря, заключённые частично разоружили охрану и попытались захватить комендатуру, но были отбиты огнём. 53 человека сумели прорвать проволоку и под пулемётным огнём с маяка Чёрной башни добрались до берега Сухого моря (пролив, отделяющий остров от материка), где захватили баркасы местных рыбаков и бежали на материк. Среди бежавших был и Иван Иванович Суханов. Вслед затем беглецы разделились на две группы: одна пошла в сторону Архангельска и погибла, вторая группа в составе 32 человек двинулась на Пинегу и, пройдя 300 километров, вышла в расположение красных войск. Далее Иван Иванович воевал в красных частях на Пинеге, там же вступил в партию большевиков.

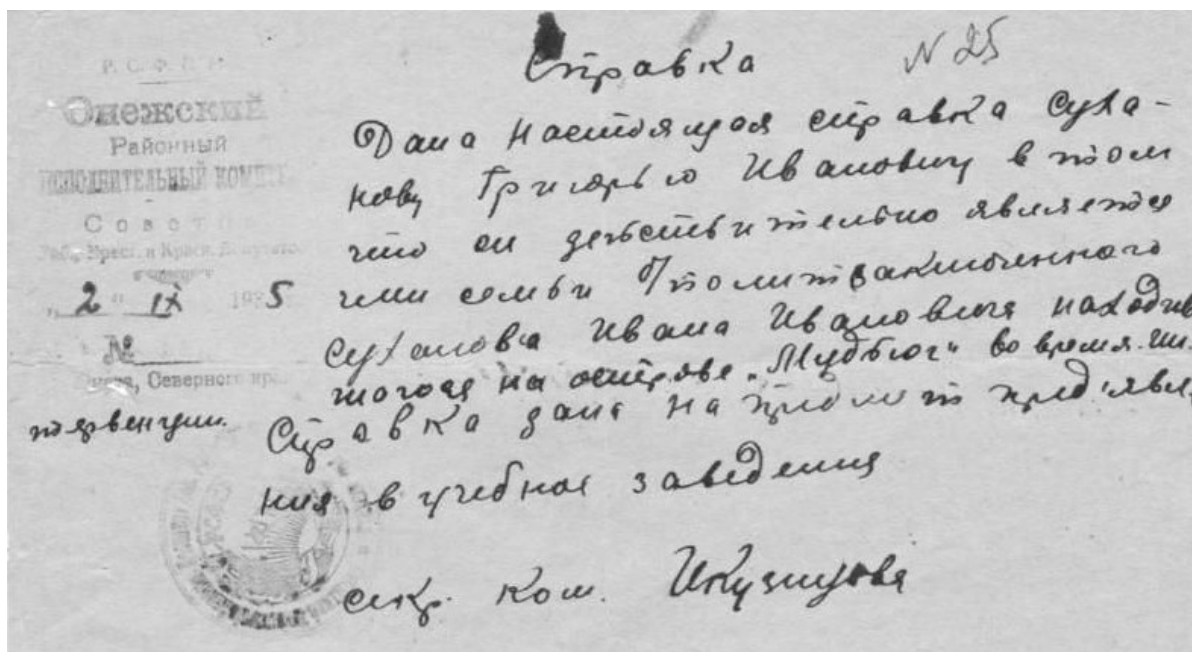
Знала ли об этом его семья, не известно. Но надеялись и ждали, ждал и Григорий, частенько выходя на улицу, и вглядываясь вдаль, на дорогу, что шла через их деревню.

*... Гриша вздохнул и повернулся, чтобы в избу идти. И вдруг понял, что уже давно видит на дороге лошадь, сани-розвальни. Сейчас упряжка круто повернула у их дому. В розвальнях сидит незнакомый человек в красноармейской шинели ... Нет, знакомый же! Отец...*³⁶

Среди документов Григория Ивановича Суханова, находящихся в фондах Онежского историко-мемориального музея, имеется справка, подтверждающая, что его отец был политзаключённым на острове Мудьюг.

³⁵ http://dvinovaje.ru/load/stati_ob_intervencii/mudjugskij_koncentracionnyj_lager/7-1-0-48 [электронный ресурс] - здесь ошибочно указана фамилия Сухалов.

³⁶ Кобычев В.В. Великое начало. Советская Онега. 24.02.1976 (23).

Жизнь продолжалась. Григорий Иванович до 1923 г. работал в хозяйстве отца. Детские годы, как и у всей деревенской детворы, проходили в деревне. Приходилось помогать родителям по хозяйству. Однако пришло время, когда нужно было думать и об учёбе.

Три года он учился в Клещёво, в церковно-приходской школе, а затем ещё в Прилуках окончил два класса. В итоге получилось пять лет, что по тем временам являлось приличным образованием. Однако дальше учиться не получилось, в семье были ещё младшие сёстры, поэтому основным занятием была помощь по домашнему хозяйству, где он и проработал до 1923 года.

Затем, переехав в Онегу, Григорий Иванович поступил на лесозавод №32 пильщиком. На заводе его приняли в комсомол, и сразу же избрали секретарём комсомольской ячейки. Время было такое, комсомольцев по пальцам можно было сосчитать, да и грамотных среди них было немного. Но жизнь организации была ключом. Политграмоту учили по учебнику Коваленко. Григорий Суханов вёл эти занятия. Активно заявляла о себе клубная самодеятельность.

Так постепенно бывшие крестьянские ребята, не видевшие прежде жизни дальше скудородной полоски пашни, стали хозяевами большого производства и, главное, почувствовали себя коллективом созидателей. Классовая солидарность проявлялась во всём. В клубе готовится постановка, затем приглашают семьи лучших рабочих. Семейный вечер. После пьесы – так называемая кадрили. Танцы, если по-нынешнему.

В 1925 году Григорий Иванович вступает в члены ВКП (б). В 1926 г. его избирают в местком «Руснорвеголес», на должность секретаря, затем на должность председателя.

В 1929 г. направлен председателем РКИ Чекуевского района, а затем избран на должность председателя контрольной комиссии ВКП (б) в г. Тотьме.

После окончания курсов марксизма-ленинизма при Севкрайкоме партии, избирается секретарем партбюро.

В июне 1941 г. призван в Красную Армию – политрук, парторг полка. За боевые заслуги награждён двумя орденами: «Красной Звезды», «Отечественной войны» 2 ст.; медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией», «За взятие Вены».

Войну Григорий Иванович закончил в Венгрии в звании капитана. Среди его дневниковых записей, обнаружались заметки о некоторых днях войны, и почтовая карточка, на которой было написано письмо родным.

Фронтное письмо Г.И. Суханова.

25.01.1942 г., полевая почта №475 – 15.02.1942 г., Онега

*Здравствуй Зина.
Привет тебе, Фане и Гелику.
Сегодня день у меня и других наших хороший. Правда, с утра крепко морозило -32°, но это не снижало нашего бодрого настроения. Ещё вчера мы узнали, что сегодня нам будет вручён в торжественной обстановке орден Красного Знамени.*

Вчера вечером и всю ночь писали лозунги, брились, подстригались, подшивали чистенькие воротнички – в общем, приводили себя в образцовый порядок, а с утра у всех уже праздничное настроение. Улицы наши подчищены, всё блестит: зимнее солнце, белый снег, сосны и ели, усыпанные инеем, тоже выглядят нарядно.

И вот перед шеренгами проходит командование и представители Военного Совета – гремит оркестр, читают указ Президиума Верховного Совета, и командиру нашей части вручается знамя с орденом Красного Знамени. Эти минуты замечаемы, и не забудутся.

Сегодня к нашей радости прибавилась ещё одна – это то, что немецких захватчиков гонят, и наши войска захватили семь новых городов. Днём, после митинга, и вечером, участники митинга слушали и смотрели два концерта. Всё это радует, но исключительную радость доставило – подарок, который я получил сегодня вместе с некоторыми командирами и бойцами – от имени Родины матери за хорошую службу. Там заботливо кто-то из вас родные наши, положил сухариков белых, сахару, папирос, кисетик под табак и с табаком! Носочки шёлковые, два

носовых платочка, один из них вышит словами: «Будь героем». Три конверта и бумага для письма. Как вещи, всё это недорого стоит, но как подарок – за это большое спасибо. О нас, видно, что заботятся, и за это мы платим своей решимостью, уничтожить лютого врага, а мы его уничтожим, что показываем на деле.

Зина я очень доволен действием Райвоенкомата и Военкому – кто он, не знаю, передай мою командирскую благодарность за заботу и человеческий подход к вам. Аттестат, если ещё не получили, то при получении справки будет выслан новый. Сейчас уже после полуночи два часа, но я не уснул, все ещё думаю о прошедшем дне, и пишу свои мысли в письме. День сегодня как видишь, не плохой – вот мы как бывает, живем.

Целую крепко и обнимаю тебя и ребят.

Твой Гриша.

21 января 1942 г.

После Великой Отечественной войны, вернулся в Онегу, и был избран председателем Онежского райисполкома. Затем работал зав. отделом редакции газеты «Советская Онега», председателем комиссии партийного контроля при Онежском горкоме КПСС.

В 1967 г. вышел на пенсию, но продолжал заниматься общественной работой.

В 1980 г. Григорию Ивановичу Суханову, присвоено звание «Почётный гражданин города Онеги».

Умер 21 апреля 1991 г., похоронен в г. Онега.

ДЯТЛОВЫ

Семья Дятловых, появилась в деревне, в январе 1910 года. Павла Дмитриевна Перина, в девичестве Турыгина, в этот период была уже вдовой. Вторым её мужем, стал крестьянин Владимирской губернии Дмитрий Акимович Дятлов. Каким же путём, крестьянин из средней полосы России оказался в Онежском уезде? Как свидетельствуют воспоминания его дочерей, он пришёл сюда с каким-то торговым обозом, который принадлежал купцам из Владимирской губернии. Вполне вероятно, что не раз и не два эти обозы с товарами приходили на Онежскую землю. По крайней мере, сведения о торговых операциях Владимирских «купцов» описывались в газете «Архангельск» за 1908 год.

Лицами Владимирской губернии в нашем уезде ведутся крупные торговые операции. Местное население они снабжают косами-горбушами, серпами, топорами, вилами и пр. мелкими

сельскохозяйственными принадлежностями, без которых не может обойтись ни большое, ни малое хозяйство. Весь этот инвентарь, а особенно горбуши, коммерсанты охотно отпускают в кредит. Насколько в этом направлении у них развита торговля, можно судить хотя бы потому, что в одной Мардинской волости одних только горбуш роздано в кредит более чем на три тысячи руб. Продажа означенных вещей сопряжена с громадными расходами, каковые всецело, конечно отражаются на кармане потребителя.

Обыкновенно артели мелких агентов человек в десять, объезжают в течение года несколько раз те районы, где товар роздан в кредит. Каждый из таких агентов получает от хозяина 60-100 руб. на зиму и осень. Кредит собирается осенью и зимой, а косы раздаются весной и летом.

Кроме того хозяину нужно оплатить подводы, квартиры, харчи и пр. расход вызываемые агентами. Вот почему коса-горбуша, которая по уверению компетентных лиц, с выпискою из-за границы обходится 40-50 коп. здесь продаётся от 1 р. 10 к. до 1 р. 30 к.

Нам кажется, что если бы волостное правление начали бы выписывать непосредственно из первых рук косы, то тогда бы представилась возможность снабжать крестьян сельскохозяйственным инвентарём по более дешёвой цене.

В тех земских губерниях, где имеются собственные земские сельскохозяйственные склады, деятельность «косников» давным-давно сокращена до минимума, так как земские управы при посредстве волостных правлений обеспечивают население сельскохозяйственными вещами по пониженным ценам. Точно так же мне хорошо известно, что некоторые из волостных правлений центральных губерний, например Орловской, занимаются торговлей кос совершенно самостоятельно, причём с ними не только бессильны конкурировать частные лица, но даже иногда и земские склады. Волостные правления указанной губернии оперирую на следующих условиях: 1). получают косы из-за границы в кредит; 2). если косы будут забракованы, то таковые отправляются обратно за счёт фабрики; 3). оставшиеся не проданными косы могут быть отосланы обратно; 4). население получает косы в кредит; 5). косы выписываются самые подходящие, о чём волостные правления осведомляются при помощи сходов; 6). косы продаются за наличные деньги и в кредит по заготовочной цене с незначительно. надбавкою на канцелярские расходы.

Где и как пересеклись пути Павлы Дмитриевны и Дмитрия Акимовича, не известно. Может быть, приглянулась она ему в своей деревне, когда торговый обоз проходил через неё, а может быть встретились они на ярмарке в Мардинской волости, т.к. венчались они в церкви Чекуевского прихода, о чём и гласит выписка из метрической

книги, которая была приведена выше в описании семьи Турыгиных (стр.118).

*Метрика о бракосочетании*³⁷

*11.01.1910 года. Крестьянин Владимирской губернии, Судогодского уезда, Милиновской волости, села Картмазово **Дмитрий Акимов Дятлов**, православного вероисповедания, первым браком, 24 лет.*

*Крестьянская вдова Онежского уезда, Пияльской волости и общества, деревни Кяловангской **Павла Димитриева Перина**, православного вероисповедания, вторым браком, 22 года.*

Поручители по жениху:

*Крестьяне Владимирской губернии, Судогодского уезда, Авдотьинской волости, деревни Авдотьино **Матвей Васильев Краснов**, и той же деревни **Иван Никитин Егоров**.*

Поручители по невесте:

*Крестьяне Пияльской волости, деревни Пияла **Василий Киприянов Сыродубов** и Чекуевского общества, деревни Козминской **Сергей Иванов Пономарев**.*

Первым ребёнком в семье, вероятнее всего, была дочь Зинаида. Точных сведений о её рождении в архивах пока не нашлось. Первоначально в паспорте у неё стояла дата рождения октябрь 1910 г., затем поставили дату 1 октября, которую в семье и стали считать датой её рождения.

Затем, согласно краткого ответа из ГААО³⁸, выяснилось, что в семье было ещё трое детей.

*По документам архивного фонда Архангельской духовной консистории в метрических книгах Клещевского прихода Онежского уезда Архангельской губернии имеются сведения о рождении в 1911 году дочери **Елизаветы**, в 1913 году сына **Михаила** у крестьянина села Картамазово Малиновской волости Судогодского уезда Владимирской губернии **Димитрия Иоакимовича** (имя, отчество так в документе) Дятлова и законной жены его **Павлы Димитриевны**.*

*В метрических книгах имеются сведения о смерти в 1917 году дочери крестьянина села Картамазово Малиновской волости Судогодского уезда Владимирской губернии **Димитрия Иоакимовича** (имя, отчество так в документе) Дятлова - **Соломонии**, 2 ½ лет.*

³⁷ АОАМО «ОМР» Ф.222.Оп.1.Д.19.ЛЛ.178об.-179.

³⁸ ГААО. Архивная справка №3734 от 21.12.2012.

Ироида, его дочь от второго брака, в своих воспоминаниях о сводных братьях и сёстрах упоминала только Михаила, который умер в младенчестве, и Зинаиду, которая прожила 92 года. Об остальных, Елизавете и Соломонии, вероятно, она просто даже и не слышала.

В метрических книгах Онежского Собора за 1912 г., была обнаружена запись о смерти Елизаветы.

*Метрика о смерти*³⁹

03.04.1912 года. Крестьянина Владимирской губернии, Судогодского уезда, Милиновской волости Дмитрия Акимовича Дятлова дочери Елизаветы, 6 месяцев. От родимца.

Судя по тому, что эта запись сделана в метрических книгах Онежского Собора. Павла Дмитриевна, умерла в 1915 г., что так же подтверждается записью из метрической книги, но уже Клещевского прихода. Следовательно, можно предположить, что семья периодически проживала, то в Пешельме, то в Онеге.

*Метрика о смерти*⁴⁰

В метрических книгах «Клещевского прихода», имеются сведения о смерти 23 ноября 1915 года крестьянской жены села Кортмазова Милиновской волости Судогодского уезда Владимирской губернии Павлы Дмитриевны Дятловой, 27 лет, «от чахотки». Погребена 25 ноября 1915 года.

Исходя из выше сказанного, я установил, что по состоянию на 1918 год, в семье Дмитрия Акимовича осталась только одна дочь Зинаида.

После смерти матери, она воспитывалась у бабушки и дедушки – Параскевы Ивановны и Дмитрия Александровича Турыгиных и всё своё детство провела в Пешельме. Где и чем занимался её отец с 1915 по 1919 гг., не известно.

В семейном архиве Зинаиды Дмитриевны сохранилась единственная фотография, на которой кроме её родителей Павлы Дмитриевны и Дмитрия Акимовича, присутствуют родной дядя Пётр Дмитриевич Турыгин, и вероятно сестра Соломония, которая сидит на руках у отца. На вид, маленькому ребёнку не более года. Если учесть, что Соломония умерла в 1917 году в возрасте 2 ½ лет, то год её рождения вероятно 1914. Следовательно, фотография датируется примерно первой половиной или

³⁹ АОАМО «ОМР» Ф.222.Оп.1.Д.10.ЛЛ.343об.-344.

⁴⁰ ГААО. Ф.29.Оп.39.Д.536.ЛЛ.250об.-251.

серединой 1915 года, т.к. Павла Дмитриевна была ещё жива, да и Зинаиде здесь на вид около 4 лет.

стоит: Турыгин Пётр Дмитриевич
сидят: Дятлова (Турыгина) Павла Дмитриевна; её дочь Зинаида; её
муж Дятлов Дмитрий Акимович; на руках у мужа вероятно дочь
Соломония

После Октябрьской революции 1917 года, Дмитрий Акимович Дятлов, примкнул к большевикам. Отсюда можно сделать вывод, что был он из простых крестьян, и богатства не имел. Однако, кто его знает, как было на самом деле. Детские воспоминания его дочери Зинаиды, сохранили у неё в памяти такой факт. Однажды родители ездили на родину отца во Владимирскую губернию, вероятнее всего это было в период 1914-1915 гг., когда Зинаиде было около 5 лет. Вернувшись из поездки, Павла Дмитриевна достала из кармана жилетки золотые часы на цепочке, которые были достаточно дорогие для простой крестьянки. Может быть,

это был подарок Владимирских родственников, и их семья была достаточно богатой, про это ничего не известно. А, как известно, младший брат Дмитрия Акимовича – Иван, тоже в своё время был здесь в Онежском уезде, всё с теми же купеческими обозами. Кто его знает, может и разбогател Иван, что был в состоянии сделать такой дорогой подарок...

Зинаида, дочь Дмитрия Акимовича от первого брака вышла замуж в 1932 г. за жителя д. Погостище Маркелова Александра Ивановича, и перешла жить к нему. В дальнейшем семья Маркеловых переехала в д. Хачела, куда перевезли из Пешельмы дом деда Зинаиды – Турыгина Дмитрия Александровича. В Хачеле Зинаида Дмитриевна работала в совхозе телятницей. В конце 1970-х годов вместе с семьей переехала в Онегу, к этому времени она была уже на пенсии.

Умерла 04.10.2002 г., в г. Онеге. *(фото 1930-х годов)*

С приходом в 1918 г. на Онежскую землю интервентов, многие сочувствующие большевикам, вступили в Красную Армию. Кто-то вступил в Онежский партизанский отряд, создателем и первым командиром которого, был большевик из Подпорожской волости Онежского уезда – Пётр Алексеевич Попов. Этот отряд был создан 31 июля 1918 года, а 11 сентября 1919 г. был сформирован второй Онежский партизанский отряд под командованием П.А. Каменева.

Вступил в партизанский отряд и Дмитрий Акимович. Вместе с ним, в списках первых партизан, упоминается и его младший брат Иван. Вопрос о том, когда они вступили в отряд, требует отдельного расследования, т.к. по данным статьи бывшего красноармейца 159-го стрелкового полка А.П. Ляпунова, Дмитрий и Иван отнесены им к жителям г. Онеги, что вполне может быть. Однако есть и другие сведения, которые приводятся в материалах Архангельского областного партийного архива.

Из протокола № 7 членов и сочувствующих Кирилловской организации, от 18/III-1919 г.

Считая создание партизанского отряда необходимым, в отряд записались т.т. Уловский Петр, Чухарев Николай, Похвалин Андрей, Окунев Петр, Дятлов Дмитрий, Пантелеев Николай.⁴¹

Из протокола собрания Кирилловской парт организации от 21/III-1919 г. Постановление. Записавшимся в партизанский отряд остаться на своём посту. Эти записавшиеся 6 членов партии – сотрудники комиссариата.⁴²

⁴¹ АОПА. Ф.6.Оп.1.Д.13.Л.17

⁴² там же Л.21

С партизанским отрядом Дмитрий Акимович прошёл не один десяток километров. Тогда и встретил он свою будущую (вторую) жену Александру Дмитриевну Орлову, которая жила в д. Заозерье Городецкой волости. Она была младше Дмитрия на 15 лет. Ещё в молодые годы, Александра с подружками гадала на золотом кольце на своего «суженого-раженого». И привиделся ей какой-то мужчина в возрасте, намного старше её. Так оно и вышло. Отец её, не дал ей согласия выйти замуж за молодого парня (вероятно у неё был какой-то кавалер), а заставил выйти за пожилого. В результате чего был зарегистрирован брак Дмитрия и Александры.

Бракосочетание состоялось 12 октября 1919 года. В метрической книге Посадного ВИКа, за 1919 г., об этом сделана соответствующая запись. В этой же записи указано, что Александра Дмитриевна Орлова – сотрудник военного комиссариата, но вероятно эта должность относится к Дмитрию Акимовичу.

Имя, отчество и прозвание лица, подвергшихся суду.	Когда состоялось решение и каково судебного места.	Какому именно высказано постановление по судебному решению.	Имя, отчество и прозвание лица, подвергшихся суду.	Когда состоялось решение и каково судебного места.	Какому именно высказано постановление по судебному решению.
гед. елсага тина дактиленд Брана	Мина Крайинин и реб дактиленд Земляч и Кивейтис	Аксето Кримельде Земляч и Кивейтис	гед елсага и тина роидени Земляч и Кивейтис	Винемин Копоненни Мелюла ирива (халовт, ед раздуде)	Крайинин Копоненни Мелюла Брануе
139 1919 г. 12 октября	Земляч Дмитрий Акимович Литин Кивейтис Александра Ситт Орлова Сотрудник Военного Комиссариата	Земляч Владимир Сорокогоден Минилов д. с. Кортма Кивейтис сестра Кивейтис д. с. Заозерье	Земляч род. в 1882 г. 12 октября Кивейтис род. в 1900 г. 12 мая	Земляч Сед Кивейтис д. с. Заозерье	Литин
Заявление о divorce Свадебный Присудитель Заведать Делов	Заявление о divorce Свадебный Присудитель Заведать Делов	Заявление о divorce Свадебный Присудитель Заведать Делов	Заявление о divorce Свадебный Присудитель Заведать Делов	Заявление о divorce Свадебный Присудитель Заведать Делов	Заявление о divorce Свадебный Присудитель Заведать Делов

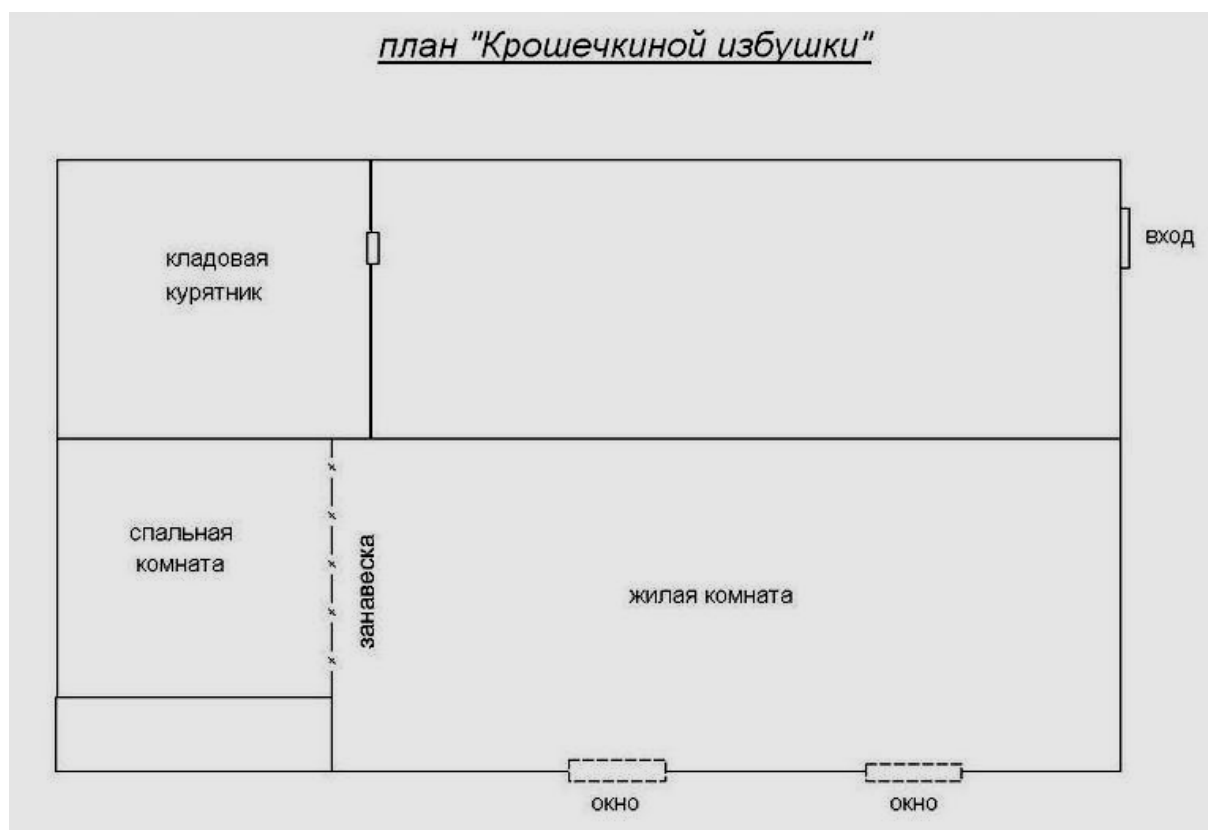
Фотокопия метрической книги Посадного ВИК за 1919 г.⁴³

После нового брака, Дмитрий Акимович с новой женой вернулся в Пешельму. Своего дома у него не было, а жить в семье Дмитрия Александровича Турыгина, где воспитывалась Зинаида, его дочь от первого брака, очевидно, он не захотел, поэтому поселился в маленьком домике на краю деревни.

⁴³ Из фондов музея Ярнемской средней школы

Первая дочь от второго брака, Мария, родилась в 1921 году, но, умерла через день после рождения. В 1922 году родился Леонид, крёстным отцом у него стал Григорий Иванович Суханов. В 1924 году родилась Ироида, у неё крёстной матерью стала Федосья Григорьевна Суханова.

Дмитрий Акимович в период 1920-х годов работал в структурах управления Онежским уездом, был членом РКП, о чём свидетельствуют документы того времени. В протоколе VI Онежской уездной конференции РКП от 25-27/XI-1921 г. Дятлов Д.А. числится в составе мандатной комиссии.⁴⁴ В 1922 г. он уже числится в числе кандидатов в состав Онежского уездисполкома.⁴⁵ Дома в деревне он находился редко, все заботы о воспитании детей приходилось нести Александре Дмитриевне. Жили они как прежде в маленьком домике, который дети называли «крошечкина избушка».

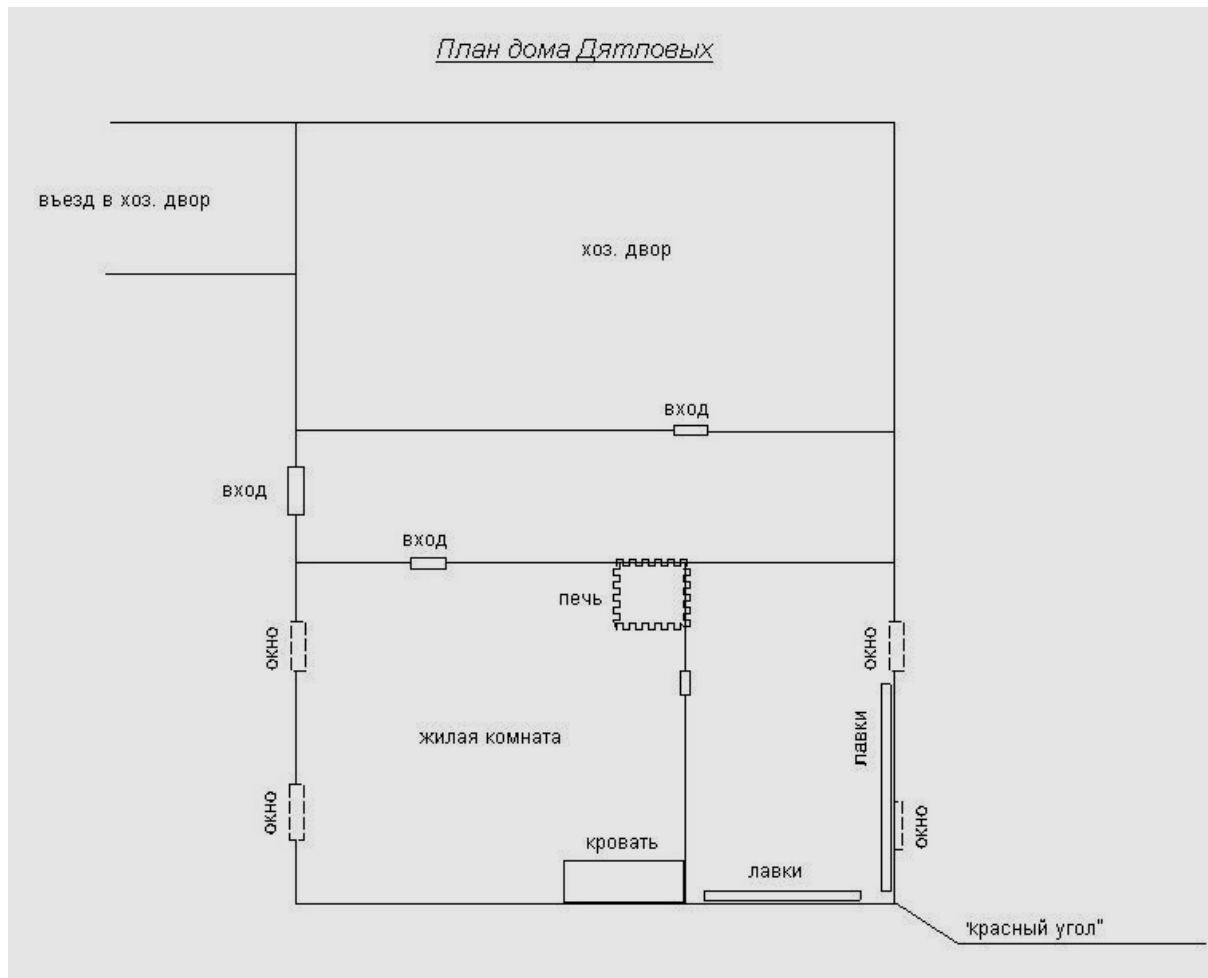
В избушке была одна комната и коридор, в котором была кладовка, где жили куры. И вот однажды ночью, когда все спали, а там были тогда Ироида, Леонид, и их мать Александра, они услышали в доме шаги чьи-то. Дверь была на запоре. Утром они увидели на полу следы, напоминающие собачьи, а выйдя в коридор, и заглянув в кладовку, они увидели, что все куры лежат на полу в ряд со свёрнутыми головами, а прямо на их шеях

⁴⁴ АОПА.Ф.6.Оп.1.Д.137

⁴⁵ там же Ф.1.Оп.1.Д.685.Л.12

лежит рукоятка «копорули⁴⁶». Что за животное это было, так и осталось загадкой...

Вскоре построили новый дом. Дом был одноэтажный, с большим жилым помещением и хозяйственным двором, куда вёл большой въезд. Во дворе держали скотину и запас сена на зиму.

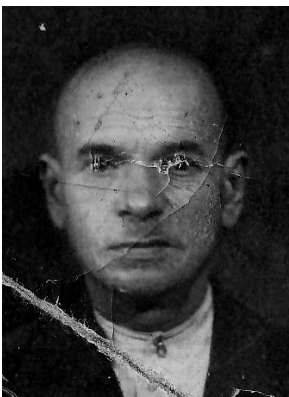

Дмитрий Акимович, продолжал ездить по уезду. Александра Дмитриевна с детьми, по-прежнему оставалась в деревне, вела домашние дела, работала на подсобном хозяйстве. Когда она уходила на пожню, маленьких детей запирали в доме. Дети вели себя неоднозначно. От нечего делать они выкидывали в окно игрушки, одежду и крынки. Бывало, выкидывали даже кочергу и самоварную трубу. Зачем? Неизвестно! Надо же было чем-то заняться детям, когда их оставляют одних. В 1927 году родился Владимир, в 1929 – Анатолий.

В 1930 году, семья Дмитрия Акимовича Дятлова, переехала на жительство в д. Погостище, что находилась неподалёку от с. Прилуки. Таким образом, после 1930 года, в деревне Пешельма, снова остались семьи двух фамилий Сухановых и Турыгиных.

⁴⁶ «копоруля» – это старое название тяпки, для окучивания картошки.

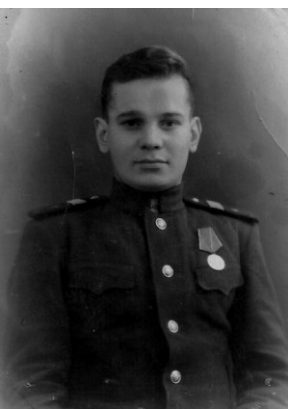
Кратко расскажу о дальнейшей судьбе членов семьи Дятловых, которые жили и родились в Пешельме. На новом месте жительства, в д. Погостище, Дмитрию Акимовичу дали квартиру в двухэтажном доме, который частично был реквизирован у зажиточных крестьян – кулаков. Квартира находилась на втором этаже, на первом жили раскулаченные хозяева, и располагались детские ясли. Позже, в 1931 г. там же в Погостище семья купила двухэтажный дом. Дмитрий Акимович всё так же занимался поездками по уезду, как думаю, так же входил в число лиц занимающихся раскулачиванием зажиточных крестьян. Старшие дети подрастали, рождались новые. Из тех, кто родился в Пешельме, двое умерли, Владимир – в 1932 г., Анатолий – в 1936 г.

В 1933 году Дмитрия Акимовича перевели на работу в «ГОРТ» – это какая-то торговая организация в г. Онега. Сюда же переехала и вся семья. Первоначально, по приезду, жили во втором этаже дома на углу пр. Кирова и ул. Победы (здание сгорело в 2008 г.). Затем перевезли (сплавили по реке) свой дом из Погостища, поставили только первый этаж, второй же был пущен на дрова. Этот дом стоит и сегодня (2016 г.) на пр. Октябрьский д. 93. Умер 09.12.1952 г., в г. Онеге. *(фото 1930-х годов)*

Вторая жена Дмитрия Акимовича – Александра Дмитриевна, имевшая образование 2 класса церковно-приходской школы, в Онеге стала работать продавцом в том же «ГОРТ», далее Торгмортрансе, затем в Торге. Продолжала так же поднимать на ноги сначала детей, затем внуков. Была строгой, но справедливой женщиной. Умерла 08.07.1965 г., в г. Онеге. *(фото 1940-50-х годов)*

Леонид Дмитриевич в 1940 году окончил 10 классов Онежской средней школы №1. 15 сентября 1940 г. был призван на службу в армию. В период Великой Отечественной войны был на Карельском фронте. В 1944 г. был направлен на учёбу в Ленинградскую авиационно-техническую академию, которую окончил в 1950 г. Дальнейшую службу проходил в в/ч 29139 в г. Капустин Яр, Астраханской обл. в Северо-Кавказском военном округе до 1972 г. в 1972 г. вышел в отставку в звании инженера-

полковника, и с этого года постоянно проживал в г. Волгограде. С 1974 по 1986 гг. работал в СКБ медицинского оборудования.

За участие в Великой Отечественной войне был награждён орденами: Красной Звезды, Отечественной войны II степени, тремя медалями «За боевые заслуги», медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», множественными юбилейными медалями.

Умер 26.12.1986 г., в г. Волгограде. *(фото 1940-х годов)*

Ироида Дмитриевна в 1932 г. пошла в первый класс Прилукской начальной школы, продолжила учёбу в средней школе №1 г. Онеги. В ноябре 1939 г. вступила в ряды комсомола. В 1943 г. окончила 10 классов.

Трудовую деятельность начала с августа 1943 г. в Онежском райисполкоме в должности плановика-экономиста. В период Великой Отечественной войны ухаживала за ранеными в Онежском эвакогоспитале.

В ноябре 1945 г. после окончания курсов И.Д. Дятлова была принята в Онежскую районную инспекцию ЦСУ статистиком-инструктором. В сентябре 1949 г. освобождена от занимаемой должности в связи с переходом на учительскую работу и принята учителем Шомбозерской школы, где и работала до августа 1950 г.

В сентябре 1950 г. принята на работу в Онежский РК ВКП (б) на должность заведующей библиотекой в партийный кабинет, где проработала до августа 1951 г.

В марте 1952 г. после учёбы на курсах Ироида Дмитриевна принята приемосдатчиком Онежского морского порта. С октября 1952 г. работала нормировщиком, старшим нормировщиком, инженером по технормированию, затем техником-нормировщиком до марта 1965 г. В феврале 1956 г. вступает в члены ВКП (б).

С марта 1965 г. по июль 1979 г. И.Д. Дятлова работает в должности инспектора первой части, инспектора отдела кадров до выхода на пенсию в октябре 1980 г.

И.Д. Дятлова принимала активное участие в общественной жизни, была распространителем общественной печати, работала секретарём комсомольской организации райисполкома, казначеем профсоюза, членом партбюро, агитатором.

За годы трудовой деятельности неоднократно награждалась почётными грамотами, благодарностями, ценными подарками. За добросовестное отношение к труду в августе 1954 г. занесена на Доску Почета Онежского морского порта. За работу в должности общественного распространителя награждена почётной грамотой Архангельского Управления министерства связи РСФСР и областного комитета

профессионального союза работников связи и грамотой Онежского горкома КПСС. Награждена юбилейными медалями ко Дню Победы, «300 лет Российскому флоту» (1996), «Ветеран труда».

Умерла 04.06.2012 г., в г. Онеге. *(фото 1942 г.)*

ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ ДЯТЛОВЫХ из ПЕШЕЛЬМЫ.

1.1	Дмитрий Акимович Дятлов (17.10.1885+09.12.1952) 1-я жена: Павла Дмитриевна Турыгина (1887+23.11.1915) Брак: (11.01.1910) 2-я жена: Александра Дмитриевна Орлова (13.05.1900+08.07.1965) Брак: (12.10.1919)
2.1/1.1	Зинаида Дмитриевна (01.10.1910+04.10.2002) Муж: Александр Иванович Маркелов (09.08.1907+28.11.1988) Брак: (1932)
2.2/1.1	Елизавета Дмитриевна (05.10.1911+03.04.1912)
2.3/1.1	Михаил Дмитриевич (1913+*)
2.4/1.1	Соломония Дмитриевна (1914+1917)
2.5/1.1	Мария Дмитриевна (10.04.1921+11.04.1921)
2.6/1.1	Леонид Дмитриевич (27.04.1922+26.12.1986)
2.7/1.1	Ироида Дмитриевна (01.10.1924+04.06.2012)
2.8/1.1	Владимир Дмитриевич (25.07.1927+12.12.1932)
2.9/1.1	Анатолий Дмитриевич (09.11.1929+04.08.1936)

Вот такие краткие сведения удалось собрать о жителях д. Пешельма, которые либо родились здесь, либо проживали в определённый промежуток времени.

Историей этой исчезнувшей деревни, я начал заниматься ещё в 2010 году. Частично что-то мне о деревне и её жителях, рассказала мама – Дятлова Ироида Дмитриевна, что-то двоюродная сестра Попова (Маркелова) Антонина Александровна – дочь Маркеловой (Дятловой) Зинаиды Дмитриевны. Чудом сохранившийся рисунок деревни и две странички воспоминаний Григория Ивановича Суханова, передала его дочь Масюта (Суханова) Фаина Григорьевна.

Слушая и читая эти воспоминания, у меня зародилось желание непременно побывать на месте этой деревни. Правда, очень жалко, что своё путешествие удалось совершить уже после смерти моей мамы. А как хотелось бы, чтобы она увидела фотографии своей Малой Родины ...

ТРОПОЙ ПРЕДКОВ

Свой маршрут я наметил, предварительно изучив старые топографические карты и снимки из космоса, которые можно найти в интернете. Наикратчайшим представлялся путь через болото с автодороги Онега–Ярнема. От неё до места бывшей деревни было около одного километра. По космическому снимку просматривалась какая-то старая дорога или тракторная колея, ведущая в урочище Пешельма. Получив с этого же снимка географические координаты точек, где необходимо было искать и старую дорогу, и место деревни, мы с друзьями, 12 августа 2012 г. тронулись в путь.

По автодороге Онега–Ярнема, включив спутниковый навигатор, мы прибыли на 115-й километр. Здесь после недолгих поисков, обнаружили уходящую в нужном направлении лесную тропу. Дороги, которая просматривалась на космическом снимке, в натуре никакой уже не было. Целью моего маршрута, было не только посещение места деревни Пешельма, но и хотелось пешком пройти по берегу реки Онега до с. Клещёво. Поэтому друзья мои на машине отправились в Клещёво, где в ожидании меня, можно было заняться рыбалкой. Договорившись с ними о времени и месте встречи, я тронулся в путь.

Тропа, по которой я отправился, вначале проходила через заболоченный лес, местами в наиболее сырых местах были брошены брёвна. Скорее всего, этой тропой пользовались рыбаки и охотники. Далее лес плавно перешел в лесное болото и, пройдя ещё метров 200, передо мной открылся простор чистого Пешельминского болота. Слева виднелись опоры линии электропередач, а за ней как раз и находилось место, где когда-то стояла деревня Пешельма. Справа вдаль, примерно в 500 метрах, среди болота, тонкой синей полоской виднелось озеро Пешельмское (так звучит название озера на топографических картах). В мои планы так же входило побывать на берегах этого озера, и, свернув с тропы, прямо по болоту я направился к нему. Мох мягко проминался под ногами, и местами

чувствовалось как бы его колыхание, словно слой мха и торфа плавал на поверхности воды. За прошедшие дни дождей не было, поэтому сверху болото было сухое, однако ближе к озеру, стали появляться «окна» чистой воды, и приходилось их обходить по сухим местам. У самого озера было достаточно сыро, но берега не были топкими. Поскольку озеро

находилось среди болота, кустов по берегу практически не было, а кое-где стояли небольшие берёзки, что давало возможность видеть всю его водную гладь от одного берега до другого. В воде, как и на многих озерах, цвели кувшинки, выделяясь среди зеленых листьев своими жёлтыми цветами.

Всплесков рыбы не было видно, лишь изредка гладь воды тревожили «водомерки», плавно скользя на всех своих лапках. Вполне возможно, что мои предки часто бывали на этом озере. От деревни до него было всего метров 500, да и на болоте осенью, наверняка они собирали клюкву. Много лет минуло с тех пор, но думаю, что озеро и болото помнили их. Сделав на память несколько фотоснимков озера, я отправился к месту, где когда-то стояла деревня.

Метров через 200 от озера, чистое болото закончилось, снова плавно переходя в лесное, поросшее мелкими деревьями. Пройдя сквозь них, я вышел на большую поляну, которая сужаясь, как бы клином уходила к реке. Где именно стояла деревня, можно было только предполагать, так как никаких следов присутствия хотя бы развалин, не было. Трава была очень высокая, и ноги порой запутывались в ней, поэтому передвигаться было не очень легко. Среди всего этого разнотравья, выделались участки с густыми зарослями крапивы и небольшими, уже не плодоносящими кустиками смородины. По этим внешним признакам было похоже, что именно здесь, когда-то стояли крайние строения деревни.

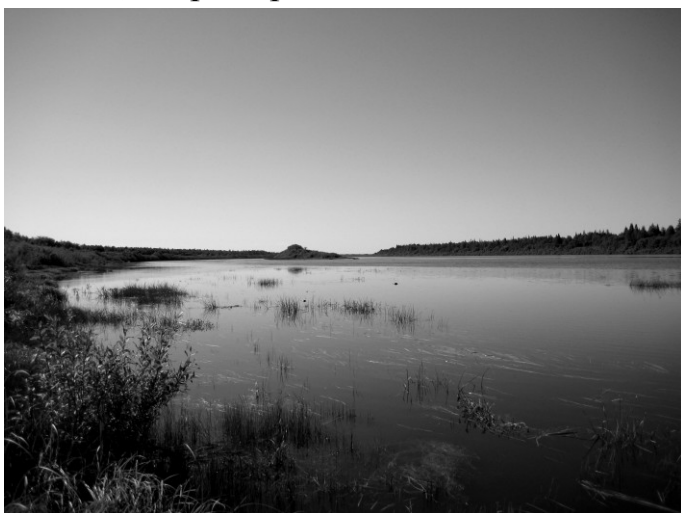
У меня был рисунок деревни, выполненный Г.И. Сухановым, и, глядя на него, я мог с уверенностью предположить, что на этом месте стояли дома Турыгиных и Сухановых. Так же это подтверждалось воспоминаниями моей мамы, она вспоминала, что рядом с домом Сухановых, стоял дом Турыгина Дмитрия Александровича и Парасковьи Ивановны, которые являлись дедом и бабушкой её сводной сестры Зинаиды. Но чтобы удостовериться в своих предположениях, мне пришлось несколько примять заросли крапивы, и немного разворошить верхний слой грунта. В результате этих, так называемых «раскопок», я обнаружил множество битого кирпича, какие-то полусгнившие доски и брёвна. Всё это подтверждало,

что здесь когда-то находились данные дома. Таким образом, ориентируясь на это место, можно было приблизительно определить, где стоял дом, в котором родилась моя мама. Представив в своём воображении деревню, и предположив, что ширина участков по лицевой стороне была примерно метров 20, я пошёл вдоль воображаемой

улицы, отсчитывая шагами каждый участок. Травяной покров был однообразным, никакой крапивы или кустов не было, и пройдя намеченное количество метров, я как бы дошёл до края деревни, т.е. до того места, где стоял дом в котором жили мои предки, до того момента, пока они не поставили новый, большой дом. На этом месте стояла одинокая сосна, высотой примерно метров пять. Возраст её был где-то лет пятнадцать, поэтому она не могла быть «свидетелем» тех давних времён. Достав из рюкзака заранее приготовленную памятную табличку с рисунком Г.И. Суханова и надписью «На этом месте в XIX-XX веках находилась деревня ПЕШЕЛЬМА», я укрепил её на этой сосне. Может быть, никто и никогда из людей не увидит её, а увидят её только птицы, присевшие отдохнуть на ветки сосны, и весёлыми птичьими голосами разнесут весть своим пернатым собратьям о маленькой, мало кому известной деревне со звучным названием ПЕШЕЛЬМА ...

До берега реки Онеги оставалось около двухсот метров. Я знал, что

когда-то в этих местах проходила дорога из д. Чешьюга в с. Клещёво, но никаких следов или даже намёков на неё не было. Кругом был густой и плотный травяной покров. Поэтому я решил выйти на берег, и двигаться вдоль него. До расчетного времени встречи с моими друзьями, которые ждали меня в с. Клещёво, было

ещё около двух часов, а расстояние, которое мне нужно было пройти, было около шести километров. На подходе к берегу реки, стали встречаться следы присутствия людей. Какие-то остатки изгороди, может быть, это был загон для скота, или что-то иное. Трава на поляне была высокая, местами выше человеческого роста, и поэтому реку я увидел примерно метров за двадцать от края берега. Берег был пологий, и действительно, в половодье вода могла подниматься до самой деревни, как и вспоминала об этом моя мама. Слева, вверх по течению, было видно как бы раздвоение реки, среди которого острым мысом выделялся остров Пешельминский.

Первые несколько десятков метров идти берегом реки было очень хорошо, кусты и деревья не подступали близко к воде, да и сам берег был довольно-таки пологий. Но, как говорится: «хорошего помаленьку ...», и примерно метров через сто-двести берега реки стали обрывистыми, кусты стояли сплошной стеной, и пробираться сквозь них было трудно. Поднявшись на коренной берег, я увидел среди зарослей кустов заметный просвет, выйдя на него, я понял, что это когда-то была дорога, которая соединяла д. Пешельма и с. Клещёво. Правда, в настоящее время по ней

можно было проехать разве что на вездеходе. Трава была выше человеческого роста. Под ноги часто попадали бревна, видимо выброшенные рекой, в то время, когда ещё по ней сплавливали лес. Ноги часто проваливались в какие-то ямы, то ли это была старая колея, то ли это были размывы грунта от многочисленных ручейков, стекавших к реке. Никаких следов пребывания человека здесь не было и в помине, и когда последний раз здесь прошли чьи-то ноги неизвестно. Временами я подходил к реке, однако берега были всё такие же обрывистые, и двигаться там не представлялось возможным. Скорость моего передвижения становилась всё медленнее, не более 2-х километров в час, и я понял, что к назначенному времени к месту встречи я не приду. Оставалось надеяться, что мои друзья всё-таки не будут паниковать, и спокойно будут дожидаться меня в условленном месте. Вскоре мой путь стали пересекать какие-то «тропы», идущие из леса к реке. Очевидно, это были звериные тропы, по которым на водопой ходили обитатели этого леса. И вот на одной из маленьких полянок, я увидел уже не тропу, а довольно приличный участок примятой травы, где видимо день или два назад отдыхал лесной зверь. По помёту, оставленному на месте отдыха, можно было судить, что здесь лежал медведь ...

Да, подумал я, не хватало мне ещё встречи с «хозяином тайги», и принял решение спуститься к реке, и идти вдоль берега по воде. Глубина воды у самого берега была сантиметров 40, грунт довольно плотный, поэтому, невзирая на то, что на мне были одеты короткие сапоги, я шагнул в реку и пошёл вброд. После движения по высокой, путающейся под ногами траве, движение по воде показалось «раем». Скорость передвижения значительно возросла, и примерно через 2,5 часа моего пути от места, где стояла д. Пешельма, предо мной открылось «Клещёво поле». До самого села ещё оставалось около 2-2,5 километра, однако дома его уже были видны. Река в этом месте делала значительный поворот, и если идти дальше берегом реки, то путь удлинился ещё на пару километров, поэтому я опять поднялся на коренной берег, и, взяв направление на видневшуюся вдаль на краю села рощу, двинулся прямо по полю.

Поле назвать этот участок местности можно условно, возможно когда-то и распахивались эти земли, но в настоящее время это были так сказать сенокосные угодья. Однако здесь давно уже не косили, и поле заросло густой и плотной травой и редкими отдельно стоящими кустами. Так метр за метром, от одного куста до другого (кусты являлись ориентиром для очередной остановки для отдыха), я дошёл до маленькой речки. На топографической карте она имела название Унонга. Ширина её была около 2-х метров, моста естественно никакого не было, и поскольку других вариантов не имелось, пришлось форсировать её вброд. Глубина речки в месте моего форсирования была не более метра, поэтому без особых трудностей я переправился на другой берег. Вдали была видна полоса скошенной травы, и я направился туда, в надежде, что к этому

сенокосу будет либо какая-нибудь дорога, либо нормальная тропа, и, пройдя метров 100, я действительно увидел тропу, которая вела как раз к той рощице на краю села. По моим предположениям там должно было находиться сельское кладбище, и я решил зайти на него, в надежде, что там сохранились старые захоронения, и может быть, я увижу какие-то знакомые фамилии, связанные с жителями д. Пешельма. По некоторым, не до конца проверенным сведениям, своего кладбища в д. Пешельма не было, и умерших хоронили на кладбище с. Клещёво. Тропа, по которой я шёл, опять вышла на участки скошенной травы и пропала. До кладбища оставалось метров 100, и я не спеша дошёл до него.

Старые захоронения были все настолько заросшие травой, что определить их местоположение было невозможно. На новых захоронениях встретились фамилии и Сухановых, и Турыгиных, но являлись ли они родственниками жителей д. Пешельма, не известно. Как известно, во многих, рядом расположенных деревнях, фамилии жителей были одинаковы, и чтобы понять, кто есть кто, и имеются ли родственные корни, нужно проводить обширное генеалогическое исследование. Постояв несколько минут на кладбище, и мысленно передав поклон всем захороненным здесь, я отправился в село. Пройдя по центральной улице, свернул к реке, и отправился к месту встречи со своими друзьями, которые уже лишние 4 часа нетерпеливо ждали моего возвращения с тропы предков ...

Спустя восемь месяцев после моего путешествия, а точнее 13 апреля 2013 г., я на электронную почту получил письмо от Натальи Лапиной, о которой я уже ранее упоминал. Она прочитала рассказ об этом на нашем сайте: <http://www.onegaonline.ru>

«С огромным интересом и трепетом сердечным прочитала Ваш рассказ о путешествии в Пешельму, как будто на самом деле там побывала. Моя прабабушка была родом из Пешельмы, её звали Пелагея (по-местному Паладьа), (1873 г.р.), фамилию пока не знаю. В конце 19 века она вышла замуж за Михаила Углова, (1878 г.р.) в Кяловангу. Так что эти места можно назвать родиной моих предков. Очень жалею об исчезновении онежских деревень. Люди там жили веками, и, наверное, в основном были очень трудолюбивыми, мужественными и мудрыми, ведь иначе «Онежская цивилизация» не просуществовала бы так долго в достаточно суровых условиях».

Как в последствие оказалось, всё-таки её прабабушка была родом не из Пешельмы, а из Кялованги, и вопрос о том, что связывало прабабушку с Пешельмой, так и остался до сих пор не выясненным. В конце июня, Наталья написала мне, что она поехала по местам своих предков в Пиялу и Кяловангу, в надежде попытаться прояснить и этот вопрос.

3 июля, я получаю от неё очередное письмо, в котором было написано, что напишет о своей поездке позже, а пока посылает «фотопривет». Когда я увидел это «фотопривет», то сначала подумал, что Наталья переслала мне мою же фотографию с табличкой, прибитой мною в августе 2012 г. на сосну в урочище Пешельма, но приглядевшись, я увидел под плёнкой капли воды, и понял, что Наталья побывала на этом месте. Это действительно был «фотопривет» из Пешельмы...

Через некоторое время, она прислала и описание своей поездки по деревням своих предков. Немного обработав её записи, получилась увлекательная публикация, которую мы сообще называли «Тропой предков-2». Эту публикацию я привожу полностью, т.к. она заслуживает не только прочтения, но и почтения.

Наталья ЛАПИНА

ТРОПОЙ ПРЕДКОВ – 2

Мне давно хотелось побывать на родине моей бабушки. Но там и знакомых-то никого не было, да и от деревни-то почти ничего не осталось... А тут как-то моя подруга сказала, что на работе у неё одна женщина с Онежского района, выйдет на пенсию и уедет жить к себе в деревню. Вот здорово, подумала я и поинтересовалась, что за деревня. Подруга сказала: «Ой, какое-то название смешное, я не запомнила...» Прошло года два или три. В этом году зимой подруга звонит мне и говорит: «Галина вот была у меня в гостях, приезжала тут ненадолго в город, а деревня у неё называется Кялованга». У меня в голове аж замыкание сделалось. Бывает же такое! Это к тому, как тесен мир. И появилась светлая надежда, что когда-нибудь всё-таки состоится путешествие на родину моих предков...

Прошло несколько месяцев... И за это время выяснилось, что не только бабушка, а по крайней мере четыре фамилии моих предков жили в Кялованге с давних пор.

И вот летом, среди очень напряжённых будней, появился маленький просвет. Доблестный труд увенчался парочкой отгулов...

... Я всё ещё под впечатлением от этого маленького путешествия. Даже работать толком не могу, то и дело «улетаю» на просторы Онеги. Наш мастер, конечно же, подметил этот факт, на что один монтажник усмехнулся: да это она в мыслях свою родину уже возрождает. Ну да, мечтать, как говорится, не вредно... Хотя я не уверена, правильно ли сделала, что затеяла этот «поход». Уж больно всё как-то...

...Поездка не задалась с самого начала. Места на всю дорогу туда и обратно были заказаны заранее. Обещали позвонить накануне вечером,

чтобы сообщить номер машины. Днём я ходила в магазин, мобильник с собой не брала. В это время было два звонка. Вернулась домой минут через десять после этого, перезвонила. «Так Вы едете?» – странно, какой-то растерянный мужской голос, вроде, как и не рады вовсе. «Да, конечно!» – заверяю я. «Ну мы Вам вечером перезвоним!» Вечером с телефоном я не расставалась даже в ванной.

Утром, набив рюкзак подарками, позвонила сама, спросила, какой номер машины. На том конце заминка и опять тот же голос: «Подождите, мы перезвоним». Жду. Звоню опять. Ответ просто поверг меня в шок. «Вы знаете, такое дело... ВСЕ МЕСТА УЖЕ ЗАНЯТЫ! И на другом рейсе тоже мест нет!» Ну, я просто офигела от такого сервиса. «Как нет мест?! Я же заранее заказывала! У меня же сегодня ещё на 16.00 в Пиялу рейс из Онеги!» Расстроилась, конечно. Матушка позвонила в Онегу брату, обрисовала ситуацию. Сеструха двоюродная, огонь-девка, вскоре по своим телефонам нашла рейс на 11.45 из Северодвинска. На что я, конечно же, с радостью согласилась.

К остановке подъехал «Мерседес» совсем с другим номером. Я бы и не догадалась в него загрузиться, если бы там не было ещё страстно мечтающих попасть этим рейсом в Онегу. В пути два раза маршрутка останавливалась на ремонт. Потом желающим (вместе со мной, конечно)

любезно разрешили пересесть на другой «Мерседес». В результате до Онеги добирались 4 часа. К почте подъехали в 15.55. Торжественный обед у родственников накрылся. Не, ну я 30 лет в Онеге не была, да она, похоже, не шибко и хотела меня видеть. Так напрямик в Пиялу я и подалась. Слава Богу, и то была очень рада, что успела на этот рейс.

После шестичасового почти непрерывного «полёта» по нашим великолепным автострадам буквально вывалилась из машины на остановке у Пиялы. Сказала водителю: «Спасибо!» и побрела, пошатываясь, в сторону деревни. Слышу, водитель сзади вроде как что-то кричит. Обернулась, и даже смысл слов не сразу дошёл: «Э, а заплатить?» Самой смешно стало, надо же, как растрясло человека!

Тётку свою двоюродную о визите не предупредила, мобильной связи там, естественно, нет, а телефон стационарный только у соседки, как-то я постеснялась ей звонить. В Пияле 33 года не была. Тётя Люба там себе уже отдельный новый дом построила.

Спросила у первого встречного, где живёт. Постучалась, захожу. В доме резкий запах краски – видно какой-то ремонт полным ходом идёт. Тётя Люба, увидев меня, даже оторопела. Потом рассказывала: «Стою тут

на кухне, соображаю, как панели к стенке приладить, вдруг слышу, что-то скребётся, поворачиваюсь, а на пороге Наташка стоит, и ВСЯ В БЕЛОМ! Думаю, всё – от краски гюлки начались!»

Я ей говорила весной, что, возможно, приеду летом по пути в Кяловангу, но она это всерьёз не восприняла. Сама-то там всего один раз была, хоть вроде и недалеко живёт, и уж никак не думала, что я выберусь из Северодвинска только для того, чтобы побывать на родине предков. Обозвала меня каким-то замысловатым словом, забыла каким.

Пока говорили о том, о сём, мне всё не терпелось выяснить про свою прабабушку Пелагею Дмитриевну. В областном архиве я узнала, что родом она была из Кялованги, из семьи Шеметовых, и замуж там же вышла. И, похоже, судя по Духовной росписи Пияльского прихода, мать её тоже была из Кялованги, из семьи Периных.

А тётя Люба и её двоюродный брат из Клещёва считали, что Пелагея Дмитриевна была из Пешельмы. И на мой вопрос: «Да с чего же вы это взяли-то?» поступил неожиданный ответ: «Так потому что её мать там жила!» Опа-на! Приехали! Как же её мать могла там жить, если она была замужем за Дмитрием Шеметовым в Кялованге?

Ну, не очень-то много прояснилось. Ясно только одно – каким-то загадочным образом моя прапрабабушка была связана с Пешельмой. Кстати, тётя Люба сказала, что именно она учила вере своих внуков. Вот оно, откуда корни-то идут. А я-то думаю, что это со мной, ведь с детства была закоренелой атеисткой. Но знаю, что есть такой духовный закон жизни: если среди предков были искренне верующие, то это передаётся в последующие поколения. Можно, конечно, и отмахнуться от веры, но не хочется почему-то. Всё-таки, я думаю, хоть и разные бывают священники и монахи, но если земля освящается сердечной молитвой – это очень хорошо для жизни людей.

Вечером ходили звонить от соседки к Галине в Кяловангу, чтобы она приехала за мной утром. Наверное, можно было бы и подольше в Кялованге задержаться, но Галину я совсем не знала, в городе пару раз видела мельком у подруги на работе, даже и не запомнила, как выглядит. Поэтому неудобно было «свалиться как снег на голову». Я рассчитывала причинить незнакомым людям минимум неудобств: утром – туда, вечером – обратно. Подруга и то удивилась, что я навязалась к Галине в гости: «Ну, ты вообще – без комплексов!» Хотя тут она совершенно неправа. Как раз в общении с незнакомыми людьми у меня куча комплексов, но желание побывать на родине предков, всё же, их пересилило.

Утром, попив чайку, я понеслась на берег ждать моторку. Где-то около десяти вдалеке заметила движение тёмной точки. Сердце радостно затрепетало, слава Богу, едет! Оказалось, что Галина припозднилась, потому что заглох мотор, и ей какое-то время пришлось идти на вёслах. Меня это маленько смутило, ну да что ж теперь делать...

Галина и вправду оказалась, как говорили, общительной и «компанейской». По крайней мере, с первой секунды, как я увидела её на берегу Онеги, у меня создалось впечатление, как будто мы давно знакомы. К тому же, она оказалась просто замечательной женщиной, проявив чудеса терпения, выдержки и гостеприимства. Галя сбегала к кому-то заказать молоко, и мы, наконец, отчалили в Кяловангу. Кстати, я сразу же спросила, сможем ли мы побывать в Пешельме. На что Галина решительно ответила: НЕТ! Но, через несколько секунд добавила: Ну как получится...

Там, посреди реки, меня вдруг накрыла волна какого-то неизведанного до сих пор умиротворения и счастья. Никогда в жизни такого кайфа не испытывала, как будто в душе стекляшки мозаики вдруг сложились в прекрасный узор. Мы уже проскочили Хачелу, когда мне стукнуло в голову высунуться из-за лобового стекла, чтобы получше всё вокруг видеть. И тут – бац!

Порывом ветра сорвало с головы мою кепку. Секунда – и она качается на волнах... Я, горестно вздохнув, мысленно с ней распрощалась, хоть и жалко, любимая всё-таки... Но Галя уже разворачивала лодку. Сделали вокруг кепки один круг, другой... Не получается достать. Кепка, нахлебавшись воды от волн, стала тонуть, но ещё держалась ближе к поверхности. Галина заглушила мотор, попыталась подойти на вёслах, но малость неудачно получилось, кепку накрыло носом лодки... Всё, утопили... Лодка тихо покачивалась на волнах. Я безнадежно вглядывалась в тёмную воду... Дальнейшее произошло, мне показалось, в какие-то доли секунды. Галина вдруг молниеносным движением сорвав весло со штыря, метнула его куда-то вглубь, как древние люди острогу, и в следующие полсекунды кепка была уже в лодке. Как джинн, вырвавшийся из бутылки, Галина моментально выросла в моих глазах. Это же самая настоящая северная женщина с полным генетическим боекомплектом предков! «Галя, да у тебя инстинкт предков на ловлю рыбы сработал! Вот здорово!» – моему восторгу и восхищению не было предела.

Посмеявшись и порадовавшись удачному исходу спасательной операции, Галина попыталась завести мотор, но не тут-то было. Он не проявлял никаких признаков жизни. Минут сорок мы шли на вёслах против течения. Ну «мы» – это имеется в виду Галя, потому что с моей комплекцией толку от гребли мало, тем более против течения. В лучшем случае, пока Галя делала передышку, пытаюсь в очередной раз завести мотор, лодка, несмотря на все мои усилия, стояла на месте. В последний

раз вёсла в руках я держала на прудах в Питере 27 лет назад, и река Онега даже и не собиралась мне покоряться. Где-то в глубине души опять кольнуло, что как-то неудачно всё складывается... Времени и так мало, чтобы по Кялованге погулять, а тут ещё по моей вине застряли на реке. Но Галина просто героически переносила визит невезучей гостьи.

Становилось жарко, и Галя предложила мне пристать к берегу, чтобы искупаться. Но я категорически отказалась. Плавать совсем не умею, в четвёртом классе год без толку в бассейн проходила. В последний раз водные процедуры принимала в Немане в 1984 году, когда на физкультуре плавание сдавали. Физручка мне тогда дала задание: «Лапина, ты хотя бы три метра на воде продержись (на глубине по колено), чтобы я тебе зачёт поставила!» Ну и с той поры как-то больше не довелось... Даже желания искупаться ни разу не возникало... Ну если только по воде побродить слегка... Купальник в моём гардеробе отсутствует в принципе, потому что загар ко мне не пристаёт, только кожа краснеет, да и скучное это для меня занятие – загорать. Так что Галине пришлось наслаждаться ласковыми водами Онеги в одиночку. Зато потом мотор, наконец, завёлся, и мы понеслись к вожделенным берегам родины наших предков.

Вот ведь странное дело: несмотря на то, что я больше общалась с родственниками по материнской линии и с детства слышала рассказы матери об её деревне – однако, бывая там, испытывала какой-то диссонанс внутри. Даже не знаю, почему. Так что, вообще-то, единственной целью моего путешествия было увидеть и «почувствовать» землю, на которой жили мои предки по отцовской линии.

Поэтому, когда вдаль показалась Кялованга, у меня перехватило дух. «Фибры души» были распущены на полную катушку. С замиранием сердца я следила за приближением берега...

Ну, здравствуй, родина предков! Интересно, что меня там ждёт? Из лодки вылезла, перекрестившись, с некоторой долей настороженности...

Безусловно, я видала места и покрасивее, но ощущение было такое, что описать до сих пор не могу, просто никогда не испытывала такого чувства. Если очень приблизительно, то это как ключ, который много тыкался по разным скважинам, и наконец, попал в свою. Я очень люблю сосновые боры, чистые речки с песчаными берегами, маленькую мягкую зелёную траву. А тут мутная вода, глинистый берег, дремучий лес, еловый в основном, с дикими зверьями, и трава с меня ростом. И при всём при этом – чувство покоя и гармонии в душе. Обалдеть! Похоже, мои «фибры» всю жадно наслаждались окружающим их миром.

Когда-то Кялованга была большая деревня, а сейчас там всего несколько домов, и те нежилые, даже летом. Постоянным населением Кялованги до недавних пор были родители Галины. Но три года назад её отец остался один, и, не прельстившись квартирой или дачей, наотрез отказался куда-либо переезжать. Поэтому Галина, выйдя на пенсию, переселилась с мужем в деревню. Вот ведь настоящие герои! Ну ладно,

летом, хоть повеселее, а зимой-то как они живут? Да ещё голодное зверьё вокруг бродит. Галя сказала, что в их лесах водятся волки, лисы и медведи. Были ещё рыси, но с исчезновением зайцев, куда-то мигрировали. А зайцев, наверно, волки с лисами всех съели.

Мы полностью сошлись с Галиной во взглядах на сельское хозяйство. Она даже сказала: «Наташка, приезжай сюда жить, будем вместе фермерством заниматься». Да я бы с удовольствием, если бы родилась мужиком, или хотя бы толстой тётенькой, ну в смысле здоровой. А то от меня толку в деревне – как Медведю от Маши.

В планах путешествия было пробежаться по всей округе и заскочить на большое болото за Кяловангой, которое называется Малый Мох, просто посмотреть, уж больно страшновато оно из космоса выглядит. Но в деревне всё так заросло густой высокой травой, в которой и передвигаться-то трудно, что ни о каком «пробежаться» не могло быть и речи. А чтобы попасть на болото, сказала Галя, надо метров 100 продирается через полосу бурелома, что за лесом, и там очень сыро, они сами в броднях ходят. Короче, и эта экспедиция отпала.

Но мы с Галиной после вкусного обеда (щука запечёная – вообще писк!), всё же совершили прогулку по деревне. Там в траве много клещей, поэтому Галя переделалась в закрытый костюм. Рассказывала, кто где жил, правда, я не запомнила. Посетили мы также часовенку на берегу. Она старинная, но сейчас пустая, Галина говорит, туристы всё растащили, а в

прошлом году волонтеры восстановили там крышу. Через деревню раньше протекали два ручья, мостки через них были крепкие, широкие, трактора проходили. А сейчас едва живые брёвнышки перекинуты, травой заросшие. Да и ручьи пересохли. Прошлись вдоль берега, Галина предложила пробраться сквозь траву как бы в центр деревни, там возвышенность и вид красивый открывается. Спросила: или куда ещё хочешь? Конечно же, мне хотелось побродить по Кялованге, даже продираясь сквозь траву. Но время было ограничено. И ещё мне очень хотелось в Пешельму. О чём я и известила Галину. Хвала её гостеприимству!

Мы стали пробираться к дому. Навстречу выскочила Галина собака Муха, овчарка какая-то длинношёрстная. Я и забыла, что у них есть охрана. Пожалуй, если бы одна пошла гулять, Муха бы меня придавила

втихую, даже не гавкая. Галина навалилась на неё: тихо, свои! И больше Муха на меня не покушалась.

День был жаркий, и Галя решила совершить поездку в Пешельму с пользой для семьи. Летом у них гостит дочь Ирина с детьми Савушкой и Алёнкой. Вот их-то Галина и собиралась вывезти на остров Пешельминский. Там берег песчаный, купаться хорошо. Такой компанией мы и отчалили в сторону Пешельмы.

Загрузились в лодку. Галя строго сказала: «Шапки убрать! Больше не буду ловить...» Ну я затолкала свою под сиденье. Завелись, поехали. Я вся при счастье – надо же, как повезло! Сижу, опять рекой наслаждаюсь. Галина стала Ире рассказывать, как давеча сдуло мою кепку, и как её спасали. У руля стояла. И как-то неудачно повернулась что ли, против ветра, кепка её только – фьють! и улетела! Тоже любимая... Короче, вся история повторилась. Спасательная операция прошла успешно. Мотор заглох. Надолго. Я уж молча сидела, думала, Галя развернётся домой. Но она (вот удивительная женщина!) села за вёсла и давай упорно грести вверх по реке, удивляясь, что же случилось с мотором, ведь на днях же всё нормально было.

Поистине, это было ВОСХОЖДЕНИЕ к Пешельминскому острову. Иногда Галина вздыхала: «О, я больше не могу!» Тогда её сменяла я или Ирина. Правда, несмотря на все усилия и старания, толку от меня на этот раз было ещё меньше, так как пассажиров-то стало больше, лодка тяжелее. Так что основной движущей силой этого плавательного агрегата были Галина и Ирина. Да ладно бы мы были одни, так ведь с нами ещё и маленькие дети жарились на солнце. Несколько раз я хотела предложить всё бросить и пуститься вниз по течению обратно, чтобы никого больше не мучить. Или высадить меня на берег, чтобы я сама разбиралась со своими желаниями, людей при этом не доставая. Но вдалеке уже заманчиво виднелось урочище Пешельма...

Галя снова предложила искупаться. Пока они с Ириной освежались, я сидела в лодке, «гипнотизируя» пока ещё далёкий Пешельмский берег, в очередной раз комплексуя по поводу того, что как-то всё неудачно опять...

Потом Галина шла по пояс или по грудь в воде и тащила за собой лодку, ей уже казалось, что так гораздо легче. Где-то примерно за полкилометра до острова мотор, наконец, завёлся. Даже не знаю, сколько времени мы туда добирались...

Пока детишки с Ириной радостно десантировались на песчаный пляж, я попросила Галю довезти меня (опять на вёслах!) до Пешельмского берега. Галя, видимо, уже так устала, что сказала: «Да плыви сама, там лодку оставишь, а потом обратно вернёшься». Маленько подумав, я отказалась от этого заманчивого предложения: «А вдруг у меня не получится крепко привязать лодку, и её унесёт, как тогда мы будем отсюда выбираться? Нет, не могу так рисковать». Так что пришлось Галине опять напрягаться.

...Скинув кеды, я спрыгнула в воду: «Галя, тут же совсем недалеко, полкилометра всего, я быстренько пробегусь только туда и обратно». На берегу вдруг обнаружили чьи-то следы. Глаза такие круглые стали: «Галя, а может, это волки?!» – «Да нет, охотники тут, наверно, проходили или рыбаки...»

Я обулась и быстро вскарабкалась на берег. С реки он смотрелся вполне мило, обещая приятную прогулку. Но, какие же там оказались джунгли на самом деле! Трава с меня ростом почти, а то и больше. Сделав несколько бодрых гребков и вынырнув из зарослей, я посмотрела на кажущийся теперь таким далёким Пешельминский остров, на устремившуюся к нему лодку, и вдруг меня «закусило».

Версия, что следы принадлежали собакам, как-то сама собой улетучилась. Конечно же, это были волки, на водопой, наверно, приходили. Может, и сейчас ещё поблизости шастают. Мне стало очень страшно. В какой-то момент захотелось броситься назад и закричать: «Галя, забери меня отсюда, я никуда не пойду!» На память пришли все неудачи моего путешествия, и подумалось: а может, это были знаки судьбы, может, не следовало мне и вовсе сюда соваться? Ещё не хватало, чтобы на родине предков меня сожрали дикие звери. Хотя и есть-то особо нечего... Ну, ладно бы я одна выгуливалась, сама по себе, а то ж Галину подставлять неохота. Но с другой стороны – не отступать же, когда цель так близка!

В голове сразу возникли воспоминания из моего прошлого: Когда я гостила у друзей в Белоруссии, (а живут они в Национальном парке), зная мою склонность шататься по окрестностям, они сразу же снабдили меня велосипедом и картой, а Николаич, муж подруги, на полном серьёзе проинструктировал: «Если встретишь в лесу кабана, брось ему в глаза кашку, и тогда он убежит». Я очень удивилась такому способу защиты: «А где же я возьму кашку?» На что Николаич философски ответил: «Ну, знаешь ли, если встретишь кабана, то за этим дело не станет!»

М-да... У меня с собой даже перочинного ножика нет. Набрал побольше воздуха, я нырнула опять в зелёную реку, стараясь держаться поближе к деревьям на случай, если увижу волка. Хотя по деревьям лазить я тоже не мастерица, но в экстремальной ситуации ведь всякие способности могут проявиться...

Сунулась было на полосу, которая, вероятно, раньше была дорогой, но и там оказалось мало удовольствия. Так, продираясь сквозь кусты, разгребая высокую траву, спотыкась о заросшие брёвна, падая, проваливаясь в какие-то ямы, я добралась до ложбины возле Пешельмской поляны. Она даже с космоса хорошо видна. Там, наверно, раньше ручей был. Перебравшись через ложбину, я почти сразу же наткнулась на место, где в диаметре метра полтора трава была хорошо примята, как будто на ней кто-то валялся. «О, Боже, только медведя ещё не хватало», – подумала я и рванула дальше.

Вылетев на середину поляны, я засунула свой страх как можно дальше, чтобы «фибрам души» не мешал, и, оглядевшись, перевела дух. Конечно, для жителей Пешельмы эта деревня вовсе не была санаторием, и всё же... Ах, Пешельма, Пешельма, какое же это уютное, красивое и приятное местечко! Да ещё всё в моих с детства любимых цветах, которые

так ароматно пахнут! Столько раз я разглядывала эту поляну на спутниковой карте – какое же чудо здесь оказаться!

Сосну с памятной табличкой о том, что здесь была деревня Пешельма, нашла без особого труда, она и так на самом видном месте. Правда, плёнка изнутри запотела, и рисунок было уже плохо видно. Но как же я обрадовалась этой сосне, как

будто живому человеку! Пока с ней фотографировалась, в лесу раздался какой-то рык. От внезапного выплеска страха я едва устояла на ногах. Так испуганная и получилась на фото...

Дёрнулась было и дальше пробежаться, очень хотелось посмотреть болото и озеро, но тут уже здравый смысл поперёк дороги стал. Наверняка, это заняло бы как минимум полчаса, а то и больше. А, Галина, поди, и так волнуется, нельзя же так злоупотреблять доверием. Я же ей обещала – очень быстренько сбегать туда и обратно. Правда, уж не знаю, сколько и времени прошло на самом деле. Но чувствую, что пора возвращаться. Я и так была счастлива побывать хотя бы здесь.

Перекрестившись, я поклонилась этой земле и стала выбираться назад, к реке. Наверное, было уже часов 8 или 9 вечера.

Обратно, до острова решила идти берегом, по воде. Кеды сняла и почапала. Правда, тоже не больно ходко, ноги в глинистой жиже разъезжались. Галина, увидев меня, ринулась навстречу на лодке, беспокоилась уже наверно.

Эх, и замечательный всё-таки был денёк! Я даже и предположить не могла, что впереди меня ожидает самое экстраординарное событие в моей жизни.

На острове Пешельминском отличный маленький пляжик. Детям в мелких заводях раздолье, да и взрослым есть, где освежиться. Галинино семейство, похоже, неплохо провело там время. Сначала я очень осторожно побродила по самым мелким лужам, потом несколько обнаглела и стала забредать почти по колено. Но глядя, как весело носится по заводям Алёнка, не устояла и присоединилась к ней. Вот мы

порезвились-то! Но пора было уже возвращаться домой. Галя с Ириной стали переносить вещи в лодку.

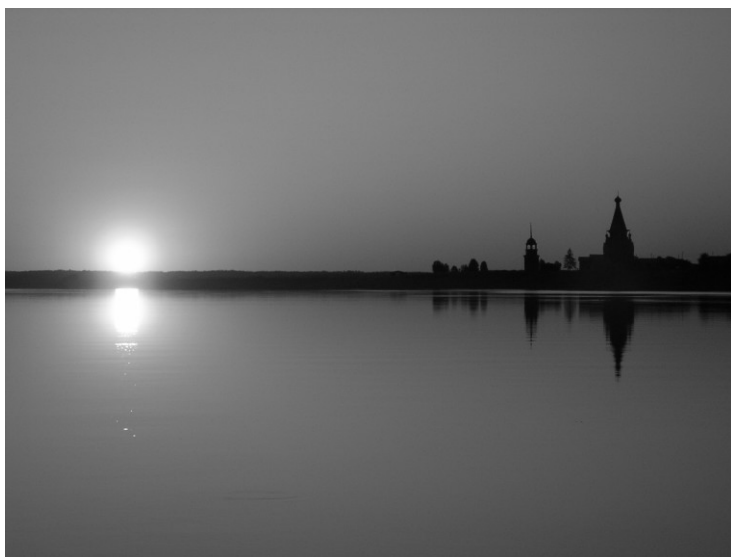
И тут мою душу вдруг посетило некое смущение. Я заметалась по берегу. Неясное беспокойство оформилось в чёткую мысль: побывать на родине предков и не искупаться в Онеге, да ещё в такой прекрасный тёплый день – это ж генетическое преступление!

«Галя, что-то мне сегодня захотелось подвиг совершить...»

Необходимый для подвига предмет гардероба в виде купальника, естественно, отсутствовал. Но особо раздумывать было уже некогда. Самым подходящим для этой ситуации оказалось одеяние прародительницы ЕВЫ. Блин, совсем крышу снесло от обилия впечатлений!

Уж не знаю, что подумали свидетельницы этого пикантного события, но река Онега, как будто только этого и ждала. Я и сама не поняла, как очутилась в её нежных объятиях почти по горло, хотя вроде по мелкому месту заходила. Испугалась даже сначала, пока не ощутила под ногами песок. Водичка была – максимум комфорта! Как будто река всеми силами выражала мне своё одобрение. И я вовсе не чувствовала себя в воде каким-то чужеродным элементом! А наоборот даже - как будто в своей стихии...

Интересно, вот всему этому есть какое-нибудь научное объяснение? Мотор, слава Богу, завёлся быстро, и обратный путь был в удовольствие... Когда вернулись в Кяловангу, Алёнка на тропинке к дому радостно заявила: «Бабушка сегодня весь день отдыхала – ничего не делала!» Ну да, конечно, Галина отдохнула буквально в полную силу – за вёслами. Я очень переживала, что оказалась такой неудобной гостьей – ухайдакала хозяйку донельзя. С одной стороны. А с другой стороны – была просто счастлива,

что представительница родины моих предков, коренная жительница деревни Кялованги – такая невероятно замечательная женщина.

В Пиялу меня «возвращали» уже в двенадцатом часу ночи. Лодка, вдохновляемая мягко стрекотавшим мотором, летела по зеркально-тихой реке, Галина сидела за рулём, я – рядом, разговаривали о том, о сём, и так хорошо и приятно было на душе, что хотелось, чтобы эта дорога никогда не кончалась...

...Сижу вот теперь на работе и думаю: а со мной ли это было? Хорошо, хоть фотографии остались...

Вот уже минуло более четырёх лет с моего путешествия по тропе предков, и мысленно порой, снова и снова возвращаюсь туда, где на сосне, вероятно, и по сей день висит табличка, и может быть, уже не один путник прочитал, что здесь когда-то находилась деревня, со звучным названием ПЕШЕЛЬМА.

Список сокращений.

АОАМО «ОМР» – Архивный отдел Администрации Муниципального Образования «Онежский муниципальный район»
АОПА – Архангельский Областной Партийный Архив (сейчас отдел социально-политической истории ГААО)
БЭС – Большой Энциклопедический Словарь
ВИК – Волостной исполнительный комитет
РГАДА – Российский Государственный Архив Древних Актов
РКП – Российская Коммунистическая партия
ГААО – Государственный Архив Архангельской Области
ГАРК – Государственный Архив Республики Карелия
СНМАГ – Список населённых мест Архангельской Губернии
ААЕ – Атлас Архангельской Епархии
ТК ГШКА – Топографическая карта издания Генерального Штаба Красной Армии
ТК ГУГК – Топографическая карта издания Главного Управления Геодезии и Картографии

Литература

Большой Энциклопедический Словарь. Гл. ред. А.М. Прохоров. Москва. 1993.
Пьерь. Из Онежского уезда (торговля горбушами). Архангельск. 20.01.1908 (17).
Интервенция на Советском Севере 1918-1920 гг. Сборник. Архангельск. 1939.
Васильева В. Истоки наших дорог. Советская Онега. 21.09.1978.
Кобычев В.В. Великое начало. Советская Онега. 24.02.1976 (23).
Кюришнова И.А. Словарь некалендарных личных имён, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV-XVII вв. Санкт-Петербург. 2010.
Ляпунов А.П. Пошли партизаны в поход на врага. Советская Онега. 04.10.1966.
Потылицын А.И. Мы помним, не забудем! Архангельск. 1950.
Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии. Словарь. Вологда. 1995.
Ульянов А.И. Памятные даты Онежского района 2013 года. Онега. 2012.

Электронные ресурсы.

Мудьюгский концентрационный лагерь.
http://dvinovaje.ru/load/stati_ob_intervencii/mudjugskij_koncentracionnyj_lager/7-1-0-48
<http://foto-history.livejournal.com/1928401.html>

Игорь Дмитриевич ИВАНОВ

Прилукская трагедия

Ещё в конце 1975 года, когда моя мама в последний раз с моими детьми все летние каникулы прожила в Прилуках (ей шёл тогда уже 83-й год), я надеялся, что мы сможем все вместе в 1976-77 годах ещё раз побывать на её родине в Прилуках. Но, Провидению было угодно, что мама, после поездки летом 1976 года в Гагры, осенью серьёзно заболела неизлечимой болезнью и 13 января 1977 года скончалась.

И вот я, один, решил в очередной раз посетить Прилуки, могилы наших предков, и объехать другие поморские сёла и острова на Белом море. Оформив отпуск, я собрал свой неизменный рюкзак и отправился в путь. Как обычно, сначала поездом до станции Порог, а потом парходом вверх по Онеге до Прилук.

Прилуки, август 1977 г.

Приплыл я в Прилуки 3-го или 4-го августа 1977 года. Стояла душливая жара, от которой изнывало всё живое. Как всегда, остановился я у Анатолия Дьякова. Уже после обеда к вечеру я решил пройтись по селу и сделал несколько фотографий Храма. Эти фотографии представлены ниже. В воздухе и во всём чувствовалось какое-то напряжение, в предчувствии какого-то события, а может быть, это мне показалось?

Церковь Во имя РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА в Прилуках, вечер 04.08.1977

В тот вечер мы посмотрели какую-то телевизионную передачу, и Антонина, жена Анатолия, постелила мне постель у окна, с которого видна была церковь и площадь перед церковью. Поздно ночью разразилась страшная гроза, которую раньше мне не приходилось видеть и слышать. По рычажному переключателю телевизионной антенны, который установлен был на подоконнике, рядом с моей постелью, и был отключён, то и дело проскакивала дуга наведённого электричества. Но прошло какое-то время, и гроза, отшумев, ушла за реку.

Я только приготовился ко сну, как с улицы услышал голос Анатолия Степановича Красильникова (нашего родственника, который приехал из Москвы на всё лето в свой родительский дом) – Игорь, разбуди Анатолия Михайловича, пусть он срочно звонит в Онегу и вызывает пожарную авиацию – церковь горит!!!

Попытки Анатолия Дьякова (у которого дома был телефон) ни к чему не привели, что там ему отвечали пожарники, я не знаю, но факт остается фактом, до утра, пока церковь горела и сгорела дотла – никакой пожарной авиации в Прилуках никто не видел, этому событию я являюсь живым свидетелем.

А тогда, в первые минуты пожара, я выскочил на площадь перед церковью, и на фоне ночного неба увидел небольшой дымок (как из самоварной трубы), который поднимался из главного купола церкви, с того места, где был установлен крест – но креста там не было.

По неопытности, мне казалось, что это загорание легко ликвидировать, но знающие прилучане уже тогда приговорили церковь к гибели. К церкви начали сбегаться люди, суетиться, искать насосы,

которые кто-то взял для чистки колодцев, и которые так и не нашлись. Лестниц не было. Да и забраться к куполу реально не представлялось возможным. На такую высоту подняться, да ещё с ведрами воды было невозможно.

Большинство прилукских жителей тогда были озабочены одним – как бы ветер не изменил направление (который до этого дул на реку) и не загорелись бы дома в деревне. Ближе всего к церкви расположен был дом Анатолия Степановича Красильникова, стены которого он с лестницы усиленно поливал водой.

Как только нам, нескольким приезжим, и нескольким молодым жителям села стало понятным, что никто церковь спасать не собирается, мы бросились к дверям церкви и взломали навесной замок (хранительница ключей от замка жила на правом берегу Онеги в деревне Хаяла). Спотыкаясь в темноте, мы пытались спасти иконы и другую церковную утварь, ощупывая стены и вынося на площадь перед церковью всё, что попадало под руки.

Сейчас, вспоминая эти минуты, я думаю, почему никому из нас в голову не пришла естественная мысль найти какие либо фонари или на худой конец зажечь факелы, чтобы не спотыкаться и не падать, сталкиваясь, друг с другом в темноте.

А тогда, там где-то наверху над нами горел купол, кровля, и председатель сельсовета всё время пытался запретить нам вбегать в горящую церковь, но это ему не удавалось, и мы продолжали что-то спасать.

Мы, несколько человек сделали попытку спасти Царские Ворота в иконостасе, но все наши усилия снять их, оказались тщетными - наши деды и прадеды строили всё на совесть, разобрать хотя бы часть иконостаса было не возможно.

Поскольку над нами пламя начало охватывать уже потолок церкви, и стало реальным попасть под обрушение кровли, нам пришлось прекратить наши действия. Да к тому же всё время слышались угрозы, что могут разорваться снаряды, будто бы застрявшие в стенах церкви со времён гражданской войны, что было очередным мифом, повторявшимся из поколения в поколение прилучанами.

Я выбежал из церкви, чтобы взять фотоаппарат и запечатлеть эту скорбную картину гибели этой Главной Основы Духовной Жизни многих поколений наших пращуров. Храма, в котором крестились, венчались, отпевались, молились, каялись и причащались все мамыны, а значит наши прародители. Смотреть на этот пожар без слёз было невозможно...

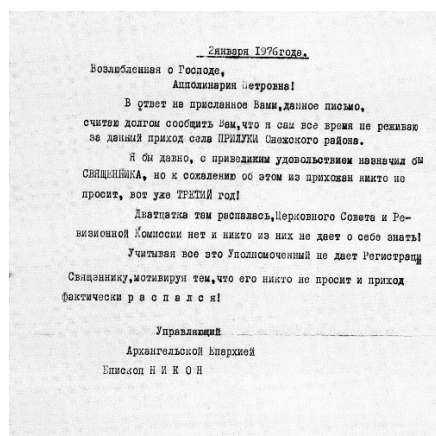
Жители села, охватившие полукругом горящий Храм, стояли молча, в каком-то оцепенении, как бы прося прощения у БОГА за то, ЧТО НЕ СБЕРЕГЛИ, НЕ СОХРАНИЛИ, И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ КАК БЫ ПРОЩАЯСЬ С ЖИВОЙ ПАМЯТЬЮ СВОЕЙ ЖИЗНИ. Я слышал тихий плач многих

женщин и видел суровые лица мужчин, которые прощались с церковью как с близким и родным человеком.

О многом они тогда наверно задумались и переоценили в своей жизни.

Помню, во время каждого посещения мамой своего родного села, она неустанно хлопотала перед Архангельской Епархией о возобновлении Богослужений в Храме в Прилуках. Ведь это был единственный Храм, среди всех храмов нижней Онеги, в котором сохранился тогда иконостас, иконы, Престол и убранство Храма. Но вот какой ответ она получила от правящего Архиерея из Архангельска:

2 января 1976

*Возлюбленная о Господе, Аннолинария
Петровна!*

В ответ на присланное Вами, данное письмо, считаю долгом сообщить Вам, что я сам всё время переживаю за данный приход села ПРИЛУКИ Онежского района.

Я бы сам, с превеликим удовольствием назначил бы СВЯЩЕННИКА, но, к сожалению об этом из прихожан никто не просит, вот уже ТРЕТИЙ год!

Двадцатка там распалась, Церковного Совета и Ревизионной Комиссии нет, и никто из них не даёт о себе знать!

Учитывая всё это, Уполномоченный не даёт Регистрации Священнику, мотивируя тем, что его никто не просит и приход фактически распался!

*Управляющий Архангельской Епархией
Епископ НИКОН.*

И церковь, как значилось в церковных документах, построенная моим прапрадедом Петром Степановичем Дьяковым, где в качестве вкладов ещё стояли хоругви, внесённые семьёй Красильниковых, через полгода после кончины мамы, сгорела дотла, унеся с собой в огне и древние иконы, и старинные церковные книги, и летопись села.

Как будто с кончиной мамы, церковь потеряла последнюю надежду на возрождение в душах людей если не веры в Бога, то хотя бы памяти о предках, крещёных и отпетых в этом храме.

Больше всего сопротивлялась огню колокольня. Даже тогда, когда уже рухнула кровля Храма, завалились стены, и вся она (колокольня) была охвачена пламенем, и казалось уж нечем ей сопротивляться огню, она всё

ещё долго стояла, как бы напоминая людям о том, что такое остаться навсегда верным своим убеждениям.

Так горел наш Прилукский храм ночью 5 августа 1977 г.

Утром после пожара вместе с Анатолием Степановичем Красильниковым мы попытались разобраться в причине пожара.

Естественно это был удар молнии. Но когда мы нашли главный металлический Крест, который был на центральном куполе, то увидели, что место крепления провода к кресту, который являлся молниеотводом нарушено. Вероятно, давно никто не проверял молниезащиту Храма, что и послужило причиной пожара.

Утром на пепелище после сгоревшего ночью храма

ПРИЛУКИ БЕЗ ХРАМА - КАК ТЕЛО БЕЗ ДУШИ

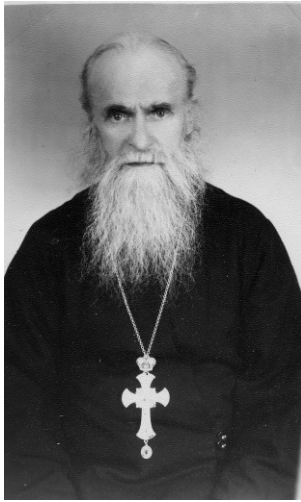
Сразу после пожара я уехал из Прилук – тяжело было на душе. Но Анатолий Степанович Красильников рассказал мне впоследствии, что в одном месте, в габаритах храма произошёл «хлопок». Вдруг вырвался из какой-то кирпичной камеры в основании храма Дым, и в воздух вырвалось громадное количества истлевших и обгорелых листочков. Вероятно, это и был тайник, в который спрятал отец Борис древние рукописные книги.

Хотелось бы дополнить этот рассказ ещё сведениями о хранителе прилукских древностей, так безвозвратно погибших в пожаре церкви – отце Борисе Кононове.

В 1972-м году, во время пребывания в Прилуках, я увидел в церкви, у входа приколотую к стене «Памятку прихожанам», составленную священником Прилукского прихода, отцом Борисом в прежние годы. В ней говорилось о некоторых часовнях, сооружённых в разные годы и относящихся к данному приходу.

- в д. Хаяла – основана в 1795 году
- в д. Погостище – основана в 1791 году
- в д. Кутованга – основана в 1771 году
- в с. Клещево – основана в 1732 году
- в д. Малая Фехтальма – основана в 1741 году

ОТЕЦ БОРИС

В миру, Борис Александрович Кононов, во время Советской власти за верность православному вероучению был неоднократно арестован и многие годы заключения, как и большинство священников, отбывал в лагерях Гулага.

Отец Борис многие годы был священником Храма Рождества Христова в Прилуках и служил в церкви, пока разрешали, и позволяли силы. По имеющимся у меня сведениям последние годы он жил у дочери в посёлке Шомокша. Именно он был тем Хранителем памяти истории села и прихода, сохранивший в тайнике в подполье Храма древние рукописные книги и памятные рукописи истории села

и прихожан с древних времён.

После получения горестного известия о гибели Храма от пожара в 1977 году, а также хранившихся в тайнике книг и рукописей, он вскоре скончался...

А вот как были описаны события пожара онежским краеведом В.В. Киселёвым:

«... Во время Гражданской войны здание церкви серьёзно пострадало: в стенах застряло до семи неразорвавшихся снарядов, барабан центральной главы был навывлет пробит, повреждена часть стропил крыши над трапезной, обшивка местами посечена осколками и пулями...»

«...Ночью, 5 августа 1977 года от попадания молнии в центральный купол церковь загорелась. Несмотря на оперативные действия вызванных ДПД (добровольных пожарных дружин), храм спасти, не удалось, т.к. очаг возгорания находился очень высоко от земли. При этом взорвалось два снаряда, из находившихся в «теле» храма. Всё ценное, оставшееся внутри со времени закрытия церкви, было спасено. Не пострадали и близстоящие строения: жилые дома, сельсовет, детсад, школа, склады различных организаций...»

Я же, как очевидец, в ответ на это, хочу сказать следующее:

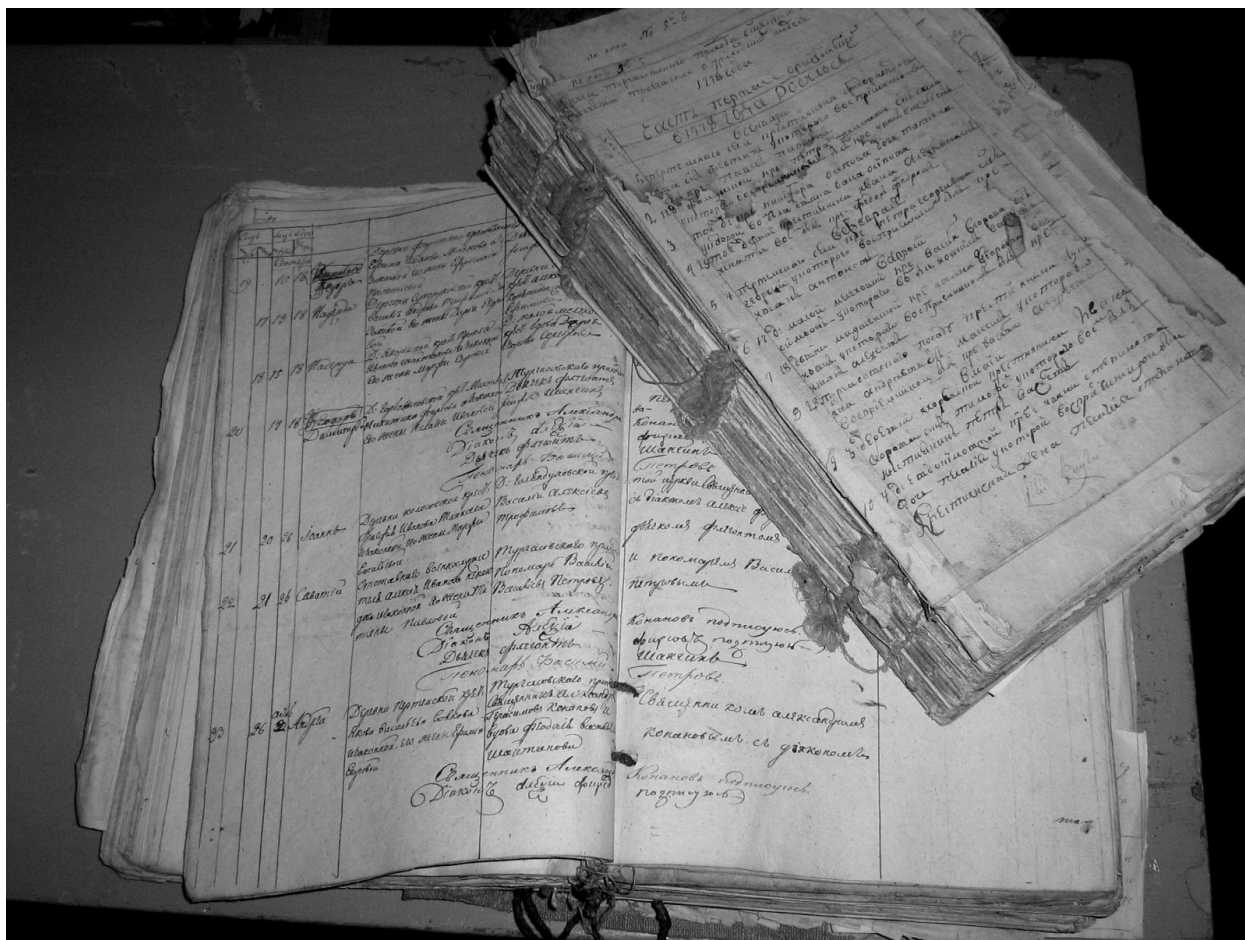
1. Ни какой ДПД (добровольной пожарной дружины) не было и в помине!
2. Никакие снаряды не взрывались. В СТЕНАХ НИКАКИХ СЕМИ СНАРЯДОВ НЕ БЫЛО.
3. Ничего из ценной утвари, икон, книг не было спасено. Всё убранство храма сгорело полностью. Нам удалось спасти лишь сущую мелочь...

Надежда Васильевна ХОЛКИНА
Преподаватель Ярнемской средней школы

Метрические книги Турчасовского прихода

ВСТУПЛЕНИЕ

В музее Ярнемской средней школы находятся Метрические книги Турчасовского прихода, датированные концом XVIII - началом XIX веков.

Село Турчасово (Посад) расположено в 18-20 км от Ярнемы вниз по течению реки Онеги. История Турчасовского прихода и его храмов достаточно хорошо изучена краеведами, считается, что он возник никак не позже XVI века. Метрическим книгам Турчасовского прихода посвящена исследовательская работа Ивановой Яны, ученицы 7 класса Ярнемской средней школы за 2008 год (руководитель Корнева О.В.) <http://www.onegaonline.ru/html/dz2/setext.asp?kod=768>

В её работе сказано:

«С 1702 года указом Петра I на священников приходов были возложены обязанности оформления ведомостей о родившихся и умерших. Через 20

лет было установлено вести при церквях метрические книги, в которых велись записи о рождении и крещении, заключении браков, и о смерти прихожан. Метрики велись в переплетённых, прошнурованных и пронумерованных книгах. Власти требовали, чтобы любая запись совершалась немедленно после требоисправления (крещения, венчания, отпевания) самим священником или его помощниками – диаконом, дьячком или пономарём. По истечении года подлинник метрической книги, скреплённый подписями всех священно церковнослужителей, передавался в духовное правление, а копия оставалась на хранении в приходе – в ризнице со всевозможной бережностью от гнили и пожаров. Метрические книги XVIII-XIX веков стали выдающимся памятником отечественной статистики, незаменимой при изучении вопросов народонаселения».

В 2015г. я снова перелистала эти книги, т.к. за прошедшие 7 лет получила несколько запросов по записям в них. Кроме того, Министерством образования и науки Архангельской области и государственным бюджетным образовательным учреждением дополнительного образования детей Архангельской области «Дворец детского и юношеского творчества» для ежегодного заочного конкурса компьютерных презентаций школьных музеев в 2016 г. была объявлена тема «История одного экспоната», что и определило выбор темы для моей работы на 2015-2016годы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Перечень метрических книг, сохранившихся в музее, и их отдельных листов.

Некоторых посетителей школьного музея интересует вопрос, как метрические книги в нём оказались. Известно, что с 1918 г. записи актов гражданского состояния осуществляли местные органы Советской власти, там и хранились метрические книги. В настоящее время они обычно находятся в районных или областных архивах. Наши книги каким-то образом не были переданы в архив, и остались в Турчасовском сельском совете. Позже Турчасовский сельский совет объединился с Ярнемским сельским советом, а из сельсовета многие архивные документы, в том числе и книги, попали в школьный музей. Все книги находятся в двух больших подшивках и отдельных листах.

В музее хранятся следующие книги (или отдельные страницы книг):

1-ая подшивка (без обложки, бумага серая или голубоватая, толстая, тетради подшиты, отдельные листы выпали из подшивки, размер листа приблизительно 360 на 220).

- 1776 г. – 1 лист, янв. (брак и умерш.)
1778 г. – 3 листа (рожд., брак, умерш.)
1781 г. – 2 листа (рожд., брак, умерш.)
1782 г. – 2 листа (рожд., брак, умерш.)
№ 6. 1783 г. – 2 листа (рожд., брак, умерш.) – [с этой тетради указывается номер]
№ 7. 1785 г. (рожд., брак.)
№ 8. 1787 г. (рожд., брак, умерш.) – [не полная]
№ 9. 1788 г. (рожд., брак, умерш.)
№ 10. 1789 г. (рожд., брак, умерш.)
№ 11. 1790 г. (рожд., брак, умерш.)
№ 12. 1792 г. (рожд., брак, умерш.)
№ 13. 1793 г. (рожд., брак.)
№ 14. 1794 г. (рожд., брак, умерш. по октябрь)
№ 15. 1795 г. (рожд., брак, умерш.)
№ 16. 1796 г. – [не все записи]
№ 17. 1797 г. – [не все записи]
№ 18. 1798 г. – [не все записи]
№ 19. 1802 г. – [не все записи]
№ 20. 1804 г. – [не все записи]
1805 г. [полтетради оборвано поперёк листов]
№ 21. 1806 г. (рожд., брак, умерш.)
№ 22. 1807 г. (рожд., брак, умерш.)
№ 23. 1808 г. (рожд., брак, умерш.)
№ 24. 1809 г. – [без начала]
1810 г. – [не все записи]
№ 26. 1811 г. – [не все записи]
№ 27. 1812 г. (рожд., брак по ноябрь, умерш.)
№ 28. 1813 г. (рожд. по ноябрь, брак по июль, умерш. по октябрь)
№ 29. 1814 г. (рожд., брак, умерш.)
№ 30. 1815 г. (рожд., брак, умерш. по сентябрь)
вероятно 1816 г. – [не все записи]
Всего в подшивке имеются записи за 31 год.

2-ая подшивка (обложка из серой домотканой материи, бумага серая или голубоватая, толстая, тетради подшиты, отдельные листы выпали из подшивки, размер листа приблизительно 360 на 220)

- 1832 г. (рожд., брак, умерш.) – [вынуты отд. листы]
1833 г. (рожд., брак, умерш.) – [вынуты отд. листы, начата нумерация страниц]
№ 49. 1834 г. (рожд., брак, умерш.) – [вынуты отд. листы]
1835 г. (рожд., брак, умерш.) – [вынуты отд. листы]
№ 51. 1836 г. (рожд., брак, умерш.) – [вынуты отд. листы]

1837 г. (рожд., брак, умерш.) – [вынуты отд. листы]
№ 53. 1838 г. (рожд., брак, умерш.) – [вынуты отд. листы]
№ 54. 1839 г. (рожд., брак, умерш.) – [вынуты отд. листы]
№ 55. 1840 г. (рожд., брак, умерш.) – [вынуты отд. листы]
№ 56. 1841 г. (рожд., брак, умерш.) – [вынуты отд. листы]
№ 57. 1842 г. (рожд., брак, умерш.) – [вынуты отд. листы]
№ 58. 1843 г. (рожд., брак, умерш.) – [вынуты отд. листы]
№ 59. 1844 г. (рожд., брак, умерш.) – [вынуты отд. листы, печатный титул]
№ 60. 1845 г. (рожд., брак, умерш.) – [вынуты отд. листы]
Всего в подшивке имеются записи за 14 лет.

Кроме двух подшивок имеются отдельные листы за 1821, 1827 и 1831 годы. Среди документов музея есть списки участников Гражданской войны, сделанные на обратной стороне отдельных листов из метрических книг за 1832, 1846, 1856, 1857 (или 1851 - неразборчиво) Судьба этих книг, как и остальных, неизвестна.

Записи в книгах выполнены чёрными чернилами, почерк у писавших «старинный», с сокращением слов, с росчерками, завитками и т.д., таким образом, записи XVIII века трудно прочитать (исключение составляют 1785, 1788, 1792 годы). Начиная с 1806 года, почерк в записях становится проще и понятнее.

ФОРМА ЗАПИСЕЙ

Записи в первых книгах (конец XVIII века) очень краткие, так, например, за 1781 год все три части записей (о родившихся, бракосочетавшихся и умерших), занимают всего 2 листа (из них 1,5 страницы для 33 родившихся, полстраницы для записи 5 браков и полстраницы для записи 14 умерших). В записях об умерших нет упоминания о смерти младенцев вплоть до 1795 г. В 40-е годы XIX века записи становятся более подробными и за год составляют уже полную тетрадь: так, за 1844 г. в ней насчитывается 48 листов (записи о рождении 68 человек на 21 листе, запись о 8 браках на 6 листах, записи о смерти 57 чел. (из них 32 чел. в возрасте до 5 лет) на 20 листах, и 1 лист с итоговым «табелем».

Запись о рождении в конце XVIII века заполняется в 3 графы: номер, дата рождения и собственно запись, которая занимает всего 2 строки: *«Деревни Горбольсовской крестьянина Фёдора Афанасьева дочь Евдокия, восприемницей была крестьянская дочь девка Ульяна Фёдорова»*, месяц указывается в третьей графе. Упоминание имени матери родившегося ребёнка находим в сохранившихся книгах только с 1832 года. В книгах 40-х гг. XIX века форма записи другая: идёт нумерация родившихся (отдельный счёт для родившихся мужского и женского пола), дата рождения, имя родившегося; звание, имя, отчество и фамилия родителей,

вероисповедание обоих; звание, имя, отчество и фамилия восприемников, кто совершал таинство крещения. Последняя графа – «Рукоприкладство свидетелей записи – по желанию», обычно она пустая.

Имена родившимся давались в соответствии с церковным календарём. Так, в конце октября большинство женских имён – Параскева, т.к. 27 октября отмечается день Параскевы Пятницы. Но выбор имени зависел и от священника: в 30-е гг. священник Александр Конанов даёт разные имена детям, «обычные», не экзотические, как сказали бы сейчас: Варвара, Ульяна, Анастасия, Екатерина, Евлампия, Константин, Иосиф, Архип. У Герасима Фёдорова (служил до 1846 г.) встречаем среди «обычных» такие имена: Конкордия, Домника, Феоктиста, Евгения, Смарагд, Аполлоний, Горгоний. Часто такие редкие имена у него даются незаконнорожденным детям. (В 1811 г., встречаем имя незаконнорожденной «Хиония».) Кстати, отметка о том, что ребёнок незаконнорожденный, т.е. рождён не в браке, находим первый раз в 1809 г., например, встречается такая запись: *«Посадной волости у крестьянина Ершёва у жены Параскевы Фёдоровой незаконнорожденная дочь Устина»*. В начале XIX века такие записи встречаются редко, в 40-е гг. – довольно часто (у 5-ти родившихся из 61 в 1842 г.), отметка «незаконнорожденный» ставится рядом с именем ребёнка, а в записи о родителях пометки: *«сосланного на поселение в Сибирь крестьянина Ивана Онохина жена Ульяна Васильева», «Марфа Митрофанова Рябова, жена крестьянина Ильи Григорьева Рябова, бывшего в отлучке по паспорту в Петербурге», «Владыченского прихода деревни Улитинской у крестьянской девки Натальи Никитиной Маежовой», «у вдовы», «в отлучке мужа в Санктпетербург»*. В то же время можно встретить запись о рождении ребёнка у вдовы *«Ульянии Андреевой, оставшейся после смерти мужа беременною»*.

В работе Ивановой Яны говорится: Для обряда крещения отцом новорождённого приглашались восприемники – крёстные отец и мать, они были главными действующими лицами, принимали ребёнка из купели. К ним церковь предъявляла высокие требования: они должны быть благонравными, проявлять усердие в делах церкви, знать молитвы, регулярно соблюдать пост, исповедоваться, причащаться. В народе восприемники считались вторыми родителями, опекунами и покровителями ребёнка. Их часто выбирали из родственников, уважаемых и состоятельных людей. В бедных семьях обязанности восприемников нередко исполнялись членами этой же семьи. Церковь приняла обряд восприемничества не сразу, долго противилась народному обычаю, но затем пошла на уступки, допустив к обряду крещения сначала одного восприемника того же пола, что и ребёнок, а затем и второго.

Запись 1806 года: *«февраля месяца 3 числа деревни Селища Никоновскаго крестьянина Тимофея Григорьева Онохина дочь Анна, крещена в церкви священником Фёдором Матфеевым сего февраля 6*

числа. При крещении приемницей была девка Матрёна Иванова Иконникова».

Запись 1841 года: «Февраля месяца 10 числа Прилуцкого прихода деревни Клещепольской крестьянина Иосифа Петрова Прищемихина и законной жены его Марфы Дмитриевой, оба православные, сын Алексей. Восприемник Турчасовского прихода диакон Алексей Матфеев Фирсов. Таинство крещения совершил местный священник Герасим Федоров с дьячком Флегонтом Шангиным».

Встречается запись о крещении родившихся и умерших младенцев: «За страх смерти крестила бабка Ксения Афанасьева Шастилова».

Запись о бракосочетании тоже видоизменялась. Так, в 1778 году запись с указанием числа и месяца выглядела так: «Деревни Горбольсовской крестьянин Иван Андреев Прилуцкого прихода крестьянской дочерью девкой Ефимьей Павловой первым браком». В 1841 году, кроме даты, в записи указывается возраст жениха и невесты, вероисповедание обоих, которым браком, указывалось, кто совершал таинство, и кто были поручители. Повторные браки встречаются часто, так как смертность была высокой. Иванова Яна в своей работе отмечает: «Возраст вступающих в брак разный: от 16 лет до 57. Встречаются и вторые браки, но чаще у мужчин. Больше всего венчаний приходится на январь и февраль, время между постами».

Ранние браки очень редки, так в 1806 г. встретился единичный случай: «жених 16 лет, невеста 15 лет от роду». Чаще, жених был старше невесты.

Запись о смерти в 1778 г.: «Турчасовского Посаду крестьянский сын Селивестр Степанов 23 лет».

В более поздних записях (40-е гг. XIX века) указывается число и месяц смерти, звание, имя, отчество и фамилия умершего, место его жительства, кто исповедовал и приобщал умершего, кто совершил погребение и где место захоронения. У детей указывается имя, отчество и фамилия отца: «Деревни Евдокимовской крестьянина Ивана Фёдорова Дяткина сын младенец Фёдор, 3 мес.»

В работе Ивановой Яны проанализированы причины смерти. Основными причинами смерти были: «от родимца», «от горячки», «от лихорадки», «от чахотки», «от поносу». Умирало очень много младенцев, они составляли большую часть всех умерших. Например, в 1839 году умерло 32 ребёнка до 1 года от родимца и поносу (всего умерших 55), в 1840 году умерло 26 младенцев (всего умерших 45). Родимец или родимчик – болезненный припадок с судорогами и потерей сознания. Горячка и лихорадка – высокая температура с жаром и ознобом в течение длительного времени, чаще, наверное, простудного характера. Чахоткой, кровохарканьем в то время в народе называли туберкулёз. Каждый год одна-две женщины умирали после родов. У людей пожилого возраста указывали, что умерли они «в расслаблении» - от паралича, «от водяной

болезни» - отёков, «от кровавого удара» - инсульта. Редкой была смерть «по старости». Единичны случаи смерти «от натуральной оспы», «от кори». Странной кажется указанная причина смерти жены крестьянина деревни Осначевской Степана Дмитриевича Лебакова тридцатилетней Ксении Ивановны – «от истерики». Нужно здесь отметить, что «от оспы» умерло много детей в 1814 году.

Среди причин смерти встретилась один раз запись «удавился», в графе «где погребён» поставлен прочерк. Место погребения указывалось не всегда, встречаются записи «при Турчасовской церкви», «при церкви», «при церковном кладбище», с 1837 г. «на отведённом кладбище», с 1839 г. «на приходском кладбище». Надо полагать, что вряд ли всех хоронили у церкви в центре села, ведь это десятки умерших ежегодно, а для этого нужно очень много места. Позже появляется запись «в церковной ограде». В 1843 г. из 27 умерших за год в церковной ограде похоронен один - «Турчасовского прихода священника Герасима Васильева Фёдорова сын младенец Василий, 1 мес.» (умер «горячкою»). В 1845 году из 40 умерших запись «в церковной ограде» встречаем 4 раза: «деревни Фоминской крестьянина Ивана Пантелева Попова сын младенец Николай, 4 мес.» (умер от кори), «деревни Грихновской крестьянин Григорий Андреев Ушаков, 79 лет» (умер от старости), «Турчасовского прихода дьячка Егора Кириллова Терентьева сын младенец Владимир, 2 мес. (умер «от родимчика»», «деревни Малой Мелеховки крестьянская вдова Анна Михайлова Сереброва, 71 год» (от лихорадки). (Позже, в конце 19 века, у церкви хоронить перестали вообще.)

После каждого года составлялась и подшивалась сводная ведомость о рождении, браках и смерти, а также прибавочная записка, в которой указывались лица, которые прибыли в приход из других мест по причине замужества или после долгой отлучки.

СВЯЩЕННИКИ И ПРИЧТ ПРИХОДА

По Метрическим книгам можно проследить, кто являлся священником в Турчасовском приходе в разное время. Как уже было сказано выше, неразборчивый почерк в книгах конца 1770-х – начала 1780-х гг. не даёт возможности разобрать содержание записей, в том числе и имя священника. В 1788 г. записи ведёт св. Матфей Васильев, почерк разборчивый. С 1789 г. записи ведёт дьякон Пётр Алексеев *Подлещев* (?) почерк неразборчивый, трудно читаемый. В 1792 г. появляется подпись дьякона Фёдора Матфеева, записи ведутся понятным почерком. С 1794 г. записи ведёт, видимо, пономарь Алексей Фирсов, почерк Алексея Фирсова тоже неразборчив, буквы старинного начертания, много всевозможных росчерков. В 1810 г. под записями находим подпись «дьячок Алексей Фирсов», в 1831 г. «дьякон Алексей Фирсов». Особенно неразборчив почерк в книгах конца XVIII – начала XIX века. Начиная с 1806 г. почерк

становится проще, понятнее. В 1806 году находим подписи всех служителей прихода: священник Фёдор Матфеев, дьякон Еремей Попов, дьячок Иосиф Шангин, пономарь Алексей Фирсов. (Фёдор Матфеев скоропостижно скончался в августе 1809 г. в возрасте 44 лет.) Далее упоминаются священники Иван Леваковский, Василий Петров (бывший ранее Городецким священником). Находим записи о браке пономаря Флегонта Иосифова Шангина (1811 г.) (в 1827 г. «*дьячок Флегонт Шангин*»), брак пономаря Ефима Шангина, от роду 18 лет (1812 г.). Видимо, это сыновья «*умершего дьячка Иосифа Шангина*».

В 1831 г. встречаем подписи всего причта: священник Андрей Гаврилов Молчанов, дьякон Алексей Матфеев Фирсов, дьячок Флегонт Шангин. В июне 1832 г. требы совершает «*входящий Городецкого прихода св. Дмитрий Ильин Иванов*», в июле св. Пётр Павловский, в августе св. Прилуцкого прихода «*Димитрий Адриянов Шангин*», с августа 1832 г. до ноября 1836 г. св. Герасим Конанов. До сентября 1837 г. службы исполняет «*входящий Городецкого прихода св. Дмитрий Ильин Иванов*», с сентября – св. Александр Конанов. С марта 1840 г. по 1845 г. св. Герасим Васильев Фёдоров. Интересна запись за 9 ноября 1845 г. в ч.3 «*о умерших*» в графе «*Кто совершил погребение и где погребены*»: «*По запрещению Епархиальным начальством местного священника, входящий Прилуцкого прихода священник Климент Шаньгин с дьяконом Васильем Петровым и пономарём Петром Дьячковым Штипальцем*». В чём причина «*запрещения*» местного священника? Позже (на разрозненных листах) встречается имя св. Александра Афанасьева Ивановского. Ещё интересным показалось имя пономаря, служившего с июня 1842 г. «*Пётр Иванов Дьячков Штипалец*». Последнее, четвертое, добавление «*Штипалец*» очень похоже на прозвище. Его подпись встречаем до последней имеющейся у нас книги – 1845г.

НАСЕЛЕНИЕ ПРИХОДА

В записях о рождении в 1778 г. упоминаются 17 деревень, наиболее часто деревни Грихновская, Яхоревская, Фоминская; в 1832 г. упоминаются 27 деревень, наиболее часто Грихновская, Большая Мелеховка, Евдокимовская, сельцо Пертемское, Череповская; в 1840 г. упоминаются 20 деревень, наиболее часто Евдокимовская, Большая Мелеховка, Грихновка, Малая Мелеховка, Пертемская. Видимо, это были самые населённые деревни прихода. Вообще же по всем записям (с 1778 г. по 1845 г.) можно проследить следующие названия деревень: Важиновская (*Важиновка*), Вандинская, Герасимовская (*Таборы*), Гневашевская (*Носков Конец*), Гоголевская (*Гоголево*), Голяндуховская (*Макарино*), Горбольсовка, Грихновская (*Целягина*), Евдокимовская (*Васильев Двор*), Ефимовская (*Гора*), Колосовская (*Колосово*), Кривчевская, Липинская (*Залесье*), Манушкинская (*Фокинка*), Меглиевская (*Заполье*), Мелеховка

Большая, Мелеховка Малая, Москвинская, Осиевская (*Заозерье*), Осначевская, Острожная, Пертемская (село Пертемское), Посадная (Турчасовский Посад), Пятинская, Росомахинская, Селище (селище Никоновское), Спировская, Степановская, Сухоруковская, Тетеринская, Фирсовская, Фоминская, Черёмхова Горка, Череповская, Шатовская (Шестовская), Шпякинская, Штокаревская, Яхоревская – всего 39 наименований. В скобках курсивом даны местные названия, которые употреблялись в 1918 г. – точно, употребляются и сейчас жителями этих мест. В «Списке населённых мест Архангельской губернии» от 1918 г. упоминаются 36 из этих деревень (за исключением Вандинской, Тетеринской и Заозерской).

Наиболее распространённые фамилии в приходе (упоминание о рождении в 1832, 1840, 1845 гг.) – Каменев, Шайтанов, Онохин, Тимофеев, Бахматов, Попов, Неклюдов, Трофимов, Гаревской, Клыков, Серебров. Большинство их встречается и в наши дни на территории Турчасовских деревень.

Необычные и редкие фамилии за эти годы – Милузов, Тобуркин, Полоротов, Козминский, Животников, Игремский, Вшивых, Ошмарин, Дрызлов (из Тверской губ.), Ватагин, Новгородкин, Шастилов. Интересно узнать, дошли ли они до наших дней.

Иногда по фамилии, упоминаемой в записях можно догадаться, из какой деревни упоминаемый крестьянин: Маежов (Улитина), Чевыков (Матвеевка), Воробьёв (Рагозина), Корнилов, Красков, Порожников (Кутованга), т.к. их потомки жили в этих деревнях до середины XX века. В части 2 (о бракосочетании) встречаем записи о женитьбе *«отставных военнослужителей»*: в 1836 г. *«отпущенный по билету на свою родину отставной военнослужитель Николай Стефанов Серебреников, крестьянина Андрея Наумова Коряпина с дочерью девицею Марфой обвенчаны, от роду жениху 41, невесте 28 лет»*. Интересно узнать, каков был срок военной службы в начале 19 века.

Как известно, на Севере крестьяне не были крепостными, поэтому в записях есть указания на сословие: обычно *«государственный крестьянин»*, *«отставной военнослужитель»*, иногда *«мещанин»*. В записях упоминаются чаще всего крестьяне своего прихода, но иногда в записях встречаем упоминание крестьян других приходов: Городецкого, Владыченского, Прилуцкого, Пияльского, а также Пабережского, Устьмошского и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перелистывая страницы Метрических книг Турчасовского прихода, не всегда представляешь их древность: первые страницы этих книг написаны почти 240 лет назад, ещё до постройки знаменитого Турчасовского тройника! Книги сохранились, несмотря на пожары, войны,

гонения на церковь. В настоящее время у многих возрос интерес к истории своей семьи, своего рода, отсюда желание посетителей нашего музея перелистать страницы метрических книг, найти упоминание своей фамилии. Конечно, для плодотворной работы с книгами надо иметь хотя бы какие-то сведения из истории своей семьи: имена, даты рождения, названия деревень и т.д.

Так нашёл записи о своих предках житель Санкт-Петербурга, Попов Григорий Александрович, как он сам пишет: *«в восьмом поколении выходец из государственных крестьян Посадной волости»* – его предки жили в д. Фоминская (Подомариха) и переселились в Петербург в 40-е гг. XIX века (в 1844 г. Григорий Пантелеев Попов упоминается как Санкт-Петербургский мещанин). Запись о рождении Михаила у крестьянина Ивана Пентелеева Попова мы нашли в книге.

Григорий Александрович пишет о своих родственниках: *«Михаил Иванович переехал в С-Петербург, стал купцом второй гильдии, книготорговцем. Имел книжные магазины на Невском и был крёстным отцом моего деда. Мой прапрадед, даже живя в Питере, не порывал связи со своей родиной. Алексей Сютин нашёл в ГААО запись о том, что в 1870 годы проводилась реконструкция Преображенской церкви в Турчасово на пожертвования прихожан, и из собранной суммы (5000 руб.) наибольшие пожертвования – 800 руб.. внёс С-Петербургский купец Попов Григорий Пантелеймонович».*

Летом 2015 г. Григорий Александрович приехал в Турчасово, чтобы побывать на родине предков, смог на несколько часов приехать в Ярнемский школьный музей. Григорий Александрович 1939 г.р., он житель блокадного Ленинграда, но, несмотря на возраст, интересуется прошлым своей семьи, отыскивает забытые имена своих родственников, находит места их захоронения, устанавливает памятники и памятные доски! Когда я общаюсь с Григорием Александровичем, мне невольно приходят на память слова А.С. Пушкина:

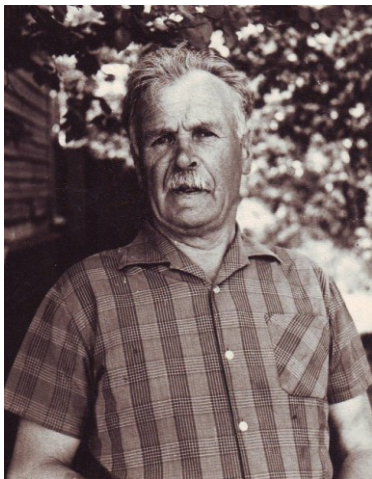
*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Метрические книги Турчасовского прихода – бесценный экспонат нашего школьного музея. Благодаря им, мы многое узнаём о прошлом своего края, о людях, которые его населяли более двухсот лет назад.

Рукописи не горят

Предисловие от редакторов альманаха

Приходилось ли вам задумываться над тем, откуда произошло название Онега, жемчужины Беломорья Кий-острова, или загадочного названия Хайнозеро? Географические названия Прионежья очень своеобразны. Наука, изучающая географические названия, их происхождение, смысловое значение, современное состояние, написание и произношение, называется **ТОПОНИМИКА**. А собственное имя, обозначающее собственное название любого географического объекта называется **ТОПОНИМОМ**. Лучшим способом сохранения топонимов является их сбор, запись и издание. Единственным онежским краеведом, который занимался вопросами топонимики, был **Павел Иванович Носков**. Много лет он занимался этой наукой, но, к сожалению, оставил нам в «наследство» небольшое количество объяснённых топонимов, которые мы предлагаем читателю.

Павел Иванович НОСКОВ

Что временем сокрыто

Азуки – речки, малая и большая, правые притоки реки Мудьюги. Местное название **Азики**. Слово прибалтийско-финской чуди, в переводе «жилая». Производные: обитать, проживать, населять, население, посёлок.

Исток речек образуется у подножия возвышенности, лежащей в междуречьи Онеги и Северной Двины, с высотой над уровнем моря до 200 метров. В далёком прошлом на южном склоне возвышенности обитали северные народности, занимались охотой, рыбными промыслами и сельским хозяйством. Умеренный климат местности, защищенной от северных ветров, наличие плоскогорий – плато и склонов на местности, вдали от больших водных магистралей люди жили оседло и спокойно. Дальнейший их путь лежал к морю, о чём уверяют названия мест. Следы трудовой деятельности прибалтийско-финской чуди оставались заметными ещё в XIII веке, когда селились в деревню Верховье на реке Мудьюге крестьяне. И с тех пор передавались предания о загадочных людях, живших в Верховских суземах.

Акан – речка, левый приток Нименьги, вытекает из озера Акан. В переводе с финского – «бабье».

Анда – река, правый приток в предустье реки Онеги. Перевод с финского – «даровитая». Название, надо полагать, получило от обилия природных богатств реки и местности. Много было рыбы в реке и озере. Весной рыба после нереста спускается в реку Онегу в богатую кормовую фауну и обитает от г. Онеги до Подпорожья, а в августе возвращается «нагульной» - с высокими вкусовыми качествами. Сброшенная в половодье порогами, кормится также в предустьевой зоне, а осенью, когда концентрация соли в реке увеличивается, гидрологические условия ухудшаются, рыба идет в реку Анда. «Пришлая» рыба пополняет запасы водоёма.

И так из века в век. Река в прошлом бобровая: писцовые книги XVI века указывают, что с крестьян за бобровую охоту брали налог. В 1562 году «деревня у Андо-озерко, называлась Окатовской». Четыре двора, пять человек тяглых крестьян.

На заре промышленного лесопиления, в 1752 году на реке Анде построены две «пильные мельницы» - два лесопильных завода, по две лесопильных рамы, каждый на энергии воды. Одна из плотин стояла в устье реки Анды. Заводы работали до 1860-х годов. Пилёный лес отправлялся за границу.

Андский посёлок основан в половине XVIII века, где была запань приплавленного леса. Лес сортировался и «кошелями» отправлялся в бассейны заводов. В 1929 году основан Андский кирпичный завод. Прimitивное оборудование состояло из глиномешалки конного привода, ручной прессы в формах, воздушной сушки обжига в простых напольных печах. Сезон производства кирпича длился 90 дней. В 1935 году выработали кирпича 1 млн. штук, в 1948 году, в связи со строительством гидролизного завода, производство кирпича было поставлено на промышленную основу: круглогодичная выработка на специальном оборудовании и обжиге.

Андреевская (Низ) – деревня, одно из селений Мудьюги. Название образовано от личного имени. Основано в конце XV века на вотчинных землях Сырьинского монастыря. В 1562 году – четыре двора. Родина героя труда времён гражданской войны токаря Носкова Ивана Антоновича (1883-1958 гг.), награждён за труд в оборонной промышленности в 1917-22 гг.

Антоновская – деревня в пределах Ярнемы, второе название – **Усолье**. Два названия образовались: первое – от личного имени основателя, второе – от места у «соли». Одно из первых поселений в Прионежье, датируется началом XIII века, с времён самостоятельного правления Новгорода. Считалось вотчиной владыки православной церкви.

Именовалось Владыченским усольем до 1478 г., позднее принадлежало до 1762 года Соловецкому монастырю.

Ануфриевская – деревня в пределах Ярнемы. В XVI веке деревню приобрел Федотка Васильев – сын Баса. С той поры именуется Басина.

Ануфриевская, Погостище – селения в пределах Прилук. Первая основана в XVI веке Отанем Ануфриевым («два двора Прибытковых», сообщали писцовые книги за 1562 год). Название Погостище, где суффикс «ище» указывает на поселение в прошлом: центр селения с податным округом.

Летопись Прилуцкого церковного прихода утверждает, что «при начале строительства храма лес плыл в плотях, и прибило течением реки в Погостище, там и решили ставить церковь ...». Но, тогда же одумались, «отказались на сие место ставить, потому что там жила чудь». Спустили лес без людей, «где бог прилучит лесу пристань, так и приход называться будет». Тогда «оный лес на ныне занимаемое место пристал, приход стал называться Прилуцким». (*Летопись церкви Прилуцкого прихода*).

Анциферовская – деревня в пределах селения Чекуево. Основана в начале XVI века Семеном Анциферовым. «Четыре сына: Захарко, Якунка, Михалко и Григорий». Сыновья живут отдельно, по соседству – в различных деревнях. В то время шёл процесс колонизации: занимались пустующие и свободные земли, из однодворовых деревни становились многодворными – создавались сельские общины. (*Основание – писцовые книги за 1562 год*).

Батюковская – деревня, одно из селений Носовщины, основана в XVI веке. Отдаленность от центра района – 155 километров. Из-за малочисленности населения, перестройки сельских мелких хозяйств в укрупненные, потеряла своё первоначальное значение. Батюк – сирота, принявший на себя хозяйство родителей после их смерти.

Боголепово – урочище в Кожеозерье. Название – от личного имени монаха боголепа постриженного в 1639 году, в мире – боярин Борис Львов. «Монах-хулиган»: будучи в прошлом высокого звания, в монастыре никому не подчинялся, вызвался в Москву на «собор». Обижен был ещё и тем, что живший вместе с монахом Никоном, позднее ставшим патриархом всея Руси, боярин оказался обойдён. Заведовал монастырским двором в Кянде (бывшая вотчина Кожеозерского монастыря), пьянствовал и дрался. В урочище Боголепово временами жил монах, ловил рыбу и умиротворял свою душевную скорбь. (*Из истории онежских монастырей*).

Большой Бор – одно из древних селений на реке Онеге, относится и к кусту деревень: Усолье, Поле. Первожители – чудские племена, которых до прихода русских приманили сюда природные соляные источники.

Первое название – Чухчин бор, смысловое значение – «селение чуди». Производные: чудь, чухча, чухни – так звали повсеместно в далеком прошлом по всей Руси в соседстве обитавших людей северных народностей: лопь, ненцев (самоедов), карелов, коми и финнов.

Со строительством дороги Чекуево–Обозерская в начале нашего века, Боры оказались на бойком месте: жить на большой дороге считалось выгодным. Селение Бор документально стали называть Большой Бор – по числу жителей. Большой Бор родина Катышева Александра Клементьевича, одного из активных участников переворота в 5-м стрелковом полку Белой армии, перешедшего на сторону Красной армии.

Букоборы – деревня Чекуевского сельсовета. Первое месторасположение – в стороне от берега реки Онеги, на зимнем тракте Хачела–Воймозеро–Юксозеро–Макарьино. После проложения тракта государственного значения крестьяне переселились на берег реки Онеги. Зимний тракт существовал ещё во времена Новгородского правления.

Верхний Двор – деревня (также Петровская) на реке Коже. Название Верхний Двор происходит, видимо, от того, что эта деревня – монастырское подворье Соловецкого монастыря, возникшее с целью устройства сёмужьего забора на реке Коже. История утверждает: один из основателей Соловецкого монастыря в лето 1435 года монах Герман «отъехал ради потребы на Онегу». С тех пор Соловецкий монастырь ловил здесь рыбу. (*И. Лепихин, 1772 год*).

Река Кожа считалась вотчиной Соловецкого монастыря, который противился ловле рыбы на его владениях, но Кожеозерский монастырь не подчинялся. И только в 1681 году, 22 апреля, по ссудной грамоте «кожанский забор» перешел в ведение Кожеозерского монастыря. Этого, правда, могло и не быть, но волнения на Соловках в течение 8 лет (1668–1676 гг.), неподчинение царской власти, унизили роль монастыря.

Название Петровская образовалось от личного имени первожителя.

Вазенцы – селение, образовавшееся позднее, чем другие. По писцовым книгам XVI века видно, что родственные связи местных жителей не нарушены – живут вместе нераздельными хозяйствами. Существовала ещё деревня **Прибышево**, заселенная вотчинными крестьянами Ошевенского монастыря, захватившими свободные земли.

Верховье Мудьюжское – Здесь основано две деревни в XV веке. Первожитель Степанов, название деревни **Митинская** – от личного имени Дмитрий. Вторая деревня **Ряхковская**.

В далекие времена, когда новосёлы выбирали место, то в их заботу входило избавление от потравы зверем полей, скота. Выбирали жительство на пограничьи реки, ручья, озера – на мысу. А к лесной стороне делали разрыв: роняли лес, разрабатывали поля и покосы. Мудьюжане поселились на пересечении ручья и реки, называемой Утюг. В XVI веке две деревни: 12 дворов, 14 человек тяглых крестьян. В конце XVI века, вскоре после основания города Архангельска и центра Беломорского торгового проложена зимняя дорога Архангельск-Чекуево. Дорога связывала западные районы: Каргополь, Карелию и Поморье. Первой станцией, как называли – «выпряжай», через 15 вёрст от Чекуево была деревня **Верховская**.

В XVI веке в Верховье образовалась многодворная сельская община прибывших из разных отдаленных селений. Часть новосёлов – из потоков колонистов, идущих из России. По принципу захвата засекали свободные пустующие земли, особенно у речек. Симановы заняли Лилисару, Кононовы – Верхнюю Мудьгу, Титовы – Некрасово и Бучарово, Шерстобоевы – Рименьгу, Нефедовы – Вычеру, закрепив заимки билетами на 99 лет.

Жили умные и пытливые крестьяне: автор располагает старыми записями об урожаях земли с десятины. Савва Артамонов и Дмитрий Кононов при среднем удобрении навозом снимали по 22 центнера зерна с гектара, а Титовы при обильном удобрении – 200 пудов с десятины в тёплое лето.

Верховье быстро разрослось, в конце XIX века было 180 дворов.

Волчозеро – белое

Ворзогоры – В «Словаре областного Архангельского наречия» (автор – А. Подвысоцкий, 1884 года издания) читаем: «Ворзогоры – погост Онежского уезда, в старину назывался Ворогоры – от того, что местность эту первоначально заселили в начале XVII столетия литовские и русские беглецы, у которых тут был воровской притон. До сих пор существуют Ворзогоры – воры». К сожалению, это всего лишь предание.

Около двух тысяч лет тому назад Ворзогоры представляли собой высокий остров Белого моря, надо полагать – необитаемый.

Общеизвестно, что берега моря растут, море мелеет, показываются новые отмели, они становятся островами, зарастая травой, а позднее лесом. Здесь, по мнению геологов, в ледниковую эпоху находился центр последнего оледенения. Под колоссальной тяжестью льдов земная кора как бы прогнулась и теперь медленно выправляется.

Общеизвестно, что море мелеет на 3 метра в 100 лет. Наступило время – и остров Ворзогоры соединился с берегом, не стал даже полуостровом, как бы вписался в материк.

Первооткрыватель достиг этой местности, возможно – с целью промысловой охоты или захвата угодий. Мы не знаем, выражаясь ученым

языком, лингвоэтническую принадлежность, то есть к какой северной народности отнести первооткрывателя. Однако предположительно это был комизырянин, так как Ворзогоры можно перевести с коми языка: «вор» - лес, «ворзо» - нетронутый лес. Русские поселенцы впоследствии, возможно, переосмыслили местное название, добавив «горы» (из-за рельефа местности, а также по аналогии с другими похожими названиями: Лингора, Яньгора, а также более известно Холмогоры).

Вонгуда – в переводе с чудского – «омутная». По писцовым книгам 1562 года видно, что с крестьян вонгудских деревень взимался налог с рыбной ловли на взморье и в реке у Порога. Ловили сёмгу.

Из книги архангельского историка Крестинина В.В. следует, что тогда при впадении реки Ваймуги в Емцу там обитали вепсы и вся территория на север до берегов Белого моря заселена была ими.

Нами проверено и подтверждено название мест: озеро Кимозеро – с вепского «токовое» (от «ток» - место птичьих свадеб). В XVI веке – пять деревень.

Вычера – луговая река

Грибаниха – селение в пределах Подпорожья, по левому берегу Онеги. Как произошло название? Бурное течение сбрасывало у берегов деревни та называемый твердый сток: песок и камни. В реке образовалась подводная дюна. С каждым годом намыв увеличивался. Позднее из воды поднялся остров. Кстати, река Онега за год сбрасывает 16 млрд. кубометров воды, а твердого стока – 100 тыс. кубометров. На острове появилась растительность. Намытый ил на поверхности его благотворно сказывался на травостое. Крестьяне косили и убирали сено.

Быстрое течение реки продолжало подмывать остров и материковые берега. Размывая, обрушивало земляные массы. В результате берега оказались с навесными «kozyрьками», называвшимися с X века грибами. Грибы могут быть очень большими. Итак, Грибаниха – от этих грибов-«kozyрьков». Их мы видим и сейчас на берегах реки у Подпорожья.

Глазовская – деревня, центр селения Ярнема. В конце XVI века – один двор, хозяин его – Васька щука Обросимов. Почему два имени? В старину их действительно у человека порой бывало два: данное от крещения – Василий, второе – домашнее, мирское. Наши предки были суеверны: они верили, что личное имя не только отражает характер, но может формировать человека. Родители думали, что их сын Щука будет бойкий, шустрый.

Глазаниха – Железнодорожная станция. Основана в 1944 году. Название – метафорично. Окно открытой воды на болоте – так называемый

«глаз». Не заросшее травой болото, не имеющая стока местность – трясина с окнами воды. Называют Глазоватым. Отсюда, видимо – Глазаниха.

Гневашевская – деревня в пределах селения Турчасово. Поселение сердитого, вспыльчивого человека. В XVI веке один двор Василия Тимофеева – это был местный богатей, имевший работников по найму, владевший ещё и деревней Ошала. Брат его Иванко пользовался землей в деревне Поле.

Гоголевская – центр селения Турчасово. В архангельских и вологодских, частично в ярославских говорах, гоголем называли франта, щеголя. В Новгороде так могли называть осанистого, спокойного, очень хладнокровного человека, имеющего прямую, горделивую походку. Названия деревень во многом зависели от писцов прошлых времён, их подготовленности и добросовестности. Всегда есть вероятность, что в результате их ошибки настоящую этимологию восстановить невозможно. Деревня – поздняя – основана заново в XIX веке, расположена в северной части бывшего острова Турчасово. Широкого расселения не получила из-за скудности расположенных поблизости сенокосных угодий.

Головановская – деревня в пределах селения Турчасово (два двора). Когда-то местность Турчасово была островом. Деревня Головановская расположена в верхней части, то есть в голове острова, что в старину было каждому понятно: ведь многие географические названия в далеком прошлом основаны были на сходстве с домашними предметами, даже с частями тела: «глаз» - окно на болоте; «горб» - холм, пологая возвышенность, гора; «голова» - начало, вершина, верховье; «пята» - низ, подошва, подножье.

Голендуховская – деревня в пределах селения Нермуша (два двора). В XVI веке – три двора. Позднее называлась Пономариха. В старину народ 5 февраля называл «днем Агафьи Голендухи». В это время выходили все запасы хлеба и других продуктов прошлого года. Говорили: «Наступает голендуха». Люди запасали заранее сухую рыбу, белый мох, хлебные высевки после молотбы. Хлеб был покупной. Случалось: «на вятку сей год дороги не могли приобрести, одолел снег, соли вывезти не можно». Значит, покупного хлеба с вятки не будет. Это грозило голодом.

Гора Жеребцова – селение в центре Подпорожья. Происхождение названия не выяснено. Однако в XVI веке существовало мирское имя – Жеребец (кроме имени, данного от крещения). В Костроме даже был боярин – Жеребец Семен Алексеевич Кобылин.

Городок – На заре нашего летоисчисления это место обживали племена прибалтийско-финской чуди. Основное занятие – сельское хозяйство подсечно-огневым способом, охота и рыболовство. Трудоёмкие работы на лесной целине требовали коллективного труда большой семьи. Жили общинами по два-три поколения, управляемые старшим. Первобытнообщинный уклад.

Давно, ещё до прихода сюда русских, река меняла рельеф берегов, и первое селение, расположенное на берегу, на языке чуди называлось Рагонима – в переводе «щелевой мыс». Поодаль стояло селение Эковское – в переводе «обрыв».

Известно, что городки строили новгородцы. Однако нет признаков, что селение когда-то было застроено как крепость. Нет следов оборонительных рубежей с постройками. Надо полагать, что в X веке миссия православной веры, будучи впервые на Онеге, с целью крещения живущих, называли селение Городок с намерением в будущем создать здесь укрепленный центр. Миссия, несомненно, состояла не только из представителей церкви, но и из князей социальных верхов новгородцев. Она дошла до низовья реки Онеги, где сейчас наш город, ознакомилась с населением, где преобладала чудь и редко русские, попавшие сюда по воле судьбы раньше своих соотечественников и говорящие на смешанном языке. Жили все в дружбе. Когда закончился долгий путь от Новгорода до Онеги, новгородцам стало ясно, что по всему Прионежью край не охранялся, военных опасностей не встречали. И строительство Городка, какие обычно строили новгородцы, на Онеге не потребовалось.

Название городок осталось. Население с приходом русских увеличилось. Жили с чудью без междоусобиц. Даже название селения стало двойным – русским и чудским – «Городок Рагонима».

Горболысовская – (она же **Криволысовская**), **Москвина** – селения в пределах Нермуши, на Тёлзе-горе. Первое название – Криволысовская. Основатель деревни прожил до старости, единственную дочь выдал замуж в Кутовангу. Деревня оказалась вымершей.

Позднее она стала называться Горболысовская. Значение слова: горболысовская – низкий сорт белки, вылинявший к весне. В XVI веке здесь было три двора. Жили Сергейко Гришин и два брата: Иванко-Москва Яковлев и Митка Яковлев.

Позднее названия деревень стали меняться по имени хозяев. Деревня Горболысовская, когда Иванко-Москва Яковлев там укоренился, стала называться Москвина, она сохранилась до наших дней. А вот в память Митки Яковлева деревни не осталось.

Продолжим разговор о братьях. Кроме указанных, в соседней деревне в XVI веке жил ещё брат, но по обычаям того времени он имел право величаться полным именем – это был Юрий Яковлевич Челядин. Он служил в земстве. Позднее мы ещё будем говорить о братьях Челядиных,

здесь мы только отразили историю деревни Москвина и социальные различия родных братьев.

Грихново – деревня в пределах селения Мудьюги. Названа по личному имени поселенца Грихно (Григорий). Деревня принадлежала Сырьинскому монастырю, основанному в XV веке. В 1562 году по писцовым книгам числилось два двора: братьев Занко и Власко Гавриловых и двор Федьки Тимофеева. Позднее – до 1762 года – деревня стала вотчиной Онежско-Кийского монастыря. Центр Мудьюжской волости.

Грихново – деревня в пределах Турчасова, позднее Целягино. Деревня основана в середине XVI века. Затем хозяином её стал Юшко Яковлев сын Челядня. Служил в земской управе. Имел право называться полным именем с величанием. Царские бумаги поступали на имя Челядину Юрию Яковлевичу.

Ю.Я. Челядин в начале смутного времени руководил строительством острога-крепости на правом берегу реки Онеги, на высоком холме против Турчасова.

В 1613 году литовско-польская орда, после неудачного наступления на Холмогоры и Архангельск, бросилась в Поморье, разграбив здешние волости, держала путь вдоль реки Онеги. На подступах к Турчасову, где орда встретила сопротивление, она сожгла выстроенный острог и разорила близлежащие деревни. Здесь насчитывалось 2500 человек

Память о смутном времени долго хранили крестьяне Прионежья. В честь строителя и воеводы Челядина осталось название Целягино, где буква «Ч» сменилась на «Ц» - прямой признак новгородского говора.

Горская – Росомахинская гора, Юрьева гора, Овечья гора, Росла гора, Жеребцова гора, Острцова гора, Черемуховая гора, Ефимовская гора, Митрова гора и так далее. Казалось бы, кругом у нас равнина, но даже небольшое возвышение, где селился человек в поисках сухого места, называли горой. Слово это становилось синонимом деревни. Все указанные деревни – в Онежском районе.

Давыдовская – деревня, второе название **Новая**, селение в пределах Мудьюги. Основана Саввой Давыдовым в начале XVI века, «у него два сына Матвей и Тарас». (*Писцовые книги 1562 года*).

Даншинская – Второе название – **Череповка** (тоже – **Фирсовка**). Когда основана Даншинская неизвестно, затруднено и смысловое значение названия. Деревня Череповка стоит на возвышенном месте, которое называется Череповская горка. В XVI веке поселился в Даншинской и Череповке крестьянин Фирс Алексеев. Укоренился. Писцовые книги 1622

года относят земельные владения на Фирса Алексеева. Эти владения названы в честь его Фирсовка.

Дураковская – Под этим названием существовало несколько деревень в бывшем Онежском уезде (Таборы, Летняя Золотица). Бытовало много фамильных прозвищ Дураковых. Дело в том, что наши предки были суеверные: боялись «злого сглаза». В целях обмана «злых людей» и «нечистой силы» заботливые родители давали своим детям специально плохие имена, имевшие отрицательный смысл: умных и красивых мальчиков называли нарочно дураками, уродами; честных и смелых – негодьями, трусами.

Екимовская – деревня, она же **Лембево**, селение в пределах Мудьюги. Название образовалось от личного имени основателя. Старинное чудское поселение, раскинувшееся до верховьев реки Мудьюги. Лембево – в переводе «чёртово». Топонимы, то есть названия здешних мест, часто происходят из языка прибалтийско-финской чуди: чугомина – «высокий мыс», канзамина – «общинный мыс», хемерово – «мрак, сумерки, страшное место». Слово «лембо» знают многие в наших местах и даже до сих пор употребляют, говорят: «Лембо тебя возьми» (чёрт возьми).

Еловец – остров на реке Онеге, у деревни Карельское. Название образовалось от старинного слова со значением «лоскут», «вырезка». На водной голубой глади реки резко выделялся зелёный остров, как лоскут. Кстати, в X-XI веках у русичей еловцом назывался шпиц-шишка у шлёма, он был другого цвета, чем сам шлём.

Емца – река, впадающая в Северную Двину. Трудно сказать, в каком месте река получила такое название. Исток её в 8 километрах от реки Онеги. С давних пор существовал «Касьянов волочок» от селения Маркомусы до истока Емцы, а дальше путь лежал на Двину и Белое море. С достоверностью можно утверждать, что уже в X веке новгородцы по пути к Белому морю шли через Емцу. Известно, что в 1032 году, например, новгородец Улеб со своими людьми достиг Белого моря, но возвратились немногие. «Мало их приде», отметил летописец. (*И.Ф. Ушаков. «Кольская земля»*).

Удивительно красива тут природа: на известковых почвах растёт, особенно по берегам, высокоствольный лес, лиственница достигает высоты свыше 40 метров. Каменистые берега, усыпанные белым известняком, быстрина реки бирюзового цвета, не замерзающая зимой, и этот высокоствольный лес создают впечатляющую картину.

В литературе можно встретить утверждение, что название Емца происходит от слова «ям», «ем», отсюда – Ямская, Емецкая, Емецк. Вспомните, что именно ямщики возили почту. Действительно, почтовый

тракт в междуречье Онеги и Двины существовал ещё во времена Новгородского правления. На реке Онеге было село Ямское, где содержали почтовую гоньбу, меняли лошадей, перевозили грузы.

Автор при длительном изучении слова «емца» предлагает этимологию, связанную с лесом: в Онежском районе есть родственные названия. Вот примеры. Лая-митса – в переводе «большое пространство лемма», в современной огласовке – Лямца. Тая-митса – в переводе «густолесная», а говорим сейчас – «Тамица». Наше слово Емца по старому звучало «Ема-митса», что в переводе означало «мать лесов». Лесной массив по реке Емца выделялся красотой и в далёком прошлом.

Есенская – деревня, второе название Поле (Чекуевский сельский Совет). Одно из первых здешних поселений: это высокое незатопляемое водой место, богатое лесом, но главный природный дар – солёный источник. Занимались варкой белой соли у места селения. Первые поселения были из северных народностей, обитали кочевые самоеды. У селения сохранились места под названиями «бор самоедский» и «озеро Самоедко». Самое древнее название деревни «Изе изи», в переводе – «праотец», «предок». Словом, «деревня предков».

Топонимы урочищ доказывают, что население с давних пор занималось сельским хозяйством и промыслами: Каламинка – часть деревни, в переводе – «рыбный мыс»; Патомина – в переводе «плотинный мыс». Это место, где стояла плотина и, надо полагать, работала мельница. Не удивляйтесь: гидроколесо изобретено до нашей эры ...

Кадозеро – пропасть – зыбун
Калитинская – богатая
Калозеро – рыбное
Калязеро – чайчье
Канзамина – общинный мыс
Канзарека – общинная
Канозеро – общинное
Касковы горы – палёные горы
Кернеуска – воронье
Кивозеро – каменное
Клин – мысок поля – кокад
Коватозеро – еловое
Колозеро – дырявое
Кондозеро – медвежье
Кургозеро – журавлиное
Кутованга – палёный луг
Кырсозеро – обрывистое
Кыскуя – ершовая

Кялованга – луг свояченицы
Линдозеро – птичье
Лухтозеро – заливное
Матигоры – близкие, рядом стоящие горы
Монипелда – пространный – большой луг
Мотыга – кокан
Мудьюга – мутная
Мурозеро – большое
Мустозеро – чёрное
Мяндозеро – сосновое
Мятозеро – гнилое
Нермуша – луговая
Нерюга – покатая
Нижма – тихая
Нименьга – извилистая – мысовая
Новина – вновь освоенная под пашню земля – кокас
Нюгуса – отлогая
Нюхча – лебяжье
Няндомма – богатая земля
Палозеро – палёное
Пато – плотина
Патозеро – зверовое
Пачепелда – солнечное поле
Пертозеро – избное
Пирзопелда – мокрое сырое поле
Потайболье – тайбола – наволок
Рагозеро – тростниковое
Русованга (урочище) – ржаное поле
Сырья – в стороне, отдалённая
Фехтальма – телячий мыс
Филява (деревня) – плодородная
Хайн озеро и ручей – сенное – сенной
Ханозеро – осиновое
Шаргозеро – узкое
Юкса – нижняя

Источники.

Советская Онега. №№97,100,106,112,115,124,146. (1983 г.); №2 (1984 г.)
ОИММ. Оп.3.Д.224.

Солдаты Отечества

Василий ЕЛФИМОВ

На защите Онежского побережья

В Онеге, как и в Онежском районе, в период Великой Отечественной войны не было боевых действий, враг не дошёл сюда. Сегодня совершенно забыты, а порой и неизвестны, воинские части, находившиеся в районе Онеги, которые занимались обороной побережья Белого моря и железной дороги Обозерская-Сорока (Беломорск).

В начале войны в Онеге находились части 758 стрелкового и 401 лёгкого артиллерийского полков 88 стрелковой дивизии. Основное базирование 758 сп. в зимний период было на территории нынешнего индустриального техникума, а летом полк выезжал в летние лагеря в верховье города, в районе «лесного стадиона». 401 лап. находился на северной окраине пос. Шалга.

Утром 22-го июня 1941 г., бойцы и командиры вышли из помещений и палаток, лагерь озаряемый лучами восходящего солнца, празднично убранный выглядел красиво. На небе ни облачка, солнце ласкало теплотой своих лучей, наступал день обещающий только хорошее. На площадке сборов, вокруг трибуны, были выстроены подразделения славной пехоты 758 сп. и подразделения 401 лап., которые совместно праздновали открытие летнего лагеря. Наступала торжественная минута. Подразделения, одетые по парадному, стояли по команде «смирно». Взор всех был обращен на трибуну, солнце своими лучами вселяло в сердца собравшихся торжество, веселье, радость. После приветствий с торжественной речью по случаю открытия лагеря выступил командир 758 сп. полковник Щербатенко.

В своей вступительной речи он, поздравил бойцов, командиров и политработников с днём открытия лагеря, сообщил итоги занятий по боевой и политической подготовки в зимний и весенний период времени. Щербатенко призвал бойцов, командиров и политработников частей ещё энергичнее, прилагая максимально старания заниматься боевой и политической подготовкой в лагерьный период. Как можно лучше, овладеть военной техникой, а также на отлично усвоить тактику боя в любых условиях.

«Товарищи, в настоящее время создается напряженное положение не только в Европе, но и во всём мире в связи со второй империалистической войной. Пламя пожара распространилось по всему миру, охватывая всё новые и новые государства. Надо быть начеку. Командиру, как можно больше работать над собой, дабы подготовиться ко всяким неожиданностям и случайностям...»

В этот момент речь полковника Щербатенко, который говорил через репродуктор, была прервана речью тов. Молотова, сообщавшая всему Советскому народу, что 22-го июня в 4 часа утра, Германия, нарушив заключённый с нею мирный договор, вероломно по-разбойничьи нагло напала на Советский Союз, бросив в бой свои дивизии.

Среди присутствующих на открытии лагеря было много онежан. Всем гостям было предложено разойтись и покинуть территорию лагеря. В Онеге объявлялось военное положение.

На западных рубежах страны, советские войска вели тяжёлые оборонительные бои. Воинские части, находившиеся в Онеге, были готовы отправиться на фронт, но необходимо было подготовить к обороне город и прибрежную полосу Белого моря. Противник ожидался с севера и северо-запада. Появление его самолётов и высадка, как авиадесанта, так и морских десантов была возможна на любом участке побережья Онежского залива.

Боевым приказом от 26 июня 1941 г. 758 сп. и 401 лап. приступили к обороне побережья на участке западный и юго-западный берег полуострова «Летний»–Нижмозеро–Покровское–Онега–Ворзогоры с задачей не допустить высадки десанта противника на своём участке, а при высадке – уничтожить его. Упорной обороной не допустить распространения противника в направлении ст. Обозерская и Плесецкая.

Из боевого приказа №1 штабу 758 сп. от 26.06.41 г.:

«1/758 СП, спецподразделения полка с 3 и 5 батареями 401 ЛАП – резерв командира 758 СП в готовности выполнить задачу подвижного резерва. Подготовить район обороны на участке руч. Черный, Онега, Ворзогоры. Построить ДЗОТ на северной оконечности мыс. Пиельский. Задача: не допустить высадки десанта противника на южное и юго-восточное побережье Онежской Губы, в случае высадки десантных отрядов противника – уничтожить. Граница справа – оз. Б. Хайно (иск) Покровское. Командиру 1/785 СП гарнизоном №5 – 3 взвод 2 ср, с пуль. взводом 1 пуль. роты, взвод ПТО 1 сб. Начальник гарнизона – младший лейтенант ГОЛОВИН. Зам. по политчасти – младший политрук СОТЧЕНКО. Оборонять район Яковлевское-Ворзогоры (согласно схемы №5). С задачей: не допустить высадки десантов противника на южное побережье Онежской Губы и на северо-западное побережье мыса Ворзогоры. В случае высадки десантных отрядов противника – уничтожить. Командиру конного разведвзвода установить круглосуточное патрулирование на участке Онега – Покровское, Онега – Ворзогоры.»

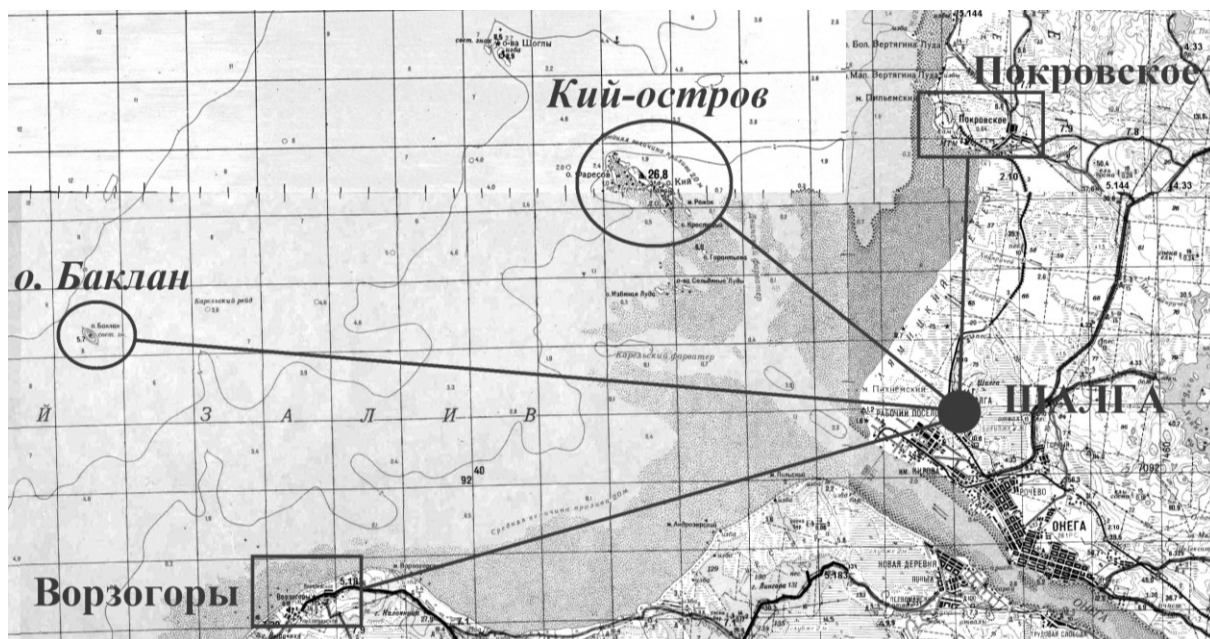
На данном участке расположилось пять гарнизонов, патрулирующих как само побережье, так и дороги идущие вдоль него. Частично патрулирование проводили и с использованием катеров. На всём побережье устраивались окопы в полный профиль, с ходами сообщений, с деревянной обшивкой внутри и 4-5 накатов брёвен сверху. Было сооружено и необходимое количество ДЗОТов. Частично эти оборонительные сооружения и сегодня можно увидеть на морском побережье.

ДЗОТ на морском побережье севернее мыса Пильемский

Командный пункт 401 ЛАП находился в районе пос. Шалга, запасной КП – на высоте у совхоза. Наблюдательный пункт находился в 1 км. севернее пос. Шалга. Дополнительный огневой пункт располагался у старого кладбища (возле Тихвино-Лазаревской церкви).

Артиллерийские батареи были приданы подразделениям 758 сп. 1-я и 2-я батареи, обороняли западное побережье Онежской губы на участке Нижмозеро-Покровское, 3-я и 5-я батареи – юго-западное побережье на участке Шалга-Онега. Задача подразделений, упорной обороной не допустить высадки десанта противника, а при высадке их уничтожить огнём с открытых и закрытых огневых пунктов. Огневые пункты 3-й и 5-й батареи, располагались восточнее и северо-восточнее Шалги. Ответственная огневая полоса: справа остров Кий, слева остров Баклан. Дополнительный сектор, вправо одной батареей – Покровское, влево одной батареей – Ворзогоры.

Огневая полоса 401 ЛАП в районе устья р. Онеги

И сегодня вдоль всей горы Шалга, видны заросшие линии окопов. На высотке возле озера, с северной его части, так же сохранились следы от окопов и блиндажей, и, судя по их конфигурации, можно примерно определить, что на самом высоком месте, находился командный пункт. Яма, оставшаяся от блиндажа, окружена цепью радиально расположенных окопов с ячейками.

Окопы, окружающие место вероятного расположения КП 401 ЛАП.

Из обобщающего отчёта немецкой разведки о Русском Севере накануне и в начале войны:

«По показаниям военнопленных, в 1941 году на берегу севернее устья Онеги до Тамицы и, может быть, ещё дальше на север и юго-западнее устья Онеги было начато строительство полевых укреплений из брёвен и земли шириной примерно 15-20 км в 3 линии. Береговые батареи на островах перед устьем Онеги, 2,5-3 км северо-восточнее устья Онеги, 2-2,5 км северо-западнее Покровского и, может быть, на берегу перед Кяндой. Западнее Онеги у Унежмы, по показаниям военнопленных, летом 1941 года были построены полевые укрепления. Также должен был быть укреплен Хедостров.»

Ставкой Верховного Главнокомандования, 88-й стрелковой дивизии было приказано перебросить свои части в район ст. Лоухи и ст. Боярская Кировской железной дороги. 8 августа 1941 г. 758 сп. получил боевое распоряжение о выезде полка на фронт. Погрузка производилась тремя эшелонами с 8 по 11 августа на пароходы «Вологда», «Степан Халтурин» и «Сухона» Последний эшелон отбыл из Онеги ночью 11 августа. В Белом море были выставлены дополнительные дозоры, проведено траление фарватеров, самолёты вели разведку и поиск неприятельских подводных лодок. Операция по переброске прошла без потерь. 12 августа полк успешно прибыл в Кемь, а далее до ст. Лоухи по железной дороге. 401 лап. в 13 часов дня начал погрузку в три железнодорожных эшелона на ст. Порог, и по строящейся железной дороге, так же без потерь 13 августа прибыл на ст. Лоухи.

На смену частям 88 сд. прибыли части 263 сд., которая была сформирована в июне 1941 г. в Архангельске, в основном из призывников Архангельской области и Коми АССР, части которой продолжали оборонять побережье до декабря 1941 г. В Онеге с 15 августа 1941 г. находился 853 лап. Затем, так же морем, части были переброшены на Карельский фронт. На смену 263 сд. на охрану побережья заступают 32 и 33 осб. (отдельные стрелковые бригады), на фронт они отбыли в январе 1942 года.

В июне 1942 года, в Онеге был сформирован 9 ОУТАП (отдельный учебно-тренировочный авиационный полк) 7-й воздушной армии, который стал базироваться на онежском аэродроме. На его формирование было направлено 190 человек летно-технического состава 839 ИАП (истребительный авиационный полк) Карельского фронта. Здесь готовили к вылетам самолёты, которые поступали морем по «ленд-лизу» из Англии. В авиационных мастерских производился ремонт самолётов, пострадавших в боях на Карельском фронте.

В мае 1944 г. 9 ОУТАП был переформирован в 858 ИАП, и отправлен на Карельский фронт, где вёл боевую работу как отдельный истребительный авиаполк непосредственного подчинения 7-й воздушной армии на самолётах «Харрикейн».

На фото: Передвижная радиостанция наведения самолётов на аэродром Онега, зима 1942-43 гг.

С 4 июля 1942 г. на основании директивы Ставки Верховного Главнокомандования № 0987938 от 23.06.42, началось формирование 224 стрелковой дивизии. В основу формирования дивизии вошёл личный состав 116 отдельной стрелковой бригады, прибывшей в Онегу после боёв под Старой Руссой, по приказу Командующего Войсками Архангельского Военного Округа генерал-лейтенанта Шевалдина. Непосредственно в Онеге формировалось управление дивизии, 143 стрелковый и 111 легко-артиллерийский полки, 253 отдельный батальон связи (364 отдельная рота связи), 96 отдельная разведрота, 47 отдельный сапёрный батальон, 44 отдельный медико-санитарный батальон, 295 отдельный пулемётный батальон, 76 отдельный истребительный противотанковый дивизион, 46 отдельная авторота подвоза, 205 отдельная рота химической защиты дивизии, 52 полевая хлебопекарня, 100 ветеринарный лазарет, штабная батарея Начальника артиллерии дивизии, 1764 полевая почтовая станция, 1718 полевая касса Госбанка СССР.

К 18 августа части и подразделения дивизии насчитывали 13202 человека. Людской состав, входящий для формирования частей и подразделений, поступал в основном из Московского и Архангельского военных округов.

185 стрелковый полк в это же время самостоятельно формировался и проводил боевое сколачивание в г. Молотовск (теперь г. Северодвинск), получая пополнение из Ленинградского округа. Там же формировался и отдельный учебный стрелковый батальон. В числе поступления людского состава на укомплектование частей дивизии оказалось значительное число осужденных в прошлом и освобождённых из лагерей НКВД и спецпереселенцев. Всего такого состава насчитывалось к общему числу 28,4% или 3211 чел. В особенности, укомплектованы таким составом были 185 стрелковый полк и учебный стрелковый батальон. С целью оздоровления этих подразделений, командованием дивизии была

произведена перестройка. Из 185 сп. и учебного батальона, в части дислоцируемые в г. Онега, было переброшено 926 человек, имевших судимость в прошлом.

Линии окопов в сосновом бору, в 500 м. южнее города, где формировались подразделения 224 сд.

160 стрелковый полк формировался в районе ст. Вонгуда, Онежского района. Своё существование и боевую деятельность полк начал 6 июля 1942 г. (*Приказ №0068 по 224 сд. от 06.07.42 г.*)

Первыми в 160 сп. прибыли тридцать средних командиров. Среди них в дальнейшем руководящие командиры: лейтенант Айрапетян, мл. лейтенант Никифоров, лейтенант Пикуль, техник Макаров, интенданты Быков и Донденко. Приказом по части №8 от 07.07.42 младший командный и рядовой состав был определён по подразделениям.

Полк формирует ВРИД командира полка – лейтенант Пикуль Н.П. и ВРИД комиссара полка – старший политрук Яковенцев М.Р.

С 9 по 17 июля в полк продолжали поступать бойцы и командиры, которые распределялись по подразделениям, получена первая материальная часть: миномёты 50 мм., 82 мм. и 120 мм. 15 июля, на должность комиссара полка прибыл старший политрук Готов. 18 июля, прибыл и приступил к исполнению своих обязанностей командир полка – капитан Фролов.

19 и 20 июля 2-й стрелковый батальон был передислоцирован в д. Порог, и в районе деревни вышел на строительство оборонительных сооружений. 21 июля в полк прибыло крупное пополнение в количестве 1811 человек. 22 июля на должность Начальника Штаба полка прибыл старший лейтенант Алленых.

25 июля, Приказом по полку №27, организационный период объявлен законченным. Полк приступил к напряжённой боевой учёбе. В её процессе ликвидировался ряд недостатков, в подразделениях укрепились дисциплина. 28 июля прибыло новое пополнение в количестве 672 человек.

Уделялось большое внимание боевой учёбе, которая шла усиленными темпами по 10-12 часов. Продолжались работы по сооружению оборонительных рубежей в данном районе, имеющих важное стратегическое значение. Полк комплектовался по новым штатам, в связи с чем личный состав перемещался из подразделения в подразделение. 30 августа были проведены батальонные учения, которые максимально были приближены к боевой обстановке.

С 30 августа по 1 октября прошёл ряд полковых учений с маршем в г. Онега и обратно. В этих учениях участвовали младшие командиры – выпускники полковой школы и лучшие бойцы – воспитанники рот, взводов, которым присвоено звание.

1 октября 1942 г. полк выстроен по случаю торжественного вручения шефского знамени трудящимися г. Архангельска. Бойцы и командиры поклялись высоко держать честь этого знамени, хранить эту святыню полка, пройти с ним сквозь военные грозы, и прийти к окончательному разгрому ненавистных захватчиков. С ответными речами выступили архангельские рабочие и служащие, обещавшие не покладая рук трудиться для Красной Армии, все силы отдать для достижения победы над коварным врагом.

Со 2 по 17 октября проводится ряд полковых и дивизионных учений, происходит напряжённое сколачивание полка и дивизии. 17 октября бойцы и командиры торжественно присягают на верность Родине, клянутся быть беззаветными защитниками своего Отечества.

С 18 октября по 1 ноября проводятся полковые и дивизионные учения, а так же учения штабов, где выковывался умелый, работоспособный аппарат управления. За отличное выполнение заданий командования, всему личному составу 3 батальона от имени командира полка была объявлена благодарность. (Командир батальона – старший лейтенант Котов, комиссар батальона – младший политрук Сухиташвили). В этот же период полк получил конский состав, монгольские лошади, дикие, прямо из табуна.

Со 2 по 18 ноября полк совершенствует своё боевое мастерство, создаёт прочные рубежи обороны на подступах к Мурманской железной

дороге. 19 ноября получено задание, наметить трассу дороги от Солозера до Нёноксы.

20 ноября приказом Архангельского военного округа №0085 многим командирам присвоено очередное воинское звание. Командиру полка присвоено очередное звание – майор.

До конца ноября, полк продолжает боевую учёбу, участвует в больших дивизионных учениях и готовится к суровой полярной зиме. В начале декабря полк начинает подготовку к перевозке по железной дороге на фронт.

10 декабря 1942 г. дивизия, согласно боевого приказа Архангельского военного округа № 005677, перешла в распоряжение Командующего Ленинградским фронтом. Части и подразделения перевозились железной дорогой, по четыре поезда в сутки, с Онеги и Вонгуды, через Вологду до ст. Волховстрой-2. К 17 декабря дивизия сосредоточилась в районе пос. Кисельня, далее совершая ночные марши, к 25 декабря прибыла в Ленинград.

В марте 1943 г. в Архангельском военном округе формируется 25 стрелковая дивизия 2-го формирования. Участия в боевых действиях она не принимала. Дислоцировалась в городах Архангельск, Молотовск (Северодвинск), Онега и по железной дороге Обозерская-Сорока (Беломорск). Непосредственно в Онеге и ближайших окрестностях, находился 31 стрелковый полк, который продолжал нести службу по обороне побережья Онежского залива, на случай внезапного нападения десанта противника.

В районе с. Порог и д. Павловская находился 41-й отдельный батальон ВНОС 78-й дивизии ПВО, который защищал железнодорожный мост. Зенитные батареи были расположены на всех возвышенностях в районе моста. Следы от укреплений и сегодня можно увидеть на горах Бабьюха и Чемоданиха в д. Павловская.

Были и другие части, которые в период войны находились в Онеге и окрестностях, но доступных данных о них не имеется, а получить какую-либо информацию из архива Министерства Обороны очень сложно. И, к сожалению, в Онеге, нет ни одного памятника или мемориальной доски, на которой было бы написано: ***Здесь в годы Великой Отечественной войны находились (формировались) части N-ской дивизии...***

Источники:

Журналы боевых действий частей и подразделений Красной армии
<https://rg.ru/2015/02/18/ssilki.html> [электронный ресурс]

Литературное краеведение

Ида Ивановна ВОЛКОВА

Я крестьянского рода

Нынче корни дворянские
Стало модным искать,
Я же рода крестьянского,
Что могу доказать

Вот мой прадед, прабабушка
Век на снимке уж том,
Разлетелись из гнездышка
Сын и дочки потом

Тут их дочь – наша бабушка,
Её метрика здесь,
О родителях бабушки
Строчки записи есть

Здесь же сын моей бабушки,
Для меня он - отец,
В свитом с мамой уж гнездышке
Я – их дочь, наконец.

И у этой цепочки
Ещё не финал,
У Тамицы речки
Дом прадеда стоял

В благородных семействах
Из-за богатства скандал,
Мне же прадед в наследство
Очень многое завещал

Речку, лес и озёра,
Волны Белого моря,
В небе северное сияние,
Льдов холодных блистание

Лучи солнца рассветные,
Радугу семицветную,
Но, а самое главное:
Землю предков обетованную

Мне не надо дворянства,
Своим родом горжусь,
Не отрекусь от крестьянства,
В чём прилюдно клянусь

Мария ДУГАНОВА (РОГАЧЕВА)

ЖЕНСКИЙ СЕВЕР

Посвящается Рогачевой Наталье Павловне

∞ ПРОЛОГ ∞

Мой друг, не простую судьбу нам дарует
Бог – Вседержитель, Создатель – Отец.
Только с терпением, что не балует
Душу твою, ты услышишь конец.

Повести сей, что проста и объёмна,
Что и не стоит, быть может, чтоб Вы
Ей уделяли (возможно, и скромно)
Время своё, отложив все труды.

Эти страницы не терпят поспешности,
Вникнуть в них просто, но и мудрено.
Нет в них раскаянья истинной грешницы.
Жизнеписанье всего лишь дано.

Может быть, стоит, откинув старания,
Книгу закрыть и, отставив, забыть?
Я Вам поведаю предков страдания:
Все те грехи, что не можем простить.

∞ ЕФИМЬЯ ∞

-1-

Русь наша вольная – степи бескрайние,
Ширь рек, морей, бесконечных лесов.
Но лишь у Севера нашего дальнего
Прелесть своя. Русский Север суров!

Свой здесь закон у лесов и болотины.
Зимы - трескучие, лето – жара.
Север по утру зарёй позолоченный,
Ночью светлеет, как нить серебра.

Северный край деревянно-серебряный:
Ночи белы и тихи вечера.
Жизнь протекает спокойно, размеренно.
Реки чисты и богаты леса.

Осень багряная краски раскинула:
Листья рыжеют, болота красны
Клюквой гранатовой, клюквой рубиновой.
Прелые мхи укрывают грибы.

Тропки петляют в борах между пожнями,
Звон голосистый разносят ручьи,
Ветер порывами неосторожными
Треплет макушку столетней сосны.

Пни и коряги таятся в лишайниках.
В золоте плавном солнца лучей
Скачут по елям зайчата-проказники
В тень от соседних мохнатых ветвей.

Быстро забылись хористые пения
Серо-тоскливых лесных комаров,
Жаркие дни и холодные ливни –
Их черед, словно радуга снов.

Золото рек и покосов полуденных
С запахом знойным тяжёлой страды –
Вот что предшествует поступи осени!
Вот что приходит на смену весны.

А в ноябре ледостав начинается.
Гуси с Покрова порошат снежком.
И во владенья морозы внедряются:
Осень сгоняя, зима входит в дом.

Всё в серебре: и леса, и селения.
Только от крыш вьётся тонкий дымок,
Словно отметив, что здесь поколение –
Старо ли, мало ли – всё же живет!

Дров запасли на морозы трескучие,
Дремлют у печек в избушках жильцы.
Дни коротки. Ночи лютые, жгучие,
Страха и мрака зимою полны.

Тянется к свету зима бесконечная,
Месяц у осени отвоевав,
Два – у весны отбирает беспечно,
В целом – полгода себе отобрав.

В этом весь Север. Он лютого норова.
Долго отходит, одарит теплом.
Но в ожидании холода скорого
Напоминает всё время о нём.

К маю лишь вёсны вступают в правление,
Реки ломают, срывают снега,
А обнажённую, влажную землю
Вновь покрывают цветы и трава.

Земли Онеги красой своей славились
Аж со времен Катерины Второй.
Как по легенде, суда её правили –
«Нега!» - кричала она над рекой.

И, подражая её царской поступи,
Гордо, надменно струится река,
Перлами по малахитовой россыпи
Неосторожно раздвинув леса.

Слева Онеги раскинулась Вонгуда,
Диких лесов поражая красой,
Справа – Покровское наше поморское
Славилось сёмгой, навагой, треской!

Отважные поморские мужчины
На промысел в любое время шли.
И бог им помогал не без причины –
Хранили рыбака мольбы жены.

Молили Бога и молили море,
Стояли пред Марией Пресвятою,
Чтоб рыбакам ни в радости, ни в горе
Соль не пришлось глотать с водой морскойю.

С свечой в руке, крестясь перед иконой,
И на коленях стоя и дрожа,
И испрошая о возврате мужа,
Молилась Александрова жена.

- О, Пресвятой Владыка! Где ж Нефодий?
Неужто канул где-то он в волну?
О Боже! Возврати живого мужа!
Я без него от горя пропаду!

Она молилась тихо, слёз не пряча,
Всё время озираясь на порог.
Но вот шаги раздались... не в сенях ли?
И вот, возник у входа муженёк.

- Нефодий! Окаянный! Где пропал ты?
Я от волнения и страха вся дрожу.

- Молчи, жена! Улов попал богатый.
На торг навагу в город повезу.

И камбала попалась в две ладони,
И сёмга не одна – в руку длиной.
Добавим денег – Павлу дом построим.
Обзаведётся, может быть, женой.

- Ну, губы раскатал! – жена взметнулась,
- Да молод он ещё детей плодить!
- Ты не перечь! Найду жену не дуру.
Он в женихах давно уже сидит!

Ставь лучше ужин мне на стол. Проголодался.
Перекушу, да и залягу спать.
Сегодня день удачливый задался.
А ты пока сходи, наладь кровать!

Я рано утром отправляюсь в город,
На ярмарку улов свой повезу,-
Нефодий сел за стол, за ложку взялся,
О чём-то думал, ел, взирая на жену.

А море успокоилось, заснуло,
Онега перестала берег бить.
Закатной зорькою над лесом полоснуло.
Нефодий что-то взял на ум – тому и быть!

-3-

Ах, сколько рек, озёр леса скрывают.
Их девственный хрусталь не замутнён.
И Вонгуда – как дева молодая
Звенит, переливаясь серебром.

Дома стоят, поднявшись на угорах,
Покрытых летом сочною травой.
Пасётся скот, предчувствуя, что скоро
Всё скроется под жухлую листвою.

В одном дворе в сарае полутёмном
Гончарный круг весь белый день скрипит.
Лаская глину кожей продубленной,
Горшечник Кашин, призадумавшись, сидит.

Скользят по мокрой глине его руки.
То лепят крынку, то большой горшок.
А то бывает, от великой скуки
Закукарекает на круге петушок.

На ярмарку наделано товару.
Аж целый воз корзины наплетено.
Горшков, посуды прочей с пылу с жару
В печи у Фёдора давно обожжено.

А Катерина уж на стол собрала, Накрыла ужин:
- Фёдор! Есть иди!
А Фимка где? Куда она пропала?
Доить пора! Коровы то пришли!

Подойники намытые сияют,
В избу впорхнула Фима, их взяла.
Платок на русы косы повязала,
Сверкнула взором, молча в хлев ушла.

Екатерина вздрогнула под взглядом:
- Ой, Федька! Глянь, как Фимка расцвела!
- Ты, мать, совсем видать слепая стала!
Давно в невестах ходит дочь твоя.

- Да, замуж ей давно пора, не скрою.
Но всё же Федя, ты не торопись.
Ведь дочка в девках ходит – то не горе,
А горе будет, коль ей спортишь жизнь!

Егорка Гришкин часто к нам приходит.
- Но он – пастух, к тому же гол совсем!
Ох, мать, садись за стол скорее. И хватит сказок!
Да помолчи, трещотка! Я ведь ем!

Я завтра на торги с утра поеду,
А ты мне с вечера плетёшь про дочь.
Я всё решу. Придет пора и Фимы.
За выкуп стоящий и сбудем дочку прочь.

-4-

Как к ночи распогодилось,
Как тихо, хорошо.

Но ночи уже тёмные,
И во дворе свежо.

Ефимья загнала коров,
И фартук подоткнув,
Взяла подойник с молоком,
Тихонько дверь толкнув.

Вдруг тень упала на порог.
Ефимья, кинув взгляд,
Узнала парня-пастуха,
Что вёл коров назад.

Он не сводил с неё глаза,
Стоял, молчал, вздыхал.
Ефимья бровью повела:
- Ну, что стоишь, нахал?

Возьми скорее молоко,
Не видишь – тяжело?
Он снова молча посмотрел
И тихо взял ведро.

Он шёл за ней из следа в след.
И алый луч зари
Тихонько золотил ему
Смолёные вихры.

Ефимья ж красотой своей
По Вонгуде слыла.
Девчонка норовом простым
Конечно, в мать пошла.

Бесхитростна она была,
Но очень хороша.
И к пареньку, что сзади шёл,
Легла её душа.

Красивей всех своих подруг! –
Твердили все подряд:
- Ах, дочка Федьки-гончара
Не девушка, а клад!

Узнать Ефимью Кашину
Могли издалека.
И замирали мужики:
- Глядикося! Она!

Шла гордо и уверенно,
Стройна и высока.
И тихо улыбались всем
Лишь её глаза.

Коса струилась с плеч крутых,
В очах огонь горел.
Но подойти к ней из парней
Почти никто не смел.

- Ты, Фимка, завтра по грибы
С девчатами пойдёшь?
Она взглянула на него,
Почувяв сердцем дрожь.

- Пойду! - услышал он в ответ, -
Но только не шуми.
И слишком часто в этот двор
Ты тоже не ходи!

Мать косо смотрит на меня,
Да и отец не рад,
Что ты таскаешься сюда
Двадцатый день подряд.

Прошу, умерь свой пыл, Егор!
Чтоб не было беды,
Ты лучше через час туда,
К коровнику приди.

Ну, я пошла, ведь мать меня
Звала сумерничать.
- Приду, приду... – а что ему
Осталось отвечать.

Ефимья забрала ведро,
Сняла с волос платок.
И отряхнув всех комаров,
Ступила на порог.

Егор побрёл к себе домой
Счастливый от любви.
А в голове его хмельной
Роилися мечты.

Он к Фимке прикипел душой
Она ж признанья ждёт.
А он боялся и молчал
Как сом немой об лёд.

Егорка вырос сиротой,
При матери одной.
Отец из лесу не вернулся
Зимнею порой.

Толь волки смерть ему снесли,
А может, встал медведь.
Осталось детям слёзы лить,
А матери – сесть.

Росло их шестеро в семье.
Отец кормилец был.
Охотился любой порой,
На промысел ходил.

Теперь кормились у коров,
Садили огород.
А те же, кто постарше был
Пасти ходили скот.

Девчонку младшую свою
Просватали Христу.
А старших двух, что красивей –
Замуж за версту.

Осталась средняя сестра,
Да младший паренёк.
Да мать больная на плечах,
Домишко – уголок.

Егорка скот чужой гонял,
Пахал, возил дрова.
И огород свой поднимал,
Там где росла трава.

Один теперь на всю семью –
Куда уж в жёны брать,
Когда на лавке у тебя
Два рта сидят и мать.

Но он любил.
Он был готов всю Вонгуду свернуть.
Он душу был готов продать,
Готов был брёвна гнуть.

Он молча ужинал ухой,
Что брат меньшей словил.
Он молча ел кусок ржаной,
Слегка его солил.

Мать не перечила ни в чем.
До срока постарев,
В нём мужа видела черты.
На лавку рядом сев,

Вздыхала тихо, про себя.
Молчала как Егор.
И как работнику в семье –
Сметала всё на стол.

Он молча ел и уходил.
- Куда? – вздыхала мать.
Он отвечал лишь:
- По делам! – шёл Фиму повидать.

А возвращался он домой,
Она его ждала.
Сидела молча у окна.
Ждала и не спала.

Егорка молча уходил
И спал на чердаке,
А мать, бывало, засыпала
Тут же в уголке.

Спускалась ночь на их село,
Серели небеса.
Мерцало речки серебро,
Тихонько мать спала...

Лунный свет золотил за коровником лес,
Летний холод окутывал плечи,
Улыбалась тихонько Ефимья ему,
Становилось на сердце им легче.

Приходили, молчали, друг друга обняв,
Согревались, о чём-то мечтали,
Забывалась усталость, их будничный быт,
Обо всём, что вокруг, забывали.

- Тихо как, - вдруг ему прошептала она.
- И темно, - согласился Егорка.
Фима зябко плечами назад повела,
Отряхнула на кофте оборки.

Он глядел на неё, он искал её взгляд.
А она всё глаза отводила.
- Любишь? – тихо шепнула она.
- Ну, конечно! А ты не забыла?

- Дурачок ты, - опять прошептала она, -
Ты же мимо меня не проходишь.
Я уже опасаюсь смотреть на отца.
Говорю – слишком часто к нам ходишь!

- Ну, а завтра? – напрягся внезапно Егор.
- Завтра? – Фима тихонько вздохнула, -
Завтра можно, - и скромно потупила взор,
- Подожди, чтобы мама уснула.

Завтра тятка поедет на летний базар,
Повезет коробка на продажу.
Мать сегодня ему собирает товар,
И еду, и другую поклажу.

Но за день ему всё ни за что не продать.
Он уедет на сутки – на двое.
Так что, жди! Когда в доме улягутся спать,
Мы назначим свиданье с тобою.

У Егора от счастья теплело в душе,
Загорелись задором глаза.

- Буду деньги тихонько копить, - он сказал, -
Жди сватов, как наступит весна.

У Ефимьи в волнении сердце зашлось:
- Я боюсь, вдруг отец зачудит.
Вдруг найдет жениха, что мне делать тогда?
- Ну, тогда его дочь убежит!

- Убегу? Да куда? - Да хотя бы в Москву!
Ну а хочешь - в Архангельск сбежим?
- Не мечтай! Ещё рано. Дождёмся весну.
А потом уж побег сговорим!

Расставаться пора! Видишь – поздно уже.
- Да пора! Мама верно не спит, -
И Егорка тихонько склонился во мгле,
Ощущая, как Фима дрожит.

Обнялись напоследок, скрепили уста.
Улыбнулся Егор на прощание.
Провожал её взглядом, пока она шла.
И мечтал о грядущем свидании.

-6-

Шумела громко ярмарка,
И в толчее рядов
Мелькали разноцветия
Корзин, платков, горшков.

День ясен. Распогодилось.
И лёгкий ветерок
Мешал с осенней свежестью
Улова запашок.

Он посещал с проверкою
Покровских рыбаков,
Уездных рукодельников,
Приезжих мастеров.

Шумели по-осеннему
торговые ряды.
Нефодий свою рыбу сбыл,
А Фёдор – все горшки.

Звенели звонко денежки
За купленный товар.
Удачно всё продавшие
Покинули базар.

Горела жарко денежка
В карманах мужиков,
Душа веселья требует
С полуденных трудов.

Трактир так манит:
Мужики, на всё махнув рукой,
Решили стопку пропустить...
По первой..., по второй...

В хмельном пылу сошлись они
И часу не прошло,
Как подружились меж собой
Деревня и село.

И водка развязала им
Хмельные языки:
И думы, что их мучили
На волю потекли.

И вот по воле случая
Так просто – без затей
Вдруг по рукам ударили –
Просватали детей.

Павлушу да Ефимушку -
Кровиночек своих.
Чем девка не красавица?
Чем парень не жених?

Вот так - по воле случая
Решается судьба...
- Дорога встанет – ждём сватов,
Везите жениха!

Пожали руки, обнялись.
Решили все дела.
И разбрелись по сторонам
Два пьяных мужичка...

Приехал с ярмарки отец
С хитринкою в глазах.
Дарил он дочери подарки
С улыбкой на устах.

В недоумении смотрела
На Фёдора жена,
Когда нарядный сарафан
На руки приняла.

Немой вопрос срывался с губ,
Но так и не слетел,
Пока Ефимья не ушла,
Муж, молча, тихо ел.

Но только Фима скрылась спать
Он всё жене сказал:
Про сватовство, про жениха,
Как дочку пропивал.

Жена белее полотна,
На лавку сев без сил,
Смогла лишь только прошептать:
- Ну кто тебя просил???

- Молчи, жена! – вдруг шикнул он,
- Не бедная семья!
Построят Фимке новый дом...
Нет лучше жениха!

Её подальше увезут –
На что ей голытьба?
Пора забыть ей пастуха,
Что шастает сюда!

Что сможет Фимке дать Егор?
Ведь ей рожать детей!
А у простого пастуха
Родни полно своей!

Ему б свою семью поднять,
Куда ему ещё?

И ты жена не смей сказать
Ефимье ничего!

Приданное начни ей шить,
В доверие вникай.
И всё что у неё в уме
Тихонечко узнай!

Но рот держи свой на замке!
Не говори пока!
Чтоб не надумали они
Удариться в бега!

На свадьбу платье ей отдашь
Своё из сундука.
Я там отрезы накопил
Для вашего шитья.

Сама придумай, чтоб пошить
Что пригодится в дом,
И не ударить в грязь лицом
Пред нашим женихом.

Мать села ткать половики,
А Фима шить бельё.
А на немой её вопрос
Мать кажет ей рваньё,

Что накопилось в сундуках,
И взгляд отводит прочь.
И чувствует её душа –
Она теряет дочь.

На откровенный разговор
Ефимья не идёт,
И на вопросы матери
Она плечами жмёт.

Игла блестит в её руках
И ровные стежки
Ложатся ровненько рядом
Из-под её руки.

Ефимья губы подождёт,
Нахмурит молча бровь,
От нелюдимости её
Аж застывает кровь.

Мать эту стену тишины
Всё ж не смогла свернуть.
Так молча шила и пряла.
И вздох давил ей грудь.

В досаде мать шептала ей,
Бельё бросая шить:
- Гордячка, Фимка, у меня!
Кому такую сбывать?!

Тебя же замуж не возьмут
За норы скрытый твой!
Ну почему же, доченька,
Ты стала мне чужой?

- Ах, матушка, вопросы мне
Ты задаешь зазря!
Не обижайся, что молчу,
Тебе не говоря!

Я не имею скрытых дум.
Все помыслы чисты.
Я ведь пока ещё мала –
Какие женихи???

- Да не мала! – вздыхала мать,
- Тебе уже пора!
И мне в твои уже года
Сыскали жениха!

- К чему весь этот разговор?
К чему расспрос ведёшь?
В моей короткой жизни здесь
Ты тайны не найдёшь.

Промолвит, вновь опустит взгляд.
Берётся за шитьё.
И снова, молча, шьют, прядут,
Вздыхают тяжело...

Так осень в лету канула,
Мороз сковал поля.
На Вонгуду нагрязнула
Студёная зима.

Приданное пошитое
Лежало в сундуке.
Ефимья вдруг проснулась
В звенящей тишине.

Мурлыкал тихо кот в ногах.
Тянуло холодком.
В предчувствие она зашлась.
Светало за окном.

- Что ж сплю? Коров пора доить.
Мать и отец всё спят.
Надела валенки на ноги,
Платок, тулуп до пят.

Дверь распахнула широко,
Вдохнула глубоко.
Бегом слетела на крыльцо.
Мороз обжёт лицо.

Ефимья снова замерла,
И сердце обмерло.
Как будто бубенцы звенят,
Но снова стихло всё...

Струя парного молока
Ударила в ведро...
Вокруг звенела тишина,
Но сердце вновь свело.

Тихонько заскрипела дверь –
Егор шагнул в сарай,
Стянул с любимых плеч платок.
Та вся взвилась: - Отдай!

Ты что? Совсем с ума сошёл?
Ты выжил из ума?
А вдруг отец увидит нас?
Зачем пришёл сюда?

И сердце из груди рвалось,
Когда он обнимал.
И обрывалось всё нутро,
Когда «Люблю!» шептал.

- Сегодня сердцу тяжело.
Как камень на душе.
- Всё это блажь! – шепнул Егор.
- Нет! Чую, быть беде!

Мне ночью снилось вороньё –
На белом поле стая.
Они, то зарывались в снег,
То мне «Кошмар!» кричали.

Весь этот бред меня гнетёт.
В душе – болото в тине.
Потом паук во сне плетёт
Обрывки паутины...

- Всё это блажь, - Егор прервал
Все страхи поцелуем, -
Ты много шила и пряла,
По мне в душе тоскуя...

Ефимья дернулась:
- Дурак! - и парня оттолкнула
И отскочила за коров,
И юбкою взмахнула.

- Не о тебе моя тоска,
И сердце замирает.
А от того, что чувствую:
Беда нас ожидает!

И не до шуток мне сейчас.
На ласки нет настроя!
А ты подальше от греха
Шагай, Егор, домой!

На брови хмурые взглянул
Егорка свысока.
Пожал плечами, прошептал:
- До вечера! Пока...

Катились слёзы по щекам,
Струилось молоко.
Коровы прядали ушами.
Тихо и темно...

-8-

Мать пироги затеяла
Рассыпала муку.
От печки жаром веяло,
Тепло гнало тоску.

Ефимья, рано вставшая,
Дремоту отогнала,
Снимала сливки с молока
И в миске их взбивала.

И пироги румяные
Кидали из печи,
И шаньги-наливушечки,
Витые калачи.

Ефимья, пот со лба обмыв,
Вдруг снова обмерла,
Когда услышала вдали
Звоночек бубенца.

Собаки лают во дворе,
Вдруг в дверь раздался стук.
В дом хлынула толпа гостей:
Сбор лиц чужих, ног, рук...

- У Вас – товар, у нас – купец...
Белее полотна, Ефимья
Взгляд перевела
На Фёдора – отца.

Отец расцвёл, крестилась мать.
Неслось сердечко вскачь.
Ефимья всё вдруг поняла,
Но подавила плач.

А Фёдор привечал гостей,
Мать прятала глаза.

Ах, вот откуда пироги,
Ах, вот зачем пряла!...

Вокруг – чужие мужики,
Сонм покрасневших лиц.
И навернулась вдруг слеза,
И капнула с ресниц.

Ефимья бросилась в сенцы –
Уткнулась в паренька.
Он пропустил её к дверям –
Не понял кто она!

Он дальше в избу дверь открыл:
- Эй, Павел! Подь сюда...
А вот и наш купец прибыл –
Глядите жениха!!!

Ефимья снова на крыльце,
Забыв тулуп, платок,
Стояла, всем нутром дрожа,
А в горле зрел комок.

И слёзы хлынули из глаз:
- Не это ль был жених?
За что со мною так отец?
Что ж делать то средь них?

Она окинула в тоске
Свой дом такой родной!
А что же делать ей теперь
С поломанной судьбой?

Стояли сани у крыльца,
Две тройки лошадей
Копытом бороздили снег.
Мальчишка ротозей

Глазел на Фиму, на коней
Из-за угла хлева.
- Сергунька, подь ко мне сюда!
Вдруг крикнула она.

Мальчишка резво подбежал:
- Ты к пастуху беги!
Скажи, что к Фиме Кашиной
Приехали сваты.

- Скажи, её сосватали
С Покровским женихом.
А ты обратно прибежишь
За вкусным калачом.

Мальчонка со всех ног бежал
По Вонгудским снегам.
А Фима на крыльце одна
Предалась слезам.

Дверь за спиною скрипнула,
На плечи лег платок.
Ефимья глянула назад,
А сзади – паренёк.

Тот, с кем столкнулася в сенях.
Высок, да некрасив.
Немного нервное лицо:
- Я – Павел! Твой жених...

Здесь холодно! Пойдём в избу –
Тебя одну там ждут.
Зачем одна здесь слёзы льешь?
Совсем замёрзла тут.

- Давно ль о свадьбе ты узнал? –
Узрел он твердый взгляд.
- Да с сентября, поди уже
О ней все говорят.

Отцы на ярмарке в Онеге
Пропили нас с тобой.
Так видно богом велено,
Что ж спорить нам с судьбой?

Ефимья слёзы вытерла,
Прознав обман отца.
- Ну что ж, жених, пошли в избу!
Посмотрим на купца!!!

- Егор! Егор! Скорей! Скорей!
Сергунька чуть дышал.
Егор за ворот взял мальчика:
- Не тараторь! – сказал.

Парнишка лепетал, спеша:
- Ефимья! Там сваты!
- Сваты? Откуда? Говори!!!
- С Покровского пришли!

- Беги назад до Кашиных
И Фиму успокой!
Скажи: Егорка знает всё!
Придёт он за тобой!

Сергунька снова побежал.
Егор же в ступор впал.
Мать, братья, сестры – бросить их?
Что делать – он не знал.

Сваты сидели за столом,
Хвалили жениха.
Краснела Фима от похвал,
Молчала, чуть дыша.

Наливкой почуют гостей,
Метают пироги.
А Катерина слышит шорох –
В двери поскребли.

Сергунька заглянул в избу:
- А тётя Фима есть?
Она калачик обещала.
Хочется поесть...

Ефимья, нервно озираясь,
Взяла калачи,
Сергуньке тихо поднесла,
А он шепнул ей: - Жди!

Егорка обещал придти,
Придумать что-нибудь.
Велел, чтоб ты была спокойна.
- Спасибо! Всё забудь!

Она погладила его
Торчащие вихры.
- Благослови тебя господь!
Не выдай нас! Иди!!!

Вернулась девушка к гостям,
Присела у окна.
А на губах спокойная
Улыбка замерла.

Уже темнело за окном.
Приданное трясли.
Уж сговорились с женихом.
Сундук уже снесли.

Вдруг полыхнуло зарево
В вечерней темноте.
Ефимья быстро одевалась
В поднятой суете.

- Пожар! Горим! Спасай коров!!!
Бегут все на крыльцо.
А Фима ищет среди людей
Любимое лицо.

Уже готовая бежать
Подальше от родных,
Она металась вдоль сугробов,
Про страхи позабыв.

Она увидела его:
«Егор поджжёт хлева!»
Уж было кинулась к нему,
Но тройка понесла.

Схватили руки жениха
Девичий стройный стан.
Ефимья горько вскрикнула,
Раскрыт её обман.

И кони понесли её
С родимого крыльца.
А вслед донесся зычный голос
Фёдора, отца:

- Вези в Онегу от греха
Невесту поскорей!
Мы тут с пожаром справимся!
Нам хватит здесь гостей!

Сваты кричали: - Жди нас там!
Мы будем там к утру...
Ефимья вырваться пыталась
На радость жениху.

Её он накрепко прижал:
- Сказал тебе – смирись!
А коль пойдёшь против отца,
Испортишь себе жизнь!

Отец твой нас предупредил,
Что можешь ты взбрыкнуть.
Но если выскочишь сейчас,
К волкам проложишь путь.

Мать вещи все твои пришлёт.
Со мной твоя судьба.
Я буду муж твой чрез три дня,
А ты – моя жена!

Несла их тройка средь снегов,
Звенели бубенцы.
И вот уж Фима замерла,
И слезы потекли.

Прощай родня! Прощай любовь!
Что ждёт их впереди?
Объяла сердце грусть – тоска.
Егор, за всё прости!

Летела тройка средь лесов.
И Павел замолчал.
К груди невесту всю в слезах
Он крепко прижимал.

Промчалась тройка.
Лёгкий снег летел на колею.
Он заметал следы саней,
Разбитую судьбу...

Василий ЕЛФИМОВ

Мерцает огонёк свечи ...

Мерцает огонёк свечи,
В оконце старого домишки.
Трещат дрова в русской печи,
Скребуются где-то тихо мышки.

Ночь наступает на дворе,
Мороз лютует и крепчает,
Деревья в снежной бахrome,
Тихонько ветерок качает.

А в доме том живет одна,
Старушка – «божий одуванчик»,
Присядет тихо у окна,
И вспомнит то, что было раньше ...

Когда-то, в прежние года,
Она была «дворянской крови».
Но такова её судьба,
Жизнь принесла ей много боли.

Дворянский род стерпеть не смог,
Её любви к простолюдину,
И сослан был тогда в острог,
Её парнишечка любимый.

А дальше, больше ...
За побег, его на каторгу сослали.
Чтобы дожить свой малый век,
Вдали, в разлуке и печали.

Ей трудно было пережить
Разлуку с милым и любимым
И бросив свой дворянский титул,
Она отправилась за ним.

Сибирь. Далёкий край дремучий,
Кругом тайга на много вёрст.
Там в рудниках, на горных кручах
Любимый отбывает срок.

Она же, тихо поселилась
В той деревушке, что вблизи,
И, молча, по ночам молилась,
Читая множество молитв.

Услышал Бог её молитвы,
Освобожденья час настал.
Вихрь революции великой
Оковы с узников сорвал.

Вернулся милый, но, однако,
Недолго длилось счастье их.
Война Гражданская настала,
И, снова расставанья миг.

Сын на отца, и брат на брата,
Война за светлый идеал.
И ждёт теперь уже солдата,
Солдатка, верная жена.

Но не одна, теперь их двое,
Сынок родился у неё.
Простолюдин, с дворянской кровью,
Как ангел с чистою душой.

Вот минул год, война в разгаре
Перемешалось всё кругом,
Страна в огне, страна в угаре
Борьба идёт за каждый дом.

Солдат воюет за свободу,
Солдатка верно ждёт его,
И материнскую заботу,
Несёт сыночку, всей душой.

Но, видимо судьба-злодейка,
Её решила испытать.
Война гражданская посмела
Навеки мужа отобрать.

Погиб в бою её любимый,
Не ведая о том, что был
Убит он пулей дворянина ...
Отцом жены он был убит.

Война времён, война идей ...
Перемешалось всё на свете.
Кто был ни кем, тот станет всем,
Быть может даже на том свете.

А дворянин, ведь он солдат,
И перед ним не «зять любимый»,
А перед ним был просто враг,
Тут кто кого опередит ведь ...

Да и в бою не выбирают,
В кого стрелять, а в кого нет,
В бою, сильнейший выживает
Без всяких в голове идей.

Войны гражданской «мясорубка»,
Смолола на своём пути,
Судьбы отцов, детей и внуков
Всех, никого не пощадив ...

И дворянин исчез бесследно,
А вместе с ним и вся родня.
Лишь внук да дочь в глухой деревне
Существование влачат.

Так год за годом, потихоньку
Минул один, за ним другой,
Сын вырос, и, окончив школу,
На службу в армию ушёл.

Окончив курсы командиров,
Стал офицером сын крестьянский,
В красивом, форменном мундире,
Со строгой выправкой дворянской.

Служить по разным гарнизонам,
Его заставила судьба.
То Север, дальний и суровый,
То Средней Азии жара.

В родном селе, бывал он редко.
Лишь в краткосрочных отпусках.
И даже ..., не завел невесты,
Такая видно уж судьба.

Подправив в хате, всё что нужно,
Дров, сена наготовив впрок,
Спешил назад, к армейской службе
Исполнить воинский свой долг.

В Европе зверствует фашизм,
Поработил почти все страны.
Свой взор, к России устремил,
Европы стало ему мало.

Граница. Сорок первый год.
Июньской ночи воскресенье.
Подумать разве кто-то мог,
Что враг войдёт без стука в двери.

Он налетел совсем внезапно,
Как саранчи большая стая.
Заполонив луга и пашни,
Всё, на пути своём сметая.

Земля горела и дымилась,
Стонала от жестокой боли.
А вражки полчища стремились,
Отчизну нашу взять в неволю.

Но, всё-таки, не равны силы ...
И в самый первый день войны,
За жизнь других, слегли в могилу,
Сотни мальчишек молодых.

Среди них был и сын крестьянский,
Потомок – рода дворянина,
Сполна долг выполнил солдатский,
Не посрамивши честь мундира.

В кровавой, страшной круговерти,
Сгорел он в пламени войны,
Как говорят – пропал без вести,
И, не найти его следы ...

Мать, получивши извещение,
В один момент седою стала.
Кровей дворянских, поколенья,
За четверть века потеряла ...

За что судьба так наказала?
Лишила радости зачем?
Всё в её жизни отобрала,
Ничто не подарив взамен ...

Давно закончились все войны,
Окопы заросли травой ...
Но ждёт старушка, что вернуться
Её любимые домой.

Так, год за годом, поджидая,
И вспоминая жизнь свою,
В молчанье, тихо проклинала
Свою жестокою судьбу.

.....

Свечи не виден огонёк,
В оконце старого домишки.
Не вьётся из трубы дымок,
И не шуршат под полом мышки.

Свой век на свете отжила
Старушка – «божий одуванчик».
Отдав судьбе, всё что смогла,
Не получив за это счастья ...

Наталья ЛАПИНА

О ГЕРОЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Это я и мой дружище – Граф. Не волкодав, а помесь лайки и московской сторожевой. Папаша его весьма злобное создание, а Граф – добрейшей души пёс. Тётя Валя, мать моей подруги, завела его для отпугивания заезжих цыган. Стоит Графу показаться из своей сарайки и сказать: "Гав!" – и тупому будет понятно, кто хозяин на данной территории. По утрам, едва продрав глаза, я первым

делом спешу навестить друга, и каждый день начинается с выражения взаимных симпатий.

В конце 90-х тётя Валя из-за большой любви к внукам продала свою трёхкомнатную квартиру в пятиэтажке и подалась в южные края покупать "домик в деревне", чтобы детей можно было вывозить на лето к солнцу и фруктам. Но оказалась жертвой мошенников, и в результате вернулась ни с чем в состоянии шока и глубокой депрессии, лишившись половины стоимости квартиры. На оставшиеся деньги в городе можно было купить разве что только комнату. Узнав про эту беду, родственники мужа подруги, живущие в далёком от нас селе, предложили тёте Вале приобрести дом в одной из окрестных деревень. Так "под шестьдесят", круто изменив свою жизнь, одна коренная горожанка начала освоение неведомых дотоле земель Архангельской области...

...Мы куда-то всё спешим, торопимся, словно боимся, что не все дела переделаем или про что-то забудем, а остановиться бы на мгновение и помечтать, поразмыслить о возвышенном, о чувствах, о Вселенной, о смысле жизни, или просто посмотреть на небо...

(Онежанин)

Кстати, о небе. Небо в деревне – совсем не то, что в городе. Только в деревне я впервые в жизни увидела, какой огромной и яркой может быть луна. Зимой в лунную ночь вокруг всё так хорошо видно, будто земля освещается гигантским фонарём. И как не задуматься о смысле бытия, глядя на россыпи мерцающих звёзд?

А какие в деревне потрясающие закаты! Небеса словно расписаны живыми красками. Я много раз пыталась запомнить эти величественные картины, да где там, ведь даже фотография не может передать всей этой красоты.

Когда дочери моей подруги были ещё небольшими, в деревне, когда гостили у бабушки, они прямо-таки висели на мне целыми днями с раннего утра и до ночи. От этих озорных «липучек» невозможно было скрыться ни на минуту. И как-то вечером я взмолилась: "Девки, да оставьте меня одну хотя бы на 15 минут!" Они очень удивились: "А зачем?" Я подумала, чем бы их убедить, и сказала: "Ну надо же мне побыть наедине с Богом!" (Там за амбаром есть отличное местечко, где можно посидеть в тишине, любуясь закатом, а заодно и собраться с мыслями.) Так они хором заорали: "Мы тоже хотим вместе с тобой побыть наедине с Богом!" В результате приобщаться к светлому, доброму, вечному за амбаром пришлось всё же вчетвером, о чём девушки после с восторгом вспоминали не раз.

Всё-таки близость человека к природе оказывает на него благотворное влияние. В семье моих друзей третья дочка Алина от рождения не разговаривала совсем. Хотя была очень сообразительная и всё

понимала. Объясняться научилась ею же самой придуманными знаками. Когда ей было уже около пяти, врачи стали проявлять беспокойство, тягая Алинку по разным обследованиям. Подруга как-то мне пожаловалась на это, и я ей посоветовала: "Ведь заклеят девку диагнозами, потом во всю жизнь не отмоется. Отправь её лучше в деревню к бабушке, и той веселее будет, и Алине жизнь на природе на пользу пойдёт". К моему удивлению, Наталья, недолго думая, согласилась. И вскоре я повезла Алинку в деревню в качестве подарка для бабушки.

Новая жизнь пришлась девчужке явно по вкусу. Тётя Валя тоже была очень рада, хотя за внучкой нужен был глаз да глаз – то маленькая проказница кусок мыла во флягу с водой булькнет, то в пододеяльнике узоров навыстригает, зато каждый день был полон удивительных открытий.

Конечно же, обилие новых впечатлений требовало выхода. Как-то мы с тётей Валею собрались навестить её новых знакомых в соседней деревне. Алину упаковали в санки и побрели через поле по заснеженному холму (с которого открывался потрясающий вид на окружающие просторы). И вдруг слышим – Алина поёт! Пока ещё на своём, ей одном понятном языке, но смысл песни определялся безошибочно – жизнь хороша!

А ещё через некоторое время, дело было весной, снег только сошёл, прибирались мы во дворе. И тётя Валя так между делом говорит: "Алиночка, поставь, пожалуйста, грабельки на место!" Алина как-то неохотно оторвалась от своей игры и, бросив укоризненный взгляд в нашу сторону, вдруг разразилась незабываемой тирадой: "Бабушка, ты же граблями работала, сама и ставь их на место!" Век такого не забыть, мы с тётей Валею просто "выпали в осадок". Вот вам и деревнетерапия! Очень действенная и благотворная, кстати. И мне кажется, о детстве у Алины останется масса приятных воспоминаний.

А я тогда не переставала удивляться тёте Вале. Она сама могла и электропроводку сделать, и печку исправить, и на крышу залезть починить трубу, и насос в колодец установить, и множество других, необходимых для жизни в деревне дел успешно освоила. И это на седьмом десятке! У неё как-то телевизор сломался, так она додумалась старенькую магнитолау подключить к телевизионной "тарелке", и по вечерам "ловила" через неё множество передач. Мне бы и то такое в голову не пришло!

Кстати, когда мои друзья жили в городе, и даже бабушка ещё ни о чём таком не помышляла, одна из Натальиных дочек (ей было тогда лет пять) удивила и насмешила всех заявлением, которое сделала прямо на улице. Она неожиданно тогда сказала: "А ведь мы здесь жить не будем. Мы будем жить в деревне, в своём доме!" Ну, как говорится, устами младенца...

И правда, через несколько лет жизнь повернулась так, что это отважное семейство, махом продав свою квартиру в городе, подалось покорять сельские просторы вслед за бабушкой.

Там, конечно, безработица и сейчас, большинство трудоспособного населения стоит на бирже, по понедельникам сползаясь отмечаться со всех окрестностей в сельсовет (вот где настоящая тусовка!) Но нищеты нет, все как-то умудряются жить в основном своим трудом, и довольно неплохо. Ну, пенсионеры, те, понятно, со своими пенсиями почти что магнаты.

На новом месте у мужа подруги проявился неожиданный дар. Он там буквально стал мастером на все руки. И его услуги пользуются большим спросом у местного населения. Так что в деревне ребята стали жить несравненно лучше, чем в городе. Детишки на свежем воздухе и хороших натуральных продуктах просто расцвели. Старшие девочки (12-ти и 9-ти лет) довольно быстро освоили совершенно новое для себя занятие - научились управляться с козами и доили их вполне самостоятельно, "обряжались" то есть, как они с важностью говорили. Потом появилась и другая животинка, заботливо холимая и лелеемая, и даже сельский ветеринар удивлялся, что коренные горожане лучше деревенских заботятся о скотине. И кто бы мог подумать такое! Бывают же в жизни метаморфозы.

А земли после развала совхоза в пользование можно взять столько, сколько сможешь обработать. Да и всё равно ещё остаётся много пустующих полей, катастрофически быстро зарастающих ивняком, который неумолимо надвигается сплошной стеной, как вражеское полчище. Даже мне до щемоты сердечной жаль трудов предков, которые веками возделывали, поливая потом, каждый клочок земли. Да и вообще жалко, что всё сельское хозяйство в стране развалили. Хорошо ещё, что в разных местах нашей области остались такие люди, которые несмотря ни на какие трудности и кризисы живут и борются на этой земле за жизнь. Это настоящие герои современности, я думаю. И ещё я думаю, что мои друзья, всю жизнь прожившие в городе, как-то шаг за шагом оказались в рядах этих самых героев. Только я им об этом ещё никогда не говорила.

Раньше мы с подругой, гуляя по сельским окрестностям, вместе восхищались великолепием природы, удивляясь, что местные жители к этому совершенно равнодушны. И вот, прожив несколько лет в деревне, Наталья как-то раз напомнила мне об этом и сказала: "Ты знаешь, я до сих пор не перестала замечать всю эту красоту, и могу сказать, что жить в деревне хорошо, но тяжело – надо очень много работать, чтобы жить хорошо".

И верно, как мудро заметил однажды один онежанин, трудолюбивый житель Шалги: *"Это правда, жить на земле нелегко, но – как ты с ней, так и она к тебе. За трудолюбие – и благодарность от неё, и всё спокойствие у нас от неё, и уверенность в завтрашнем дне"*.

Яков ПЕННЕР

член Союза журналистов Германии и России.

Чужая жизнь

Мы с Иваном могли бы познакомиться ещё в московском аэропорту Шереметьево, единственном тогда аэропорту СССР, который совершал полёты, как бы теперь сказали, в дальнее зарубежье, но в той толчее уезжающих и провожающих было не до этого, позже наши сиденья могли оказаться рядом в суперлайнере, что приземлил нас в Гановере, но случилось так, что познакомиться пришлось... в спортзале, где нам теперь предстояло неизвестно сколько времени жить и где мы умудрились с нашими семьями занять удобные двухэтажные нары, не в самом зале, где все были друг у друга на виду, а в бывшей раздевалке.

Неожиданно скоро нас всё же перевезли в другой лагерь, и тут наши семьи вместе жили даже в одной небольшой комнате. Теперь, мы целыми днями бесцельно бродили с ним по улочкам бывшего военного городка, превращённого в лагерь для русских переселенцев, рассказывали друг-другу байки про теперь уже прошлую нашу таёжную жизнь, и когда неожиданно в разговоре выяснилось, что мы оба имеем какое-то отношение к Онеге (Иван родился в каком-то небольшом лесопункте вверх по реке, недалеко от Ярнемы, куда когда-то выслали всю его многочисленную семью, жившую до этого в Поволжье).

И единственное, что омрачало наше беззаботное пребывание в неизвестности - мы оба боялись того дня, когда нас всех рассадят по автобусам и развезут в места нашего, теперь уже постоянного жительства. И высадят там, где будет угодно немецкому чиновнику, и будешь выть один-одинёшенек от тоски и ностальгии. Тревога эта имела основание, особенно у моего нового друга: если немецкий язык был мне знаком, то он же не знал ни единого слова.

Я его стал как мог утешать тем, что изучение языка - дело времени, и в конце концов он мне поверил, но его боялись эти первые полгода жизни в Германии, которые, как он полагал, ему понадобятся, пока он наконец-то научится сносно говорить и писать на языке своих далеких предков.

Вскоре меня с семьёй направили в Бонн, а Ивана, переименованного немецкой бюрократией в Иоганна, автобус высадил в Билефельде. Через несколько лет я случайно узнал его домашний телефон, и мы потом битый час рассказывали друг другу подробности о нашей новой жизни.

Разговаривали с ним, естественно, на русском, но я, осторожничая, намекнул ему на давний наш разговор в лагере, и он, как мне показалось, только и ждал мой вопрос.

- Понимаешь, старина, я где-то действительно в чём-то переоценил свои способности. Хотя, поверь, я некоторые слова, да даже целые выражения после языковых курсов выговариваю без акцента. Были там, чего греха таить, люди и потупее меня, отсидели за партой восемь месяцев, а толку ни на грош. И потом, ты уже успел узнать мой характер - если я за что-нибудь берусь, то довожу дело до конца. Язык немецкий, вот увидишь, я выучу досконально, со всякими там перфектами, имперфектами.

Ещё через полгода он неприлично для Германии поздно позвонил мне и радостно сообщил, что свояк наконец-то устроил его на фирму, которая делает запчасти для Форда. А свояк этот сам, кстати тоже не знал раньше немецкий и официально никогда и нигде языку этому не учился, но работая два года на этой самой фирме, *шпрехает* теперь не хуже любого местного жителя. Я его искренно поздравил. Больше - где-то даже позавидовал: и работу человеку хорошую нашли, и наконец-то он в совершенстве выучит этот трудный для него немецкий язык.

Вскоре из любопытства позвонил ему сам, но по его унылому голосу сразу понял, что тут что-то не то.

Оказывается, ему дали не ту работу, которую обещали, а предложили место на конвейере, и теперь соседом слева у него оказался турок, приехавший сюда три месяца тому назад, а соседом справа, бывший учитель истории из Омска. Так что теперь ему приходится, хочет он того или нет, или молчать, или снова говорить на русском. Иоганн был на грани срыва. И чуть ли не плача, он проямлил в телефонную трубку, обращаясь одновременно ко всем живущим на земле:

- Вы меня ещё не знаете, совсем не знаете.

Перед Рождеством позвонила Тоня, его жена, чего раньше никогда не делала, и я понял, что с Иоганном опять что-то стряслось. Так и есть - она попросила меня повлиять на её мужа, пока весь этот эксперимент с изучением языка не закончился для него умственным помешательством. А суть дела была такова: в одной русскоязычной еврейской газете была опубликована статья, автор которой уверял, что для освоения разговорной немецкой речи достаточно иметь в запасе 700 слов. Иоганн от радости даже подпрыгнул, и вот уже год ежедневно учит наизусть десять немецких слов. Теоретически он должен был заговорить ещё на майские праздники, теперь вот уже конец декабря.

- Да позвони ты ему, он о тебе хорошего мнения!

Я ему не позвонил. Да и что я мог бы ему сказать? Брось ты это всё к чертовой матери! Да он руки на себя наложил бы.

Прошло несколько лет, и вот в один из осенних дождливых дней, когда я, честно говоря, уже и забыл о его существовании, он мне позвонил и безразличным голосом сообщил, что кругом в жизни один лишь обман.

И там дурили, а здесь ещё больше дурят. И то, что он выучил когда-то наизусть более трёх тысяч немецких слов, от этого никому ни тепло, ни жарко. Надо ещё знать, как эти самые слова в предложение размещать, а для этого нужен синтаксис, а у них, насколько ему известно, его ещё нет. Оказывается, это ещё не все:

- Это надо только додуматься, продолжал он, глагол у них иногда разрывается в предложении на две части - одна может находится где-нибудь в середине предложения, а что останется от него - в конце. Как издеваются над нами! Но ведь я, да и ты тоже, мы ведь немцы по происхождению, можно бы со своими как-нибудь и почеловечнее. Не могу тебе это научно объяснить, но всеми своими потрохами чувствую - несправедливо с нами поступают на нашей исторической Родине. Недавно, представляешь, родственница мне сообщила, что такое женственное животное, как свинья, у них среднего рода! Это ли не издевательство над природой!

Интуицией, шестым чувством до меня стало теперь доходить, что я Иоганна все эти годы где-то недооценивал, и что, в конце концов, дело ведь не в знании или незнании немецкого языка, главное - чтобы человек был хороший! А язык - тьфу! Из пяти с лишним миллиардов людей на земле менее 200 миллионов немецким владеют, и то с такими отклонениями от грамматических правил, что каждый второй немец своего соседа не понимает. Да что там далеко ходить - мой дальний родственник зол на всю Германию за то, что местные не понимают его древнеголландский *plootdisch*, на котором сегодня ещё разговаривают несколько сот людей в сибирской тайге и столько же в лесах северной Канады, и он свято убеждён, что это тот единственный в мире язык, которые имеет право называться немецким. Я Иоганну детально объяснил свою позицию, он трудно и с каким-то внутренним присвистом минуту другую подышал в телефонную трубку, затем произнес:

- Спасибо тебе! И у нас у обоих, как груз какой-то с плеч свалился!

Потом он снова на годы потерялся, да и в моей жизни произошли большие перемены - мы с женой переехали в другой город, изменился, естественно, и телефонный номер. Но в один прекрасный день он как-то всё же на меня вышел.

Голос его был свеж и звонок, как молодой ветер гор, но ещё свежее была идея, в которую он поверил и которую, захлебываясь от восторга, он мне вкратце изложил. Оказывается, разные там языковые курсы, а тем более домашнее самоистязание со словарём в руках - дело вчерашнего дня. Мир новых технологий породил и новое направление - кодирование. Оно запатентовано в России и там этим методом успешно уже не первый год лечат алкоголизм, порчу (в простонародии - сглаз), Спид, паховую грыжу и прочие внутренние болезни. Приехали специалисты из Москвы, и впервые этим самым методом будут в Германии внедрять в сознание добровольных пациентов иностранные языки.

- Не опасно, спрашиваю его, такое *внедрение*. В народе страхи бушуют... Конечно, всё это ново, метод этот был опубликован в одном экземпляре, и то под грифом «совершенно секретно». Помнишь, когда ещё ЦК КПСС был, и разные там секретари по свету шастали, и все без переводчиц? Я ещё тогда подумал про себя - откуда у них столько ума! Оказывается, этим самым кодированием они без проблем усваивали нужные им языки. А народ, он всегда и есть народ! Тут ему, уже которое столетие внушают, что мудрее немца на свете человека нет, а там, в России, наоборот, держат за последнего дурака, заставляя годами без всякой практической для себя пользы зубрить: *der Affe, der Rabe...* Но я скажу тебе как другу: - между русским и немцем разницы нет.

И не боязно, спрашиваю его, а вдруг какие-нибудь негативные последствия после эксперимента?

Да чего там бояться! Приходишь, тебе дают место на топчане, одеваешь на голову меховую шапку, чтобы не проникали посторонние звуки, выпиваешь стакан какой-то бормотухи и засыпаешь сном младенца. И в это время с космической скоростью проигрывается СД, на которой записана Большая Советская Энциклопедия, все 285 тысяч её слов на немецком языке!

- И надолго это усваивается?

- Да на всю жизнь! Полученные знания как бы бетонируются в твоей голове, все эти тысячи тысяч слов прямо въедаются в мозговые клетки, генетические по-научному называются. Да нам с тобой зачем все эти тонкости, главное - это итог! Ты идёшь, и так, между прочим: «Гутен Морген, фрау мадам...» Да ты приезжай, и сам удостоверись, деньги я уже заплатил, так что топчан на весь вечер мой.

В ближайшее воскресенье я был уже у него. Десять лет не прошли для нас обоим даром, но мы, слава богу, друг друга всё же узнали и искренне обрадовались второй в нашей жизни встрече.

- Пивка холодного, не против? Да что я спрашиваю, мы всё же немцы с тобой, а немец без пива, что пушка без заряда. Шучу! Ба, совсем забыл, гости были вчера, бывший сосед мой с женой из России прикатил, всё подчистую и вылакали. Ты посиди, а я тут в две секунды слетаю. И уже с порога:

- Даже и не знаю, Иоганн... Может: «*Bitte, geben Sie mir ein Birchen!*» Застыв у порога в нерешительности, он снова вернулся к столу.

А почему ты говоришь - *bitte!* Это, выходит, я прогибаюсь перед ним за пиво, за которое сам же и плачу. Нет уж, ты можешь даже у жены моей спросить, в нашей семье никто и ни перед кем никогда не унижался. Да знаешь ли ты, что пиво, которое я сейчас пойду и куплю, стоит в воскресенье одно евро двадцать центов, а это же самое в супермаркете в нормальные дни тридцать центов, так что ещё неизвестно, кто кому должен сказать *bitte*.

- Хорошо, не говори никому ничего, просто подойди, заплати деньги, и делу конец!

- Не сердись, дружище, я понимаю тебя, но дело тут не в пиве, а в немецком языке.

Ты вот говоришь *бирхен*. Я такого слова вообще ещё никогда не слышал. Я знаю слово *медхен*, но там оно оправдано, это вроде как бы женщина, и, в то же время ещё и не женщина, то есть ещё не полностью сформировавшийся объект. А, теперь до меня, дурака, дошло! Ты хочешь этого торгаша поддеть, что пиво его, мол, еще в стадии созревания. Усёк, здорово! Надо себе в записную книжку записать!

- Слушай, Иоганн, может лучше я схожу сам, а ты тут что-нибудь поделаешь по дому?

- Но имей ввиду, уступаю исключительно только как гостю!

- А где тут у вас магазин?

- Да выходной ведь сегодня, все закрыто.

- Но прямо напротив нашего дома старый грек открыл недавно киоск. У него оно подороже, но зато остуженное.

Я открыл дверь киоска, и на меня уставилась... сама Афродита. Всё говорило о том, что она в этом заведении явление случайное, и спустилась она со своих божественных высот исключительно ради того, чтобы мне угодить. Естественно, современный язык, тем более немецкий, она не знала, да и знать не могла, потому что в её бытность говорили в мире только на древнегреческом.

Я показал ей пальцем на бутылку *Kolsch* и она в ответ кивнула мне своей изумительной головкой. Тогда я преподнёс к её личику четыре растопыренных пальца, и она уложила ровно столько бутылок в пакетик цвета небесной голубизны, прихваченный ею, надо полагать, из мест постоянного её пребывания. Пятясь, выдавил своё тело на улицу, но обуреваемый природной любознательностью, через несколько секунд влетел обратно. За прилавком киоска теперь сидел и рвал зубами кусок баранины старый грек. Он уже заканчивал свою трапезу, и я дам теперь любому девять из десяти, что сидел он здесь, не отходя ни на шаг, уже не менее получаса. При моём появлении он лениво развернулся на полоборота и ткнул пальцем в сторону алкогольных напитков:

- Выбирай, мол, чего тебе мило!

Немецкий язык он тоже не знает, но если быть объективным, он ему и не нужен, потому что его покупатели, выходцы из Азии, Африки и прочих отдаленных континентов, и живущие теперь на окраине Билефельда в многоэтажных домах с загаженными подъездами на правах политических эмигрантов, тоже его не знают.

Я поплёлся с купленным пивом назад к Иоганну, сам с собой размышляя: вот живёт этот добрый человек десять лет в Германии, хорошо ли, плохо ли, но приспособился к новому порядку и образу жизни. Числясь в чиновничьих недрах законопослушным немецким гражданином, он

продолжает выписывать русскую газету, смотрит по телевизору исключительно только русские передачи, питается продуктами из русских магазинов, у него русская жена, которой, несмотря на многолетнюю бюрократическую волокиту и огромные деньги, выплаченные адвокатам, Германия так и не предоставила пока ей своё гражданство, сын недавно привёз себе из Сибири русскую жену, каждые четыре года Иоганн, располагая двойным гражданством, как законопослушный гражданин России едет за 300 километров в российское посольство выбирать очередного президента страны, страны, с которой его уже ничего не связывает, раз в месяц жена берёт его с собой на выступление какой-нибудь русской гастролёрши, которую он тоже уже не знает и которая ему не интересна, но из уважения к супруге со скучной миной на лице наблюдает кривляние на сцене безголосой полуголой девы.

Засыпая на жёстком стуле, к нему через толщу дней пробиваются картины детства. Вот на высоком берегу реки мать, молодая и вся в ярком и цветастом, зовет его:

- Ва-а-н-я, до-о-о-мой, сколько можно купаться, до-о-о-мой, и сейчас же... Солнце слепит глаза, вода приятно ласкает тело, нет и тени беспокойства о будущем, словно родили его и вывели в свет с единственной целью, чтобы наслаждался он до конца дней своих этим прекрасным необъятным миром.

Медленно, день за днём, уже без его желания и какого-либо участия, как-то само собой уходит куда-то прежняя жизнь с её заботами и привычками. Никому уже в семье не придёт в голову, как это бывало раньше, в какую-нибудь субботу накрыть праздничный стол и созвать

гостей, нарезать салца, малосольных огурчиков, похвалиться собственной квашеной капустой. А о рюмке грешно и говорить, потому что бывшие российские знакомые и дальние родственники стали членами протестантских сект, которые плодятся в Германии как грибы после дождя, и право получить место в раю требует от них не только покорности, но и воздержания от любых житейских утех. Кончилось тем, что пиво своё Иоганн, как и местные немцы, пьёт теперь один на один, а редкие гости приходят теперь больше по делу, и им предложат в лучшем случае стакан воды или чашку кофе.

Но где-то подспудно в нём всё ещё не угасла надежда, что когда-нибудь он всё же выучит этот, всё ещё чужой для него немецкий язык, как некогда его далекие предки выучили в России русский.

Другой вопрос: для чего? Знание официального языка этой страны по большому счёту ничего в его жизни не изменит, потому что для местных жителей не только он, но и его дети, а по всей вероятности и внуки будут русскими, то есть людьми в этом обществе нежелательными, и такое будет к ним и отношение, такую он и его потомки будут выполнять работу и такое получать за это вознаграждение. Но, если даже случится чудо, и он одолеет тот невидимый внутренний барьер, который и не даёт ему вобрать в себя язык и образ жизни всё ещё чуждых ему людей, то это обратно ничего не изменит, потому что за все эти долгие годы не оказалось рядом никого, кто мог или пожелал бы с ним на его *родном* языке разговаривать.

Онега-Бонн. 2009 г.

Библиографический раздел

Лариса БИКУЛОВА
библиограф Онежской центральной библиотеки

Книги об Онежском районе

Общие работы

1. **Административно-территориальное деление** Архангельской губернии в XVIII- начале XX вв.: Справочник / Государственный архив Архангельской области; сост. Л.В. Гундакова, сост. Н.А. Шумилов. - Архангельск, 1994.- 201 с.

2. **Архангельская область. Онежский район:** путеводитель / Адм. МО "Онеж. муницип. р-н", авт.-сост.: И.В. Дрожжина и др.; фот.: Веселов И.Н. и др. – Северодвинск, 2010. - 32 с.: цв.ил.
3. **Архангельская область:** Экономико-географич. характеристика / Ред. Селезнев С.А. - Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1967. - 456 с.
4. **Архангельская область:** Ист. достопримечательности. Музеи. Нац. парки. Актив.отдых. Гостиницы. Транспорт. Турист. маршруты: Путеводитель / [А.Г. Хропов и др.]. - М., 2000. - 224 с: цв.ил, карты.
5. **Боровой, В. Я.** Там, где течёт Онега/ В.Я. Боровой. – Онега: Онежская тип., 1994. - 70 с.
6. **Васёв, В. Н.** Поонежье: прошлое и настоящее / В.Н. Васёв. - Вельск, 2008. - 440 с.
История, природа, экология, экономика, административно-территориальное деление Онежского района и др.
7. **Город Онега и Онежский район в цифрах:** Краткий статистический сб. - Архангельск, 1999. - 63с.: ил.
8. **Города Архангельской области:** Статистический сб. / Редкол.: Григорьева Л.А. и др.; Рос. стат. агентство, Арханг. обл. ком. гос. статистики. - Архангельск: Облкомстат, 1999. - 185с.
9. **Не век жить - век вспоминать:** Народная культура Поонежья и Онежского Поморья / А.А. Крысанов, В.Н. Матонин, С. Рапенкова. - Онега-Архангельск-Москва: Товарищество Северного Мореходства: Фолиум, 2006. - 386 с.
Книга составлена на основе материалов историко-этнографических экспедиций 1987-2001 гг. по Онежскому району. Воспоминания местных жителей, редкие архивные документы, раскрывают многоплановую картину жизни нашего края (традиции, уклад, нравы) с начала XX в. и до наших дней.
10. **Онежская старина:** Историко-краеведческий сб. Вып. 1 / С.В. Морозов, В.А. Шапошник, А.М. Крысанов; Онежский ист.-мемор. музей. - Онега: Онежская тип., 1995. - 105 с.

11. **Онежская старина:** Историко-краеведческий. сб. Вып. 2 / Т.А. Новинская, А.А. Крысанов; Онежский ист.-мемор. музей. - Онега: Онежская тип., 2002. - 79с.: ил.
12. **Онежскому району - 80 лет:** Фотоальбом/ авт. текста: А. Крысанов, Р. Ушакова. - Северодвинск, 2009. - 46 с.: цв.ил.
13. **Семушин, Д.** Русский Север. Пространство и время / Дмитрий Семушин. - Архангельск: АГМДЗиНИ "Малые Корелы", 2010. - 119, [1] с.: ил., карты.
Из содерж.: Онежский, Каргопольский уезд (сер. XVI в.)
Книга представляет из себя атлас исторических карт с комментированием.
14. **Харитонов, Н.Н.** Онежская трилогия. Кн.1: Онежский альбом / Н.Н. Харитонов. - Архангельск, 2003. - 251, [20] с.

Город Онега

См. так же № 30, 38.

15. **Дерягин, Г.Б.** Старая Онега: Исторический путеводитель / Г.Б. Дерягин, Л.А. Харлин. **Былье:** Рассказы / Л.А. Харлин. - Онега: Онежская тип., 2012. – 214 с.: ил.
Онега г., Турчасово, Пурнема, Лямца.
16. **Калинин, Г.Д.** Онега/ Г.Д. Калинин. - Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1980. - 126 с. - (Города Архангельской области).
17. **Киселев, В.В.** Поньга: (Из истории лесопиления г. Онеги) / В.В. Киселев. - Онега: Онежская тип., 2003. – 100 с.
18. **Медведев, В.А.** Знакомьтесь: Онега: [Буклет] / В.А. Медведев. - Онега, 1989. - 20с.: ил.
19. **Медведев, В.А.** Памятники Онеги: [Буклет] / В.А. Медведев. - Онега, 1985. – 15 с.: ил.

20. **Медведев, В.А.** Улицы Онеги рассказывают: [Буклет] / В.А. Медведев. - Онега, 1985. – 8 с.: ил.
21. **Мой город:** к 235-летию г. Онеги: сборник / МБУК "Онежская библиотечная система". - Онега: Онежская тип., 2016. - 79 с.
22. **Онега - город у моря.** - Онега: Онежская тип., 2000. - 15с.: ил.
23. **Ульянов, А.И.** Онега: вчера и сегодня: (XII-XXI вв.) / А.И. Ульянов. - Онега: Онежская тип., 2015. - 174 с.

Онега в дневниках путешественников 18-19 века.

24. **Жилинский, А.А.** Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния / А.А. Жилинский; [предисл. С.Л. Маневича]. - Петроград, 1919 (Типо-литогр. Сев.-Зап. округа путей сообщения). Онега и Онежский уезд – с.128-130. [Электронный ресурс на сайте АОНБ (ЭКБ)]
25. **Молчанов, К.С.** Описание Архангельской губернии/ К.С. Молчанов. – М., 2009. - 270 с. - (Ломоносовская библиотека).
Онега и Онежский уезд нач. 19 века – с.223-237.
26. **Случевский, К.К.** Поездки по Северу России в 1885-1886 годах: [путевые очерки]/ К.К. Случевский. – М., 2009. - 270 с. - (Ломоносовская библиотека)
Город Онега и Крестный монастырь – с.160-177.
27. **Челищев, П.И.** Путешествие по северу России в 1791 году/ П.И. Челищев. - М., 2008. - 304 с.: ил. - (Ломоносовская библиотека)
Город Онега и Крестный монастырь – с.68-81.

Населённые пункты Онежского района

28. **Большой Бор 450 лет** / А.Г. Дышловой, А.В. Фомин, В.И. Воробьев. - Онега: Онежская тип., 2006. - 39 с.

29. **И за прошлым я ринусь вдогонку...:** Фотолетопись [д. Большой Бор] / Н.А. Ивахнова. - Онега: Онежская типография, 2009. - 34 с.: ил.
30. **Касьянов, Н.П.** Моя родная деревня Большой Бор: Посвящается 450 - летию деревни 1556 - 2006/ Н.П. Касьянов. - Онега: Онежская тип., 2006.-30 с.
31. **Киселёв, В.В.** Легенды и сказки Нюхчозера / В.В. Киселёв. - Онега: Онежская тип., 2004. -115 с.
32. **Киселёв, В.В.** По памятным местам Прионежья / В.В. Киселёв. - Онега: Онеж. тип., 1989. - 63 с.
г. Онега, Турчасово, Прилуки, Сырья, Лямца.
33. **Киселёв, В.В.** Прикоснись к роднику памяти: Итоги похода школьников г. Онеги на родину А. О. Шабалина в д. Юдмозеро через Ворзогоры и Нименьгу / В.В. Киселев. - Онега: Онежская тип., 2007. - 175 с.
34. **Киселёв, В.В.** Синегорье: История, легенды и сказки села Калгачиха Онежского района / В.В. Киселёв; [Рис. авт.]. - Онега: Онежская тип., 2002. – 102 с.: ил.
Калгачиха, Кушерека, Носовщина, Коркала, Луза.
35. **Киселёв, В.В.** Тамица. Страницы истории / В.В. Киселёв; [рис. авт.; фот.: В.С. Кузьмин и др.]. - Онега: Онежская тип., 2008. - 160 с.: ил.
36. **Киселёв, В.В.** Тропами Прионежья / В.В. Киселёв. - Онега: Онежская тип., 1991. - 52 с.
Нижмозеро, Тамица, Кушерека, Вонгуда, Большой Бор, Поле, Усолъе.
37. **Кольцова, Т.М.** Иконы Северного Поонежья: монография/ Т.М. Кольцова. – М.: Северный паломник, 2005. - 318 с., [16] л. ил.
Краткая информация об Онежских деревнях и храмах
38. **Максаков, В.Н.** Вдоль Нименьги речки стоит деревенька: (к 450- летию)/ В.Н. Максаков. - Онега: Онежская тип., 2006. - 46 с.: фото.
39. **Мильчик, М.И.** Пурнема. Нижмозеро: [Буклет] / М.И. Мильчик. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд., 1971. – 15 с.

40. **Путь деревни Кянда:** Фотолетопись / Сост. Л.Е. Бушманова. - Онега: Онежская тип., 2009. - 42 с.
41. **Распутин, А.В.** Моя малая Родина / А.В. Распутин. – Онега, 2015. – 360 с.
О жизни людей в северной глубинке на примере рода Распутиных, небольшой д. Медведево. Книга содержит схемы деревень, списки жителей сел Чекуевского куста.
42. **Ульянов, А.И.** Зодчество Онеги / А.И. Ульянов. - Онега: Онежская тип., 2004. – 115 с.
43. **Ульянов, И.М.** Страна Помория: [о д.Унежма] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strana-naoborot.com/Unezhma/unezhma.htm>. - (дата обращения: 13.10.2016).
44. **Шаларёв, А.А.** Беломорский оберег: книга по материалам этнографических экспедиций по всему побережью Белого моря в период 2008-2012 гг. / А.А. Шаларёв. - Архангельск: Правда Севера, 2015 - Т.1: Онежский полуостров : хроники экспедиции, путевые заметки, размышления о прошлом и будущем, описания сёл, церквей, маяков, промыслов. - 2015. - 426 с. : фот. цв., карты
Покровское, Тамица, Кянда, Нижмозеро, Пурнема, Лямца
45. **Это было, было...:** Фотолетопись Нименьги (XX в. - нач. XXI в.) / Сост. В.Н. Максаков. - Онега: Онежская тип. , 2008. - с. 30.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия

Елфимов В.В. Краеведение в г. Онега и Онежском районе 3

Земляки (о жителях города и района)

Волкова И.И. «Капитаны» - ничто человеческое им не чуждо 6

Лапина Т.П. Филяновы-Поповы из деревни Есенская (Поле) 11

Максаков В.Н. Макутынович Александр Леонович 16

Ромина Е.М. Прощай «Якорёк», или До свидания? 19

Ульянов А.И. Трудовой путь коммуниста 25

История края (о населённых пунктах)

Корнева А. История Владыченского прихода 29

Ульянов А.И. Поньга – родина лесозэкспорта в России 46

Шаронова Н.Н. Онега – колыбель лесного экспорта 56

По родному краю (путешествия и путешественники)

Веснина Л.Н., Коротких Т.Н. Не узнаешь мира, не зная края своего 68

Пономарёв В. Любимый маршрут 81

Поиски и находки (неизвестные факты)

Елфимов В.В. Исчезнувшая деревня..... 93

Лапина Н.В. Тропой предков - 2 142

Иванов И.Д. Прилукская трагедия 153

Холкина Н.В. Метрические книги Турчасовского прихода 160

Рукописи не горят (работы краеведов прежних лет)

Носков П.И. Что временем сокрыто 170

Солдаты Отечества (о военных конфликтах различных лет)

Елфимов В.В. На защите Онежского побережья 182

Литературное краеведение (стихи и проза)

Волкова И.И. Я крестьянского рода 191

Дуганова (Рогачева) М.А. Женский Север 193

<i>Елфимов В.В.</i> Мерцает огонёк свечи	217
<i>Латина Н.В.</i> О героях современности	221
<i>Пеннер Я.К.</i> Чужая жизнь	225

Библиографический раздел

<i>Бикулова Л.Р.</i> Книги об Онежском районе	231
---	-----

© МБУК «Онежская библиотечная система»

Я Севером вырос: Краеведческий альманах:
2 Вып: (очерки и стихи об Онежском районе).

Технический редактор – **Н. Большакова**
заслуженный работник культуры РСФСР

Вёрстка – **С. Вохтомин**
Печать – **О. Денисова**

